

801-13
2298

~~754~~
3

Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

M 56
204

СОЧИНЕНІЯ

Т. III.

МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ.

~~2630~~

733

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

Вхб-ка
Им. ВАУМАНА.

У

Ф15572-35

201123827

ПОСТАНОВЛЕНИЕ АДВОКАТА
ИЛИ СФОРМИРОВАННОЙ АДВОКАТСКОЙ
КАМЕРЫ

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

1918

ПО ПУТИ.

Э Ш Е Р Ъ.

Надъ моремъ по зеленымъ склонамъ, черезъ мосты и повороты, бѣжитъ шоссеиная дорога; близъ нея, у селенія Лохны, стоитъ вотъ уже вторую тысячу лѣтъ кряжистый дубъ, вершина его гола, расщепленная грозой, и только къ югу надъ землей протянулъ онъ кривую и крѣпкую вѣтвь, покрытую листьями. Проходя мимо всегда оглянется путникъ и, если знаетъ, то и припомнить преданіе: когда весь еще дубъ шумѣлъ въ небѣ зеленой листвою собирались подъ нимъ въ лунные мѣсяцы абхазскіе князья и простые наѣзники на молитву—зная, что вѣрующей, прикасаясь къ дереву, получалъ мыслямъ своимъ ясность, крѣпость костямъ и зоркость глазу. И многіе еще помнятъ, какъ во время послѣдней войны мудрѣйшій изъ князей—старый Анчабадзе, отрѣзалъ часть бѣлой своей бороды, бросилъ къ подножью дуба и велѣлъ тремъ сыновьямъ итти на русскихъ. Изъ трехъ сыновей вернулся только одинъ, столь покрытый ранами, что не могъ бѣжать съ покореннаго Кавказа, какъ сдѣлали иные. И тѣ, что остались, не стали счастливые, потому что веселья не найдеть въ сердцѣ своемъ измѣнникъ.

Тучныя земли отъ Самурзаканда до Сухумъ-Кале

отошли отъ князей, заглохли сады, обвалились военные дороги въ глубинѣ горъ, и старый Анчабадзе проклялъ священное дерево, не сумѣвшее сохранить народъ. Въ ту же ночь молнія ударила въ дубъ и расщепила его.

Теперь изъ рода Анчабадзе остались трое: тотъ, что вернулся съ войны, теперь уже старый, внучка его—Эшеръ да племянникъ—Джета, который прятался въ горахъ за многія дѣла.

Говорять, Эшеръ самая красивая дѣвушка въ Абхазіи, но видѣли ее всего разъ, въ снѣжную зиму, когда завалило долину, и Эшеръ, спасаясь отъ голода и стужи, спустилась къ морю, позади дѣда, на конѣ.

II.

Въ духанѣ у самой дороги сидѣлъ за стойкой духанщикъ Сандро. Надвинувъ на брови рыжую папаху, изъ-подъ которой торчалъ длинный носъ, Сандро щуриль воровскіе глаза и усмѣхался, потому что за перегородкой лежалъ на кошмѣ красивый армянскій мальчикъ, напѣвая: «Привела меня мама къ толстому дядѣ, а онъ погладилъ по щекамъ и сказалъ:—ай, ай, ай, какой же ты сахарный».

По другую сторону прилавка, у окна, сидѣлъ урядникъ, постукивалъ онъ себя кулакомъ по колѣну и зѣвалъ, при чемъ рыжая щетина на подбородкѣ вставала ежомъ и позвякивали ремни съ патронами, крестъ-накрестъ лежащіе на груди, затянутой въ рваный бешметъ.

— Скучно?—спросилъ духанщикъ.

— На кой ты мнѣ чортъ дался,—отвѣтилъ урядникъ, поджимая ноги,—понапрасну только время теряю, никто тебя не тронетъ.

— Эхъ, не тронетъ, не тронетъ,—вдохнулъ Сандро,—и, качая головой, вылтѣзъ изъ-за стойки и сталъ въ дверяхъ, куда легко влетѣла первая прохлада. Съ лѣвой стороны за гору закатилось солнце, заслоняемое ветхими краями, невѣдомо еще кѣмъ построенной, башни; пунцовыя и желтоватыя облака потянулись легкими дымами въ закатъ. Передъ духаномъ лѣсной хребетъ потемнѣлъ и въ расщелинахъ задымился; а позади тихое и теплое море покрылось синею рябью. Въ немъ, у края воды, поднялись зубчатые тучи, словно воздушный городъ, озолотились и побагровѣли; небо стало чище и зеленѣй; море полиловѣло; подъ мѣсяцемъ зажглась звѣзда и лунный серпъ сталъ ярче. У поворота бѣлой дороги, подъ кипарисами, заверещали жабы и низко надъ влажной травой, прыгая, стала носиться мышь.

— Опять ночь, опять безпокойство,—сказалъ Сандро, и затворилъ ставни; шлепая туфлями, вошелъ въ духанъ и подъ потолкомъ зажегъ лампу.

— Какъ же онъ здѣсь проявился,—спросилъ урядникъ, щурился на свѣтъ,—неужели ему головы своей не жалко?

— Глупо спрашиваешь,—крикнулъ духанщикъ, сунувъ руки въ широкіе штаны,—прошлымъ лѣтомъ я къ начальнику бѣгалъ, убери, говорю, пожалуйста, Джету Анчабадзе, онъ скотину на ночь въ хлѣвъ не загоняетъ: честный абхазецъ буйволъ и на замокъ замкнетъ и собаку спуститъ; хорошо, говорю, пускай у Джета буйволы гуляютъ; а онъ что повадился? Каждый праздникъ—давай ему денегъ. Ну, думаю, хорошо—бери, а съ нимъ абхазецъ чловѣкъ пятнадцать, такія рожи,—вина имъ моего даетъ, табаку, деньги—все отдаетъ; покричатъ и уйдутъ. Хорошо, говорю, я потерплю; а у меня мальчикъ тогда жилъ, очень красивый, теперешній передъ нимъ паршивый; пришелъ Джета, увидѣлъ и увелъ... А кто,

спрашиваю, дачу обокралъ?—кто стражника къ дереву кинжаломъ приткнулъ?—Джета... Все Джета. Начальникъ меня благодарилъ, послалъ Джета ловить; а онъ въ горахъ какъ по ровному полю скачетъ. Теперь опять проявился; я знаю зачѣмъ; эхъ, лучше бы мнѣ тогда и не жаловаться; слушай, убей его, пожалуйста, на что тебѣ онъ, я пятьдесятъ рублей заплачу.

И духанщикъ, закативъ глаза, присѣлъ передъ урядникомъ, погладивъ его по щекамъ... Урядникъ усмѣхнулся и отвелъ его руки. Сандро, жалобно причитая, отомкнулъ конторку, сталъ звенѣть деньгами и щелкать ящикомъ. Вдругъ въ дверь стукнули, раскрыли ее и въ духанъ быстро вошли два абхазца; одинъ совѣмъ еще юный, въ бѣломъ бешметѣ и пестромъ платкѣ вокругъ головы, вспыхнулъ увидя урядника, и прислонился къ стѣнѣ, глядя prodловатыми глазами исподлобья. Товарищъ его, въ красной одеждѣ, поправилъ на лицѣ башлыкъ, изъ-за котораго торчали, какъ щетка, черные усы, подошелъ къ прилавку и грубо сказалъ:—пить!

Урядникъ даже зажмурился,—такой у этого чело-вѣка былъ алый, какъ огонь, бешметъ. Сандро боязливо покосился и, кряхтя, полѣзъ за прилавокъ, наливая два стакана виномъ...

— Одинъ стаканъ,—внѣ себя воскликнулъ черный,—Алекъ мальчикъ, не пьеть...

— Ну и бешметъ, бешметъ важный,—протянулъ урядникъ,—ишь ты, красный какой.

Алекъ, стоя у дверей, нетерпѣливо переступилъ; черный, отеревъ усы, обернулся и что-то сказалъ; Сандро, въ страхѣ задвигалъ бровями, но урядникъ, развалился, продолжалъ удивляться красному жупану.

— Духанъ, запирайте пора,—робко молвилъ Сандро.

Черный, поднявъ широкіе рукава, мягко и быстро подошелъ къ двери, поднялъ ладонь и прислушался.

— Идетъ,—воскликнулъ онъ, отступилъ, склонился и, когда изъ темноты въ свѣтлую дверь духана вошелъ третій, поймалъ у вошедшаго полу и поцѣловалъ, то же сдѣлалъ и Алекъ. Вошедшій одѣтъ былъ весь въ черное, бритую голову его прикрывалъ черный башлыкъ съ золотой кистью; на низкомъ лбу сдвинуты узкія брови, отъ которыхъ прямо шелъ носъ, горбатый и сухой; небольшие усы не закрывали рта, оскаленнаго въ злой гримасѣ. На согнутомъ локтѣ лѣвой его руки сидѣлъ копчикъ, съ бубенчикомъ и въ колпакѣ...

Духанщикъ, увидя вошедшаго понялся, раскрывъ ротъ, сѣлъ на табуретку, и шапка у него свалилась. Урядникъ почтительно привсталъ; Алекъ, не понявъ этого движенія, прыгнулъ между нимъ и вошедшимъ, который, прищуря глаза, оглянулъ урядника, усмѣхнулся, быстро повернулся къ двери, копчикъ взмахнулъ крыльями—и всѣ трое вышли, сразу пропавъ въ темнотѣ...

— Иди, иди за нимъ,—заговорилъ, наконецъ, Сандро, заикаясь,—это и есть Джета Анчабадзе. А тѣ его товарищи.

— Что ты,—радно воскликнулъ урядникъ,—ну и атаманъ.

— Поди, убей его, пожалуйста, онъ же за мной приходилъ, я сто рублей заплачу, а сейчасъ половину...

Сандро бормоча, полѣзъ въ конторку, урядникъ же поднялъ стоявшее въ углу ружье и проворчалъ, усмѣхаясь:

— И то сказать, если они не въ законѣ... А кафтанъ у того важный, не пропадать же этакому красному кафтану...

Скоро огонь въ духанѣ погасъ, и ясный мѣсяцъ, протянувъ серебряную полосу по морю, погналъ густыя тѣни отъ кипарисовъ и тополей, черезъ луга и дорогу, на склоны, гдѣ въ густыхъ заросляхъ кричалъ шакалъ, а выше на

лѣсныхъ горахъ ярко горѣли костры: то армяне жгли на полянахъ сухой папоротникъ.

III.

Джета, указывая пониже этихъ огней, сказала двумъ спутникамъ: «Идите къ армянамъ и ждите, пока «Крѣпкій Табакъ» въ духанѣ; когда нужно, я позову,—приложилъ ко лбу пальцы и легко, какъ на цыпочкахъ, пошелъ налѣво къ полянкѣ, гдѣ, привязанный къ сухой вѣтви дуба, стоялъ осѣдланый конь. Джета вынулъ изъ дупла ружье и бурку, обласкавъ, прыгнулъ на коня, покрывъ его буркой, обернулъ голову къ морю, сбросилъ башлыкъ и, нагнувшись, быстро, скачками, поскакалъ вверхъ...

А правѣ князя, по крутымъ обрывамъ, закинувъ винтовку, карабкался, урядникъ—«Крѣпкій Табакъ», прилегая на открытыхъ мѣстахъ.

Подъ луной въ заросляхъ было сыро и ясно; горы чернѣли въ звѣздномъ небѣ; тянуло острымъ запахомъ травы, цвѣтовъ и дыма.

И въ тишинѣ гулко прокатился выстрѣлъ; ему отвѣтили ущелья; жабы смолкли и вновь заверещали...

А еще правѣ взбирались къ армянскимъ огнямъ черный, въ красномъ бешметѣ, и Алекъ. Черный говорилъ:

— Опять вернулись хорошія времена: Джета—настоящій князь, онъ всѣхъ убьетъ.

— Я Джета люблю и за него умру, потому что люблю,—отвѣтилъ Алекъ.

Но онъ не успѣлъ окончить своего длиннѣйшаго выстрѣла. Алекъ принявъ за камень и осторожно обернулся... Чер-

ный лежалъ ничкомъ, схвативъ руками затылокъ, и быстро сучилъ ногами.

IV.

За горой, по ту сторону, черезъ узкую долину, сквозь ущелье, вливаясь въ море, бѣжалъ по камнямъ, бурля и пѣнясь, всегда сѣдой, потокъ; близъ него въ долинѣ стояла бѣлая сакля стараго Анчабадзе; по склону къ ущелью земля была распахана подъ чечевицу, а за саклей, подъ защитой сѣрыхъ скалъ, росли, въ давнія еще времена посаженные черкесами, одичалыя яблони; плодами ихъ и кукурузной мамалыгой питались два буйвола, батракъ, самъ князь и внучка Эшеръ. Князь никогда не работалъ; въ хорошее время онъ ходилъ лишь бить копчикомъ перепеловъ, въ плохое время сидѣлъ въ саклѣ, или у порога, поглаживая крашеную бороду; батракъ, идя за плугомъ, кричалъ на буйволовъ, которые норовили залѣзть въ воду; изъ воды ихъ ничѣмъ уже не выгонишь—ложись на берегу спать, пока сами не выйдутъ; въ синемъ небѣ надъ глубокой долиной проходили облака, бросая тѣни на снѣга высокихъ скалъ; тамъ иногда, быстрѣе тѣни, пролеталъ рогатый туръ; свистали перелетныя птицы. И въ маленькое окошко сакли смотрѣла княжна Эшеръ. Такъ проходили дни.

Поджавъ подъ себя босыя ноги, въ черныхъ шелковыхъ шальварахъ, сидѣла княжна, въ золотой шапочкѣ, и распутывала тонкими пальцами шелкъ. На колѣняхъ у нея лежалъ осколокъ зеркала, куда княжна, проводя по бровямъ, смотрѣла на чудесное, узкое книзу, широкое въ вискахъ, смуглое лицо свое, на грустный ротъ и длинные глаза, такіе большіе, что самой княжнѣ становилось жалъ человѣка, который ихъ полюбитъ. Потомъ, глянувъ

мимолетомъ на далекіе снѣга, бросала она шелкъ, такъ его и не распутавъ, и, поглаживая босыя ступни, пѣла:

Для того глаза темны,
Чтобы лучше видѣть сны.
Для того и алый ротъ,
Чтобы крикнуть у воротъ:
«Жду, скачи скорѣе».
И ступни мои легки,
Чтобы домчаться до рѣки,
Да носить шальвары.
Все пою; а ты нейдешь,
Отточу мой острый ножъ,
Ножъ мой изъ Байдары.

Когда свечерѣло и снѣга порозовѣли, стали алыми, покрылись синими тѣнями и потускнѣвъ, тронулись луннымъ свѣтомъ, а изъ низинъ и отъ рѣки закрутился густой туманъ, Эшеръ просунула голову въ окно и крикнула дѣду:

— Ну, что же не ѣдетъ твой Джета; видно наврала, что онъ три дня въ нашихъ мѣстахъ; мнѣ-то все равно, хоть бы онъ совсѣмъ не пріѣхалъ.

— Пріѣдетъ, пріѣдетъ,—отвѣтилъ князь, потряхивая бородой;—сегодня будетъ большой туманъ. Джета побойтся погубить коня и не пріѣдетъ.

— Джета ничего не боится,—гордо отвѣтила Эшеръ, отвернувъ лицо.—Я не видѣла его цѣлый годъ, про какой ты говоришь туманъ.

Но вотъ издалека докатился по ущелью выстрѣлъ; Эшеръ вытянула шею и раскрыла руки ладонями вверхъ; четыре косы свѣсились отъ висковъ ея напередъ, на смуглой груди звякнуло ожерелье; князь вошелъ въ саклю и сказалъ:

— Стрѣляли по человѣку.

— Я боюсь, такой туманъ,—отвѣтила Эшеръ.

Дѣйствительно, туманъ шель со дна долины густой и бѣлый; закутывая огромныя пихты, лѣвъ по скаламъ; завивался неподвижными вихрями; подходилъ къ окну сплошной, зыбкой стѣной, за которой, казалось, ничего не было, и дойдя покрылъ все.

А на верху лунный свѣтъ скользилъ по бѣлымъ его клубамъ; изъ нихъ, словно изъ волнъ, поднимались каменные пики, да кое-гдѣ черная вершина ели. Здѣсь было тихо и призрачно; но вотъ звякнули копыта и, храпа, по слѣднимъ усилиемъ взмахивая жилистое тѣло на кручу, изъ тумана на лунный пикъ вылетѣлъ конь и всадникъ. Осадивъ коня на вершинѣ, всадникъ привсталъ, отлягулся еще разъ на туманъ, надъ которымъ горѣли огромныя звѣзды, плотнѣе закутался и нырнулъ черезъ переваль въ бѣлыя облака.

Эшеръ различила дальній топотъ; она не велѣла дѣду дышать и, поднявъ палецъ, слушала у окна, сдвинувъ брови. Топотъ приближался, залаяла собака, всадникъ свистнулъ близко и знакомо; у сакли зафыркалъ конь, и спѣшились. Эшеръ, положивъ руку подъ грудь, постояла, и убѣжала за перегородку. Въ саклю вошелъ Джета, сбросилъ копчика, сдернулъ баншыкъ и опустился передъ княземъ, поцѣловавъ ему руки. Князь, глядя Джета, вздохнулъ—очень онъ былъ слабъ и древенъ годами.

— А Эшеръ?—спросилъ Джета, оглядываясь.

Изъ-за двери былъ виденъ только кончикъ ея туфли.

— Эшеръ,—позвалъ Джета,—иди же, я тебя поцѣлую.

Нога спряталась, и старый князь долго уговаривалъ ее выйти. Джета самъ пошелъ за перегородку, вывелъ Эшеръ, пѣжно отвелъ ея руки и поцѣловалъ въ ротъ. Она, ахнула, вновь убѣжала.

Джета и князь, поджавъ ноги, сѣли у круглаго стола и молча принялись ѣсть. Насытись, Джета сказалъ:

— Я пріѣхалъ, чтобы отомстить духанщику; потому

вернусь въ Тифлисъ—я клянусь, я имъ сдѣлаю много вреда, насъ теперь много.

— Ты хорошій мальчикъ, Джета,—отвѣтилъ князь,— благословлю тебя, а я ужъ старъ; ты не слушай меня, если начну отговаривать...

— Когда Кавказъ будетъ мой,—продолжалъ Джета, раскрывая глаза,—я женюсь на Эшеръ.

Эшеръ за перегородкой принялась вздыхать; Джета вскопчилъ и воскликнулъ:

— Иди же къ намъ, горлинка.

— Охъ,—сказалъ князь,—не время теперь любиться, убъжай; меня знаютъ, за тобой сюда придутъ; уходи къ армянамъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Джета,—я хочу глядѣть на Эшеръ.

V.

На утро, чуть свѣтъ, духанчикъ поскакалъ въ городъ и рассказалъ начальнику все, какъ было; начальникъ послалъ на помощь пять человѣкъ, приказавъ поймать князя живымъ. Сандро на обратномъ пути поилъ солдатъ въ каждомъ духанѣ, а къ полудню, доѣхавъ до своего кабака, завопилъ и ударилъ шапкой о землю: въ духанѣ все было переколочено, перевернуты столы, и полъ залитъ виномъ: то урядникъ загулялъ со скуки и теперь храпѣлъ, какъ буйволъ, валяясь въ аломъ бешметѣ поперекъ двери. Его подняли, отлили водой, и онъ сразу разбушевался—потребовалъ всѣ деньги впередъ да еще четвертную помощникамъ. Потомъ, получивъ деньги, повелъ всѣхъ на переваль...

Послѣ обѣда, когда солнце и вѣтеръ разогнали туманъ, старый князь прилежъ на кошмѣ въ тѣни сакли и

улыбался, слушая тихій смѣхъ Эшеръ и гортанный, поспѣшный говоръ Джета. Эшеръ сидѣла въ саклѣ, какъ всегда; у окна, поджавъ ноги, и говорила, усмѣхаясь:

— Ну, вотъ еще, ты убѣхалъ Богъ знаетъ куда, а я стану о тебѣ думать; глядѣла въ окно, шелкъ мотала, пѣсни пѣла... Вѣришь?

— Нѣтъ, не вѣрю, не вѣрю,—отвѣчала Джета; лежалъ онъ у ея колѣнъ, упирался въ коверъ локтями и глядѣлъ въ глаза.

— Эшеръ, отчего ты такая красивая, что мнѣ дѣлать?—повторялъ Джета, и княжна нѣжно смѣялась, словно вотъ сейчасъ и скажетъ, что ему дѣлать...

— Все одно, все одно и то же съ самаго утра,—думалъ старый князь,—и никакъ его не прогонши.—Глаза у князя слезались и рука лѣниво отгоняла мухъ.—Вотъ такъ бы всегда, а то убиваютъ; народъ во всѣ стороны разбрелся; нѣтъ веселья; у человѣка голова должна быть ясная, какъ небо, ноги крѣпки, какъ древесные корни, и кровь горячая, какъ огонь—тогда будетъ веѣмъ хорошо. А мы какъ поступаемъ? Когда же этому конецъ? Боже мой, Боже мой!

Князь, вспоминалъ бывшее и не слышалъ шороха близкихъ шаговъ; но, когда шорохъ смолкъ, князь быстро обернулся—около стоялъ урядникъ, въ аломъ бешметѣ; князь быстро спросилъ:

— Что тебѣ надо?

— Куда племянника запряталъ?—спросилъ урядникъ.

Князь видѣлъ—подбѣгали еще четверо.

— Джета,—закричалъ онъ,—берегись... и, не окончивъ, свалился отъ тяжелаго удара сапогомъ.

Въ дверяхъ показался Джета. Урядникъ и четверо, подбѣжавшихъ солдатъ подняли ружья.

— Сдавайся,—крикнулъ урядникъ,—гололобий.

— Стрѣляй,—тихо отвѣтилъ Джета, приложилъ къ

груди руку съ длиннымъ кинжаломъ, нагнулся впередъ, оскалилъ бѣлые мелкіе зубы, и топнулъ ногой...

— Живого начальника его взять приказывалъ,—поспѣшно сказалъ одинъ изъ солдатъ...

— Живого, такъ и вяжи самъ,—еще грубѣе закричалъ урядникъ, сплонулъ и опустилъ ружье...

И тотчасъ Джета, согнувъ слегка колѣни, прыгнулъ на урядника, широкимъ взмахомъ кинжала ударяя въ животъ... Но отскочило—остріе, попавъ въ патронташъ, согнулось, разорвало только бешметъ, а свади уже наскочили солдаты на Джета, загибая назадъ локти. Урядникъ, ругаясь и охая, билъ его въ грудь прикладомъ. Послѣ каждаго удара лицо Джета желтѣло, бѣгающіе глаза наливались кровью, вздулись жилы на шеѣ...

— Крѣпкой,—сказалъ тотъ же солдатъ.

Рѣзко въ это время щелкнулъ выстрѣлъ и изъ окна вылетѣлъ дымокъ.

— Эшеръ,—горланно крикнулъ Джета, рванулся и затихъ,—не трогайте, это дѣвочка,—сказалъ онъ.

Связаннаго ремнями его повалили на траву и двое солдатъ вошли въ сакло... Оттуда послышались голоса, возня и бокомъ изъ двери выскользнула Эшеръ. Сжатые зубы ея были оскалены, точно наготовѣ, глаза прищурены, чрезъ разорванныя шальвары бѣлѣла тонкая нога; дотрагиваясь пальцами до стѣны она продвинулась, и увидала Джета...

— Ишь ты, чортова сучонка, ну и зла же,—громко засмѣялся солдатъ.

Лицо Эшеръ стало совсѣмъ блѣднымъ, глаза раскрылись, углы рта опустились скорбно, и, подбѣжавъ, она присѣла около Джета, взявъ его за лицо...

— Жалѣеть,—сказалъ солдатъ,—ничего, ничего, мы его не обидимъ...

— Ну ты, не обидимъ, вяжи дѣвчонку,—приказалъ

урядникъ и, взявъ ее за плечо, пригнулъ къ землѣ... Эшеръ коротко вскрикнула и вцѣпилась въ Джета... Ихъ связали, поставили на ноги; изъ сакли вышли солдаты, неся ковры и кувшины... Приползъ изъ-за угла князь, отиралъ разбитое лицо, просилъ и кланялся; надъ нимъ посмѣялись, пригрозили и ушли, уводя плѣнниковъ. И долго, крича вслѣдъ уходящимъ, грозилъ палкою старый князь. Потомъ легъ у стѣны и больше не двигался.

VI.

Эшеръ и Джета шли по тропинкѣ черезъ переваль, привязанные другъ къ другу; она участливо взглядывала на него; онъ же, облизывалъ пересохшія губы, бормоталъ и негромко вскрикивалъ, подергивая лицомъ; если бы не Эшеръ—онъ побѣжалъ бы лучше и упалъ растрѣленный, но такъ—плѣнникомъ не пошелъ... ни за что. Направо отъ тропинки поднимались сѣрыя скалы, внизу подъ кручей бѣлая рѣка тѣнилась и шумѣла камнями. Въ шагахъ дорога заворачивала и оттуда сбѣгала внизъ къ морю...

Поотставъ, урядникъ сказалъ солдатамъ...

— Ежели онъ сейчасъ убѣжитъ—стрѣлять по немъ... будете?

— Да ужъ, тогда доведется, по закону,—сказали солдаты...

— Вы, ребята, не сомнѣвайтесь, по цѣлковому на водку, а дѣвчонка пускай бѣжить, ее пымаемъ,—и урядникъ, догнавъ плѣнниковъ, ударилъ Джета по плечу и сказалъ тихо,—бѣжать хочешь? Давай деньги.

Джета сразу сталъ. Эшеръ, раскрывъ ротъ, поглядѣла на него и глаза ея налились слезами.

— Разстегни бешметъ, въ карманѣ,—прошепталъ Джета, и передернулся, когда за пазуху влѣзли ему короткіе пальцы. Доставъ деньги, пересчитавъ, урядникъ пошелъ сзади и распуталъ узлы на рукахъ.

— Съ Богомъ,—сказалъ онъ и обернулся къ солдатамъ, чтобы скомандовать стрѣлять, но не успѣлъ; Джета крѣпко схватилъ его, поднялъ и толкнулъ подъ кручу. Потомъ взялъ на руки Эшеръ и побѣжалъ; дѣвушка прижалась, закрыла глаза; онъ на цыпочкахъ, едва касаясь камней мягкими ичигами, летѣлъ къ повороту, гдѣ можно прыгнуть въ кусты, скрыться, убѣжать; и всего только осталось пять шаговъ, но онъ почувствовалъ, что никогда ему не пройти этихъ пяти шаговъ; сзади кричали; негромко щелкнулъ выстрѣлъ; ударило въ спину, обожгло ее горячимъ и ноги уже не слушались и нельзя было ихъ поднять... И, Джета, помня, что всего дороже на свѣтѣ то, что держитъ онъ на рукахъ, положилъ Эшеръ къ скалѣ, легъ на бокъ и, взглянувъ на сбѣжника, все такія же бѣлыя, вершины, умеръ. Подбѣгали солдаты... Эшеръ, упираясь, подхватывала на голое свое колѣно, приподнимала Джета, онъ былъ очень тяжелъ. Подняла, обхватила, дотащила до края и, взглянувъ упрямо и гнѣвно на подбѣгающаго солдата, толкнула Джета внизъ и сама легко прыгнула въ сырое ущелье въ пѣнящійся потокъ... И тотчасъ, и одинъ только разъ, надъ пѣнной водой появилась маленькая ея измученная голова съ открытымъ ртомъ...

ПРОГУЛКА.

Каждый вечеръ, поглазѣвъ на пассажирскій поѣздъ, Яковъ Ивановичъ шелъ, прогуливаясь, мимо красныхъ казармъ и деревяннаго трактира съ облѣзлой вывѣской, мимо оврага, полного навоза и разной дряни, мимо обгорѣлаго, съ незапамятныхъ временъ, кирпичнаго дома, у котораго прилѣпилась кузница Голубева, и въ станкѣ упрямая лошадь, не даваясь ковать—тянула ногу къ себѣ, а присѣвшій кузнецъ къ себѣ, мимо телеграфныхъ столбовъ—внизъ по спуску, на Песочную улицу.

На спускѣ Яковъ Ивановичъ приостанавливался, направлялъ на головѣ картузъ акцизнаго вѣдомства, изъ секретнаго портсигара доставалъ папироску, пускалъ дымъ сквозь рыжеватые усы, оглядывался налѣво, гдѣ за унылымъ полемъ, рѣкой и лугами угасалъ закатъ, смотрѣлъ внизъ на Песочную, на низенькіе дома, плетни и сады за ними, видѣлъ, какъ зажигались керосиновые фонари, сплевывалъ черезъ плечо въ оврагъ и, покручивая тросточкой и свистя, сходилъ внизъ, хорошо зная, что на Песочной горитъ въ крайнемъ окнѣ свѣтъ и Маша Голубева играетъ съ дымчатымъ котенкомъ.

Опершись на трость, среди пустынной улицы, подолгу

глядѣлъ Яковъ Ивановичъ черезъ окно на чернобровое лицо Маши, на гладко зачесанные ея волосы. Маша положила на столъ локти—и ни скуки, ни веселья нельзя прочесть на ея лицѣ, освѣщенномъ лампой.

— Обо мнѣ думаетъ,—рѣшалъ Яковъ Ивановичъ...

Брови у Маши слегка сдвигались, верхняя губа приоткрывала ровные зубы; усмѣхаясь думамъ своимъ, она перевертывала на спину умывающагося котенка и щекотала ему бѣлую грудь; котенокъ кусался, отбиваясь задними ногами.

— Вотъ вѣдь характеръ,—думалъ Яковъ Ивановичъ,—вчера говорила: «приходите, можетъ быть вечеромъ за воротами постою»;—и осторожно парала по стеклу. Маша взглядывала сердито въ окошко, поднималась, хватывала котенка, сажала на плечо и махнувъ тяжелой кошой, уходила за перегородку.

Но постучать громче или войти Яковъ Ивановичъ не смѣлъ, потому что за перегородкой спалъ Машинъ отецъ Голубевъ, котораго всѣ боялись, какъ огня.

— Ты у меня довертисься, я тебя растревожу,—ворчалъ Яковъ Ивановичъ, и, досадливо поковырявъ палкою пестокъ, брелъ по Песочной на Сокольничью, гдѣ жила старинная его пріятельница—Вѣра Шавердова,—душевный другъ.

II.

Такъ было и нынче. На Сокольничьей у керосинового фонаря Яковъ Ивановичъ поднялъ трость и рѣзко постучалъ въ перекошенную дверь ветхаго домика. Запеленали туфли, загремѣлъ тяжелый крюкъ и въ щель просунулась испуганная, помятая голова.

— Это я, Вѣрка,—сказалъ Яковъ Ивановичъ; тогда

его впустили въ сѣни и въ низкую комнату. Осторожно снявъ картузь, Яковъ Ивановичъ положилъ его вмѣстѣ съ палкой на комодъ, разстегнулъ китель, сѣлъ, протянулъ ноги, въ узкихъ брюкахъ со штрипками, и вздохнулъ... Вошла Вѣрка, успѣвшая поудрить лицо свое. На ней было всегдашнее красное платье и пуховый платокъ, завернувшись въ который, она постоянно спала на диванѣ. Присѣвъ напротивъ Якова Ивановича, у овальнаго столика, Вѣрка припустила огонь въ лампѣ, прикрыла ротъ, сдерживая зѣвоту, запахнула платокъ и сказала:

— Не знаю, холодно что ли мнѣ, или чай пить хочу.

— Машка одна сидитъ, съ котенкомъ играетъ,—сказалъ Яковъ Ивановичъ,—очень много о себѣ думаетъ.

— Подлецъ ты, Яша,—молвила Вѣрка негромко.

— Чѣмъ же, когда я влюбился...—Яковъ Ивановичъ оглянулъ надоѣвшую компанетшку, съ кисейными занавѣсками, канарейкой, лампадой въ углу, скатерочками и половичками, закурилъ и окончилъ:—она молоденькая, не то, что ваша милость.

— Хочешь, въ дураки сыграемъ,—сказала Вѣрка, и поползла рукою по столу за колодой.

Яковъ Ивановичъ надулъ щеки, придвинулся и взялъ коробленные карты. Но масти онъ не видѣлъ и ходилъ наугадъ: такая брала его досада—всю весну ухаживалъ онъ за Машей, похвалясь однажды, что трехъ дней не пройдетъ, какъ начнетъ она бѣгать къ нему на огородъ. Но дѣвушка вертѣла имъ, какъ хотѣла; принимала по дарки и посмѣивалась, или гнала, когда онъ очень приставалъ; такая ужъ родилась своевольная, и ни разу не оставалась съ глазу на глазъ надождю, говоря, что отецъ не велитъ, хотя и намекала, что пожалуй, на лодочкѣ покатается по рѣкѣ. А въ акцизѣ сослуживцы спрашивали: «Ну, какъ, не угостилъ еще тебя кузнецъ?» Терпѣть больше не хотѣлось, и въ головѣ копошился планъ.

И такъ и эдакъ размышлялъ надъ нимъ Яковъ Ивановичъ, а Вѣрка теребила пальцами ротъ; толстый носъ у нея лоснился; въ лампѣ пицаль керосинъ.

— Знаешь что,—положивъ карты, сказала Вѣра,—дура я была, что съ тобой связалась.

— А что?

— Такъ. Нехорошо. Думается.

Яковъ Ивановичъ усмѣхнулся, придвинулся, охватилъ Вѣрку, похлопалъ, и молвилъ, томно опустивъ голову ей на плечо:

— Ты, Вѣрушка, любишь меня, такъ устрой завтра штуку; я буду помнить...

— Какую штуку?

— Уговори Машу на лодкѣ кататься, а я, будто спрошусь у кузнеца то, или, какъ тамъ ужъ выйдетъ; она съ тобой поѣдетъ...

— Ты мнѣ это говоришь?—воскликнула Вѣрка, отталкивая Якова Ивановича,—нѣтъ, дружокъ;—Яковъ Ивановичъ заходилъ по комнатѣ; уговаривалъ, приставалъ, грозилъ даже, пока Вѣра, уставясь припухлыми глазами на лампу, не сказала:

— Ладно ужъ, отвѣжись, все равно...

III.

На слѣдующій день кузнецъ Голубевъ постукивалъ по наковальнѣ молоточкомъ, отбивая тактъ молотобойцу—высокому парню Лаврушкѣ, который, засучивъ рукава выше локтей, описывалъ тридцатифунтовымъ молотомъ кругъ и, подавая въпередъ, съ аханьемъ, билъ въ раскаленный лемехъ.

«Еще поддай, еще поддай»,—выговаривалъ молото-

чекъ; у Лаврушки на рябомъ носу выступилъ потъ, какъ горохъ; пушистыя искры изъ горна летѣли въ колпакъ, освѣщая бѣлые волосы Голубева, сивую его бороду, суровое лицо въ круглыхъ очкахъ, перетянутый фартукомъ согнутый станъ; земляныя стѣны кузни, и круглую голвенку подмастерья, раздувающего мѣхъ.

Голубевъ постукивая, пѣлъ духовный стихъ:

«Ты въ саду Его носила—
Сына—Бога Твоего...»

Слѣдя за ударами молота—легко сочинялъ онъ стихи; потомъ, ухвативъ клещами лемехъ, соваль его въ красные угли, думая:—«вотъ такъ и душа неправеднаго скожевряжится, а кто праведенъ?»

Лаврушка вытиралъ потъ широкой ладонью. На хозяина онъ смотрѣлъ, какъ на икону, и не посмѣлъ бы слова молвить отъ великаго почтенья, но сейчасъ, заикаясь, сказалъ:

— За водой я, хозяинъ, бѣгалъ;—у окошка опять Яковъ Ивановичъ стоитъ, стоваривается съ нашей Машей.

Голубевъ поглядѣлъ поверхъ очковъ и ничего не сказалъ, только молоточекъ его заходилъ не въ тактъ.

— Хозяинъ, онъ нашу Машу уговариваетъ на островъ на лодкѣ ѣхать; говорить, я въ кузню къ титенькѣ добѣгу, спрошу...

— Молчи,—отвѣтилъ Голубевъ.

Долго они работали молча. Потомъ въ кузницу, приподнявъ картузъ, вошелъ Яковъ Ивановичъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій, какъ работаете,—сказалъ онъ развязно, и принялся вертѣться около наковальни, помахивая тросточкой,—удивительно, желѣзо—не согнешь, а вы что угодно сдѣлаете изъ него..

— Желѣзо оно желѣзо и есть,—сказалъ на это Голубевъ,—а вы что меглешитесь, Яковъ Ивановичъ, за дѣломъ пришли, говорите дѣло...

— Подковать себя хочу, ей-Богу, чтобы рѣзвѣ бѣгать,—хихикнулъ Яковъ Ивановичъ, и, покосясь, спросилъ,—вы, кажется, Голубевъ, сектантъ?... Говорять большія гоненія сейчасъ идутъ?..

Голубевъ оставилъ молотокъ, поднялъ очки, подошелъ къ Якову Ивановичу и спросилъ, когда стало въ кузницѣ совсѣмъ тихо:

— Ты къ чему подбираешься?

Но Яковъ Иванычъ уже попятился за дверь и, очутившись на лужкѣ, строго сталъ глядѣть, поправилъ картузъ и воскликнулъ громко:

— Поосторожнѣе бы надо съ чиновниками, Голубевъ,—и, не дожидаясь отвѣта, зашагалъ подь горку.

Кузнецъ же долго глядѣлъ въ землю, потомъ сказалъ:

— Лаврушка, поди, позови Марью,—и, когда парень ушелъ,—проговорилъ вслухъ:

— Для чего Господь создалъ паршивую тварь? Чтобы ее искоренить и тѣмъ заслужить себя.

Лаврушка вернулся и сообщилъ, что не нашелъ ни Маши, ни Якова Иваныча, должно быть чиновникъ успѣлъ уже обольстить дѣвушку и увезъ ее на островъ.

Голубевъ, не снѣша, вымылъ руки, снялъ очки и фартукъ и, кликнувъ Лаврушку, вышелъ изъ кузницы, по пути достойно кланяясь тѣмъ, кого онъ уважалъ.

IV.

Отъ кузницы Яковъ Ивановичъ поспѣшилъ подь горку, минуя Песочную, на лужокъ, гдѣ, въ ожиданіи, прогуливались, подь руку, Маша и Вѣра;—«позволилъ, позволилъ»,—закричалъ Яковъ Ивановичъ еще издали; забѣ-

жалъ впередъ и, вертясь, старался прельщать дамъ шутками и прыжками.

Маша лѣнивой походкой ступала по лужку въ козловыхъ своихъ башмакахъ; вѣтеръ, плеча широкимъ ея платьемъ изъ ситца, обрисовывалъ полный, сильный станъ. Зеленую полушалку она придерживала на плечахъ, отвертывалась отъ Якова Ивановича, съ усмѣшкой, и въ ухахъ у нея позванивали серебряныя серьги.

— Настоящая гусыня,—шепнулъ ей Яковъ Ивановичъ, указывая пальцемъ на впереди идущую Вѣрку,—будто съ яйцомъ идетъ.

Маша остановилась и принялась громко смѣяться, отчего сдѣлалась еще лучше.

— Я ее всегда зову: гусыня да гусыня; страшная дура,—продолжалъ довольный Яковъ Ивановичъ. Маша изъ-подъ влажныхъ рѣсницъ повела на него лукавыми глазами; Яковъ Ивановичъ заликовалъ; по пути нагнали они гусей, щипавшихъ щавель; Маша опять засмѣялась, а Яковъ Ивановичъ ухитрился даже поддаты Вѣркѣ подь ножку, и Вѣра, красная отъ злости, обернулась, крича:— Нечего на другихъ выѣзжать, самъ хорошъ, стрѣлокъ, вотъ ты кто!

Маша нахмурилась. Яковъ Ивановичъ постарался замать неприятность. Они подошли къ рѣкѣ. Въ заросляхъ тальника красѣла корма лодки, которую Яковъ Ивановичъ тотчасъ сдвинулъ въ воду. Маша, подобравъ юбки, влѣзла, первая. Вѣра сердито шлепнулась на скамью, зачерпнувъ башмакомъ; Яковъ Ивановичъ, стоя на носу, уперся весломъ и лодка, мягко осѣвъ, скользнула, покачиваясь, по рѣчкѣ, залитой солнцемъ.

Яковъ Ивановичъ сильно выгребалъ противъ теченія, стараясь пристать по ту сторону къ зеленому острову; прищурясь, взглядывалъ онъ на Машу. Вѣрка, рядомъ съ нею, казалась уродливой и старой.

«Вот увязалась, чучело»,—думалъ онъ—«нѣтъ, чтобы довести до лодки, а самой остаться». Лодка вѣхала въ полосу водорослей; оставляя слѣдъ; Яковъ Ивановичъ, поднимая отяжелѣвшія весла, брызнулъ водой, Вѣра вскрикнула; Маша, сжавъ колѣни, разсѣянно оглядывала березовый, высокій и густой островокъ, куда лодка удалилась носомъ.

Яковъ Ивановичъ помогъ вылѣзти дѣвцамъ и онѣ одиѣ побѣжали въ лѣсъ—поискать грибовъ, а онъ усѣлся на бережку, покручивая усики. Надъ водой низко пролетѣли тяжелыя утки; ворковалъ въ березникѣ дикій вяхирь; отъ воды играли зайчики. Вдругъ онъ вздрогнулъ, услышавъ за деревьями плескъ воды и женскій визгъ. «Купаются»—подумалъ онъ и побѣжалъ черезъ лѣсокъ.

Вѣра сидѣла въ рѣкѣ по горло, Маша плавала, болтыхая ногами и просвѣчивала подъ водой.

Яковъ Ивановичъ, сидя за кустомъ, отстранялъ отъ лица вѣтку и глядѣлъ, какъ вышла на берегъ сначала Вѣра, очень просто, словно изъ бани, и, стыдясь и прикрываясь, выбѣжала красавица—вся бѣлая Маша и быстро накинула платье. «Мучительница»—пробормоталъ онъ.

V.

Яковъ Ивановичъ, видя, что Вѣрка, несмотря на подмигиванія, не отходитъ отъ дѣвушки, придумалъ играть въ горѣлки; самъ завязалъ себѣ коричневымъ фуляромъ глаза, обѣ женщины стали позади, проговорили боязливой скороговоркой: «гори-гори ясно, чтобы не погасло», дернули его за рукава и побѣжали. Яковъ Ивановичъ, сорвавъ платокъ, пустился догонять; тутъ-то Вѣра и поняла, что ее перехитрили: на короткихъ ножкахъ не могла она

послѣтъ за легкой Машей, которая, протянувъ руки, неслась, касаясь травы цыпочками, а сзади летѣли косянка и ея темная еще влажная коса. Яковъ Ивановичъ, нарочно пугая криками, далеко загналъ Машу въ лѣсъ, гдѣ дѣвушка, запыхавшись, положила руки на грудь, со смѣхомъ увернулась и стала кружиться у дерева. Когда Яковъ Ивановичъ совсѣмъ было ухватилъ Машу за платье, она понеслась далѣе, отдохнувъ и весело смѣясь.

Яковъ Ивановичъ обозлился даже; по пути сучокъ разорвалъ ему ботинокъ; «эхъ, жалко, плакали денешки», подумалъ онъ мимоходомъ. Маша обертывалась, темные глаза ея пылали смѣхомъ, по лицу скользили зайчики.

Въ островокъ врѣзался узкій заливъ; Яковъ Ивановичъ загнулъ налѣво и, подогнавъ Машу къ водѣ, ухватилъ ее поперекъ; Маша сильно обернулась и вытянутыми руками уперлась ему въ грудь.

— Маша, что ты, не бойся,—сказалъ Яковъ Ивановичъ.

— Пусты, пусты,—зашептала Маша, и Яковъ Ивановичъ ослабѣлъ отъ волненія.

— Вамъ горѣтъ, вамъ,—сказалъ онъ, подавая дѣвушкѣ платокъ. Тогда изъ-за кустовъ, окаймляющихъ берегъ, вылѣзли Голубевъ и Лаврушка... Маша ахнула и попяtilась, держа въ рукѣ повязку; Яковъ Ивановичъ нахмурился, хотя ноги его сдѣлались ватопными и защемило въ животѣ.

— Съ дочкой занимаешься,—сказалъ Голубевъ, быстро подходя.

— Ну ты, не особенно кричи,—воскликнулъ Яковъ Ивановичъ и попятился. Кузнецъ ловко словилъ его за воротникъ, нагнулъ и опрокинулъ лицомъ въ траву; Лаврушка сѣлъ на ноги; кузнецъ, опираясь колѣнкой въ плечи, запустилъ руку, отстегнулъ пряжку его штановъ, обрывая пуговицы, оголилъ тощій задъ у Якова Ивановича и, снявъ съ себя ременный поясъ, сталъ хлестать.

Яковъ Ивановичъ отъ страха молчалъ сначала, потомъ принялся кричать, даже вѣть, вертѣсь и царапая землю. Вѣрка скрылась, а Маша, присѣвъ у дерева, заслонилась ладонями, не то плача, не то, безъ удержу, смѣясь.

Когда, наконецъ, отпустили, Яковъ Ивановичъ медленно сѣлъ на битое мѣсто, схватился за него; Голубевъ, увидѣвъ за руку дочь. Лаврушка шель сзади нихъ и, оглядываясь, скалился, какъ эфиопъ.

VI.

Пока Яковъ Ивановичъ отлеживался—прошло дней десять. Въ городѣ говорили разное: что кузнецъ, молъ, заставъ у себя дочь съ чиновникомъ, ввернулъ Якову Ивановичу кольцо, какъ медвѣдо, только въ другое мѣсто; иные увѣряли, что Голубевъ вѣшалъ на островѣ Якова Ивановича, да тотъ сорвался.

Когда же онъ явился, наконецъ, на службу, товарищи окружили его, спрашивая на перебой; на все Яковъ Ивановичъ отвѣтилъ, нагнувъ слегка голову: «хвораль-съ пицевареніемъ», и прошелъ на свое мѣсто. Такъ ничего и не добились отъ него, хотя примѣтили, что онъ уже не прежній—скученъ и на глазахъ сохнетъ.

Въ тотъ же день Яковъ Ивановичъ посѣтилъ и вокзалъ; но не крутилъ, какъ бывало, тросточкой, прохаживаясь по асфальту, а скромно стоялъ у колонны, глядя, какъ изъ подкатившаго поѣзда выльзали студенты съ чайниками, толстякъ въ поддевкѣ—пензенскій помѣщикъ—и разный полупочтенный народъ.

Толстякъ шилъ водку въ буфетѣ, студентъ оглядывалъ жандарма, и никому не было дѣла до Якова Ивановича; у каждаго былъ впереди домъ; у Якова же Ивановича впе-

реди была унылая комнатшка, гдѣ потренькаеть онъ на гитарѣ, ляжетъ на кровать, папиросы насыплеть и дѣлать больше ему нечего.

Послѣ звонка, помѣщика подсаживалъ кондукторъ, дама съ бѣлой собачкой кричала «пустите же, пустите», угрюмый кондукторъ, со свисткомъ во рту, бѣжалъ, свистя, поѣздъ тронулся и на мѣстѣ его открылись грязные пути, штабели дровъ за ними, голое поле и вдалекѣ холмы.

Ушелъ и Яковъ Ивановичъ, не глядя вокругъ на опостылѣвшее; на спускѣ онъ вдругъ остановился и поправилъ съѣхавшій картузъ; у дома Голубева къ тремъ телѣгамъ были привязаны лошади, и во всѣхъ окнахъ горѣлъ свѣтъ. Яковъ Ивановичъ подошелъ медленно и вглядѣлся. Въ дому, у длиннаго стола сидѣли благообразные мужики, положивъ руки на скатерть, уставленную угощеніями; въ концѣ сидѣлъ припомаженный Лаврушка въ синемъ кафтанѣ и рядомъ съ нимъ Машенька, съ восковыми цвѣтами въ черныхъ волосахъ. Рядомъ Голубевъ читалъ книгу и всѣ его важно слушали. Потомъ всѣ раскрыли рта и запѣли. Лаврушка утерся рукавомъ; Машенька, сдвинувъ брови, сидѣла, каменная.

— Пропали,—сказалъ Яковъ Ивановичъ тоскливо и побрелъ на Сокольниковую; у воротъ босые мальчишки, припрыгивая, принялись дразнить: «кольцо въ спинѣ, кольцо въ спинѣ». Яковъ Ивановичъ постѣшилъ пройти, но въ спину ему запустили пескомъ; онъ обернулся и поднялъ трость, мальчишки разбѣжались.

Дойдя до Вѣркинаго дома, онъ повернулъ назадъ; но Вѣра высунулась по поясъ и позвала отчаянно:

— Войдите, Яковъ Ивановичъ. У меня самоваръ на столѣ.

Яковъ Ивановичъ подумалъ, молча зашелъ, подалъ холодную руку и сѣлъ у лампы. Вертя колоду картъ,

искалъ онъ нужное слово, а оно не подвертывалось; раз-
смотрѣвъ трефоваго короля, онъ-таки сказалъ:—въ дураки,
хочешь, сыграемъ,—и чуть поднялъ глаза, боясь увидѣть
улыбку на толстомъ лицѣ подруги, но Вѣра, подойдя
сзади, тихо провела Якову Ивановичу по волосамъ.

Яковъ Ивановичъ быстро обернулся, охватилъ Вѣрку,
и прижался къ ней лицомъ.

— Женился бы на мнѣ, Яковъ Ивановичъ,—сказала
Вѣрка серьезно,—что такъ-то—измаешься.

— Помру лучше я,—отвѣтилъ онъ,—очень тошно; все-
таки, спасибо тебѣ, Вѣра.

СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ.

Я помню ясно, хотя мнѣ было семь лѣтъ въ то время,
какъ началась бѣда. Мать и отецъ стояли на балконѣ и
серьезно глядѣли туда, гдѣ, обозначаясь на горизонтѣ
невысокими курганами, лежала степь и на ней прямо-
угольники хлѣбовъ.

За курганами на востокѣ стояла желтоватая мгла, не
похожая ни на дымъ, ни на пыль.

Отецъ сказалъ: «это атмосферное явленіе» и мнѣ стало
страшно. Каждый день съ этихъ поръ мать и отецъ по-
долгу не уходили съ балкона, и ежедневно мгла прибли-
жалась, стаговилась гуще, закрывала полъ-неба. Трудно
было дышать и солнце, едва поднявшись, уже висѣло
надъ головой красное, словно раскаленное.

Трава и посѣвы быстро сохли, въ землѣ появились
трещины, вода по колодцамъ стала горькой и на курганахъ
выступила соль.

Все съ чѣмъ я, играя, разговаривалъ—деревья, за-
росли крапивы и лопуховъ, лужи съ головастиками и
тѣнистый прудъ—все изсыхало теперь и горѣло; мнѣ же
было жутко и скучно...

Въ то время заѣхала къ намъ городская барышня по-

гостить. Побѣжала въ садъ, увидѣла высокую копну, схватила меня и, такъ какъ я, присѣвъ, уперся, одна упала въ копну, говоря съ томной улыбкой: «душистое сѣно, какая прелесть», и за воротъ барышни, въ уши, волоса и глаза набилось колючей пылью, пересохшее до горечи, сѣно.

Такими же предрассудками оказались и остальные ся понятія о деревенской жизни и барышня постиглила ухъать обратно. Разговоры становились все тревожнѣе; у крыльца появлялись мужики безъ шапокъ, подолгу толкуя съ отцомъ, а матушка въ это время ходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину и глядѣла черезъ пейснѣ.

Наконецъ, окончилось это долгое, какъ горячка, лѣто, и поздней осенью, однажды, подали къ обѣду черныя щи. Матушка сняла крышку съ чугуна, улыбнулась и сказала:

— Больше ничего не будетъ.

— Поѣшь этихъ щей и запомни,—молвилъ отецъ,— что твои товарищи—деревенскіе мальчишки—сейчасъ ничего не ѣдятъ.

Мнѣ стало жаль деревенскихъ мальчиговъ, которые ничего не ѣдятъ; отецъ же, катая хлѣбный шарикъ, дудѣлъ маршъ и, подудѣвъ, сказалъ:

— Но какъ помочь, не знаю.

* * *

Снѣгъ выпалъ поздно, потомъ растаялъ и, по вновь оголенной, землѣ хватило гололедицей, погубивъ озимые. Но на льду пруда снѣгъ только подѣло, онъ расплылся желтыми пятнами и подернулся коркой.

Я бѣгалъ по пруду, пуская стрѣлки, не видя противъ солнца, куда онѣ упадутъ.

Противъ свѣта эта корка на льду была такой блестя-

щей, что, если бы не плотина впереди и ветла на ней, то, казалось, по стеклянному этому пути можно было бы дойти до самого солнца.

Запустивъ стрѣлу до плотины я увидѣлъ между ветель матушку, которая шла, въ черной шубѣ и оренбургскомъ платкѣ, опустивъ голову.

Она очень задумалась, и мнѣ стало жалко ее, такую родную и обыкновенную. Я окликнулъ. Матушка улыбнулась и протянула руку. Потомъ, взявъ меня сзади за кушакъ, спросила:

— Ты о чемъ думалъ?—хочешь—пойдемъ со мной въ деревню; помнишь Логутку твоего товарища, онъ очень боленъ.

Мы взошли по застывшей дорогѣ на изволокъ, откуда показалась, лежащая полукругомъ по берегу рѣки, деревня.

Сѣрыя избы стояли безъ крышъ. Вмѣсто нихъ торчали трубы и стропила кое-гдѣ, словно послѣ пожара; а позади на гумнахъ видѣлись только плетни, канавы, да голая ива.

У крайней избы стоялъ мужикъ, глядя на сосѣдную скворешню. Матушка его окликнула:

— Что, Никитай, жива еще кобыла?

Мужикъ, держа за кушакъ, мотнулъ головой, повернулся и побрелъ на дворъ черезъ калитку.

— Вонъ кобыла,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ и указалъ подъ навѣсъ, гдѣ, подтянутая на подругахъ къ перекладинѣ, стояла карая лошадь, опустивъ большую морду до копытъ.

— Какъ-нибудь выживетъ,—сказала матушка.

— Куда она годна—падалъ,—отвѣтилъ мужикъ,—теперь я человекъ не рабочій,—и онъ опять заложилъ руки за кушакъ. Мы направились наискосокъ черезъ улицу.

Логуткина мать глядѣла черезъ окошко; увидѣвъ

насъ, она сморщила высокій лобъ, поправила повойникъ и отвернулась, но когда мы вступили въ темныя сѣни, сама отворила дверь, сказавъ спокойно:

— Пожалуйте, барыня-ягодка,—и пропустила насъ въ холодную избу, гдѣ у печи я сейчасъ же замѣтилъ дохлаго черного поросенка.

— Околѣлъ черненькій,—сказала Логуткина мать,— а умный какой былъ, съ нашей собакой въ будкѣ жилъ, лаять научился, и на людей кидался изъ будки.

— Ну, а Логутка?—строго спросила матушка и сейчасъ же прошла за перегородку, гдѣ на деревянной койкѣ, подъ лоскутнымъ одѣяломъ, лежалъ, закрывъ глаза, мальчикъ, съ волосами бѣлыми, какъ ленъ.

Волосы на вискѣ были потемнѣе и мокрые, а лицо, какъ у лисички, повернуто къ плечу—ротъ раздвинутъ и на щекѣ морщины...

— Плачешь, все плачешь онъ,—сказала Логуткина мать,—не легко ему разставаться, а пузичко ничего не принимаетъ, съѣсть и все назадъ, какая наша ѣда.

— Ты что же это хворать выдумалъ,—спросила матушка, положивъ руку Логуткѣ на темя.

Онъ пошевелилъ, какъ оса, бровями и наклонилъ голову къ другому плечу.

— Чайла годика три порастеть,—работать за меня будетъ,—сказала Логуткина мать,—а теперь вижу, пускай его Богъ приберетъ,—и въ сердцахъ она отвернулась; а матушка воскликнула:

— Пстой, пстой, какъ ты такъ говоришь!...

И обѣ онѣ ушли сначала за перегородку, потомъ со-всѣмъ изъ избы.

Логутка пересталъ морщиться, открылъ глаза, поглядѣлъ ими на меня и сказалъ:

— Поросенокъ у насъ подохъ, а лаялъ.

Матушка и Логуткина мать скоро вернулись, ведя

давешняго мужика. Онъ указалъ корявымъ пальцемъ на Логутку, спросилъ:

— Этого парнишку?—и поднялъ его вмѣстѣ съ одѣяломъ на руки, а Логуткина мать вдругъ зашептала:

— Ты не очень ломай, болящій онъ.

— Не сломаемъ,—отвѣтилъ мужикъ и пошелъ впереди насъ изъ избы за ворота, черезъ село къ усадьбѣ, унося Логутку.

* * *

Логутку положили въ гостиной и тотчасъ дали ему чаю, послѣ котораго онъ принялся стонать и стошнилъ все, что съѣлъ и выпилъ.

Матушка просила Логуткину мать остаться на кухнѣ; она посидѣла у дверей, потомъ, какъ рассказывали, махнула рукой и ушла назадъ на деревню.

Въ столовой зажгли лампу; отецъ, примостясь съ краю обѣденнаго стола, щелкалъ щетами и водилъ пальцемъ по расходной книгѣ. Матушка, отогнувъ скатерть разстала аптечные пузырьки и терла мазь въ ступкѣ. Очиная фарфоровый пестикъ, она сказала:

— Но какъ же иначе; Логуткина мать, по-моему, душевно больна: я не представляю, какъ можно, даже въ самыхъ тяжелыхъ условияхъ, желать смерти ребенка.

Отецъ остановилъ ногу на книгѣ, приподнялъ голову и произнесъ: «угу».

— Ты меня осуждаешь,—продолжала матушка,—но я и не думаю успокоиться на томъ, чтобы спасти одного крестьянскаго мальчика... Во-первыхъ, надо же начать съ чего-нибудь... И не всѣмъ дано вершить большія дѣла.

Отецъ опять защелкалъ костяшками, но уже безъ толку, потомъ, прищуря глаза, долго глядѣлъ на горѣлку лампы, поджалъ усы и сказалъ:

— Онъ все равно умретъ. Твоя душевная сила рас-

ходуется даромъ. Я нахожу, подобные поступки есть скрытое самолюбованіе, тотъ же эгоизмъ.

Такъ они поссорились. Отецъ сбѣгалъ въ библіотеку, принесъ книги и читалъ изъ нихъ опять про тотъ же, часто ими упоминаемый, эгоизмъ; матушка тоже открывала книгу, но не прочитавъ, клала ее на столъ. Наконецъ, она отвернулась и заплакала, отецъ потянулся, чтобы ее обнять, увидѣлъ меня въ углу дивана и, удивясь, отослалъ въ дѣтскую.

По пути я заглянулъ въ темную гостиную; мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, заливая пузырьчатымъ свѣтомъ штуатуренную стѣну и подушку, на которой лежалъ Логутка, раскрывъ глаза.

— Логутка,—окликнулъ я,—ты отчего не спишь?

Но онъ даже не моргнулъ. Въ каждомъ глазу его свѣтилось по мѣсяцу, носъ былъ острый; я собрался окликнуть погромче, но подошла матушка и прошептала, прикрывая дверь:

— Не буди, онъ заснулъ.

Она отвела меня въ дѣтскую, раздѣла, накрыла одѣяломъ, поцѣловала, постояла немного и, быстро нагнувшись, перекрестила, чего еще не дѣлала никогда.

* * *

Я вдругъ проснулся, съѣлъ на кровати и сталъ глядѣть на полуоткрытую дверь, которая вела въ сосѣднюю съ дѣтской, библіотеку: оттуда шель желтый свѣтъ, ложась на полу угломъ...

— Случилось какое-то несчастіе,—подумалъ я,—въ библіотекъ свѣтъ,—и, потянувшись за собой вязаное одѣяло, прокрался къ двери и заглянулъ въ узкую комнату, съ черными шкафами.

У окна, бокомъ ко мнѣ, передъ конторкой стояла ма-

тушка, глядя на огонь лампы. Зубами она покусывала вставочку, улыбалась, или вздыхала; потомъ, омокнувъ перо, наклоняла голову и принималась писать.

— Ты что дѣлаешь?—спросилъ я шопотомъ.

Она сейчасъ же оглянулась, словно не видя, потомъ глаза ея стали ясными. Она подошла, взяла меня за плечи, закутала одѣяломъ, посадила въ кресло и сказала:

— Развѣ можно шалить, не спать по ночамъ; сиди смирно, я тебѣ дамъ картинки,—раскрыла высокій шкафъ, сунула мнѣ неинтересную книжку безъ картинокъ и вернулась писать, повторяя:

— А теперь не мѣшай, не мѣшай мнѣ.

Я рѣшилъ, что матушка пишетъ письмо отцу: они часто, поссорившись, писали такъ другъ другу длинные письма. Вдругъ матушка воскликнула:

— Конечно, я заставлю его передъ смертью сказать объ этомъ,—и она, перевернувъ страницы, принялась читать вслухъ.

Вначалѣ было написано обо мнѣ, какъ я сбѣгалъ, краснощекий и здоровый, по пруду, потомъ какъ мы встрѣтились съ матушкой и пошли на деревню; прочла она и про мужика и про черного поросенка, но больше всего про Логутку.

Но все это я уже зналъ, многое нашелъ пропущеннымъ и, соскучась, уснулъ.

* * *

— И пузырь здѣсь, ну, ну, послушаемъ,—вдругъ надъ самымъ ухомъ страшно громко воскликнулъ отецъ. Я изо всей силы раскрылъ глаза и увидѣлъ его: онъ сидѣлъ въ кресло, поддерживая на себѣ ночное бѣлье, чтобы оно не свалилось.борода его на двѣ стороны и

рыжіе волосы были растрепаны, лицо заспано и онъ, протирая среднимъ пальцемъ вѣки, продолжалъ:

— Это, пожалуй, тоже изъ области фантастичнаго?—
Вдругъ сдѣлаться писательницей посреди ночи...

— Логутка, рассказъ называется Логутка,—молвила матушка взволнованнымъ голосомъ, и полное, покраснѣвшее лицо ея такъ и освѣтилось,—ты пойми,—вотъ, наконецъ, то, чѣмъ я могу принести настоящую пользу. Этотъ рассказъ, прочтуть всё и почувствуютъ, какъ нужна помощь...

— Гмъ,—сказалъ отецъ,—впрочемъ—чего не бываетъ, читай, я слушаю,—и онъ подперъ щеку рукой.

Матушка нагнулась къ свѣту лампы надъ конторкой, покраснѣла, украдкой глянула на отца и начала читать.

Отецъ слушалъ сосредоточенно, сдвинувъ брови. Но я видѣлъ, что ему страшно хочется спать. Онъ вставалъ до свѣта и суетился весь день. Постепенно брови его раздвигались: одинъ разъ онъ сразу ихъ поднялъ и опять опустилъ, полузакрывъ глаза; на скулѣ появилась выпуклость, словно катался во рту орѣхъ, а уголь рта и ноздря натянулись... Вдругъ онъ мотнулъ головой сверху внизъ, испугался, сдѣлалъ необыкновенно внимательные глаза, но, когда я опять взглянулъ, онъ уже покойно сидѣлъ, опершись на ладонь.

Матушка читала, покачивая головой... Одинъ разъ у нея даже слезы появились и голосъ сталъ глухимъ.

Вдругъ она кончила; свернула въ трубку листки и сказала дрогнувшимъ голосомъ:

— Ну, вотъ и рассказъ, только я не знаю—какимъ сдѣлать конецъ,—и обернулась. Отецъ всхрапывалъ въ креслѣ.

Матушка покашляла немного, развернула, свернула и вновь развернула листки, и, взявъ ихъ за край, рванула, затѣмъ скомкала и швырнула рукопись въ уголь...

Отецъ проснулся въ испугѣ, но матушка презрительно усмѣхнувшись, прошла мимо него, хлопнувъ дверью.

* * *

— Ну, вотъ мы съ тобой и провинились,—сказалъ отецъ, разглаживая на конторкѣ обрывки рукописи,—ну, ничего, я перепису завтра, вотъ и все... а правда хорошій рассказъ... Только, братъ, когда встанешь до свѣта, трудно послѣ полуночи слушать.

Онъ заперъ въ конторку рукопись, взялъ меня за руку и мы пошли черезъ коридоръ въ спальню къ матушкѣ.

Около двери постояли; отецъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и постучался, но въ спальнѣ никого не оказалось...

Мы обошли залу, столовую, заглянули въ чуланъ и подъ лѣстницу...

— Вотъ тоже голова съ мозгами,—воскликнулъ отецъ,—она же въ гостиной у Логутки,—и когда мы осторожно туда заглянули—увидѣли матушку, стоящую передъ диваномъ, въ лунномъ свѣтѣ.

— А мы пришли прощенья просить,—сказалъ отецъ, держа меня передъ собой за плечи,—намъ рассказъ очень понравился.

— Тише,—прошептала матушка,—онъ умеръ!

И НА СТАРУХУ БЫВАЕТЪ ПРОРУХА.

Холодный, какъ изъ ледника, дождь восьмью сутки заливалъ Парижъ. Гнилое небо иногда темнѣло совсѣмъ, вѣтеръ срывалъ остатки листьевъ, хлесталъ полосатыми парусинами, и уже не дождемъ, а прямо водой извергалась низкая туча на сѣрыя крыши и асфальтъ. Фіакры и автомобили съ забрызганными стеклами, катились во множествѣ, останавливались на перекресткахъ, воняли бензиновой гарью; подъ мордами лошадей и мимо сѣтчатыхъ носовъ, дрожащихъ отъ напряженія, автобусовъ сновали двухколесныя тачки и велосипеды, съ ящиками впереди... Всѣ жока-ты, кучера и шоферы были одѣты въ резиновые плащи; случайные прохожіе перебѣгали улицу, прикрываясь зон-тами; вдоль тротуаровъ пѣнились потоки, съ шумомъ уходя въ подземныя скважины... Такого дождя давно не помнилъ Парижъ...

И все это,—и фонари, и голыя деревья, и дома, и небо,—опрокинувшись, отражалось въ асфальтъ, какъ тѣнь го-рода, вызванная ноябрьской непогодой.

Я сидѣлъ въ café у окна, недалеко отъ шумныхъ бульваровъ. За цинковымъ прилавкомъ хозяинъ, похожій на бандита, разговаривалъ съ двумя рабочими, повѣси-

вшими, какъ и я, мокрыя одежды на стѣнку. На той сторонѣ узкой улицы кое-гдѣ въ лавкахъ уже зажгли мутный газъ... Торопиться было некуда; изъ разговора за прилавкомъ я узналъ, что случилось сегодня въ Па-рижѣ и за границей, а также цѣны на мясо, картофель и салатъ. Отхлебнувъ изъ стакана, я опять принялся глядѣть черезъ окно на отраженія.

Въ это время солнце, садясь гдѣ-то, страшно далеко, нашло прорывъ между тучъ, залило багровымъ свѣтомъ глухую стѣну напротивъ, и дождь, прозрачный и крупный, вдругъ сталъ падать сквозь этотъ свѣтъ. Я такъ заглядѣлся, что, вздрогнувъ, уронилъ напироску, когда рядомъ восклик-нули по-русски: «Ахъ, ты, шельма!»

Слова эти относились къ игральной машинкѣ, въ таин-ственное и сложное нутро которой, ледоумъвая, глядѣлъ только что вошедшій, небольшого роста, человекъ въ мѣховой шапкѣ и съ мокрымъ зонтомъ, зацѣпленнымъ за карманъ. Игральныя эти машинки, расписанныя ярко цвѣтами и птицами, стоятъ въ каждомъ небольшомъ café. Опустивъ два су, можно при удачѣ выиграть пригоршню жетоновъ и на нихъ напиться...

— Что же теперь дѣлать?—сказалъ незнакомецъ, по-вертываясь ко мнѣ. Круглое лицо его было изъябшее, помятое, съ хитрымъ однимъ прищуреннымъ глазомъ и рыжими мокрыми усами, закрывшими ротъ.

Хозяинъ и рабочіе оглянулись насмѣшливо... Я тоже улыбнулся, и незнакомецъ продолжалъ, глядя въ глаза.

— Не то обидно, что послѣдній грошъ въ эту прорву сунуть, а почему здѣсь русскому человеку погибать при-ходится?.. Грабительныя машинки поставили, а сами какъ черти богатые...

— Присаживайтесь,—перебилъ я.—Прозябли?..

— Такъ точно!—поспѣшно воскликнулъ онъ, прикла-дывая пальцы къ шапкѣ.—Ефрейтеръ двадцать четвертаго

Гродненскаго полка Назаръ Ивановъ. Дозволите присѣсть? Сразу видно по обхожденію—русскій человѣкъ.

Онъ сейчасъ же сѣлъ, вздохнулъ и покосился на мой стаканъ.

— Абсентъ ихній очень я пить насобачился,—много здоровѣе нашего вина. А въ такую, знаете ли, погодку никакъ нельзя безъ сумасшедшихъ капель. Съ семи часовъ сегодня по дождю бѣгаю... Вы, что же, проѣздомъ? Ну, это ничего; а жить здѣсь не совѣтую,—непріятный городъ; одно хорошо,—каждый тебя мусью величаетъ; все равно, какъ бы вы мнѣ сказали: господинъ Ивановъ...

Онъ сразу выпилъ абсентъ, покосился; я заказалъ еще, и Назаръ снялъ пальто, все время не переставая говорить,—должно-быть боялся, что я соскучусь и уйду.

Сначала онъ предлагалъ мнѣ поглядѣть непрілично; потомъ паноптикумъ; Эйфелеву башню; моргъ; человѣка, который пагшомъ входитъ въ клѣтку и одними зубами душитъ крысъ,—зрѣлище, по его словамъ, аристократическое; наконецъ, намекнулъ, не желаю ли посмотрѣть, какъ онъ самъ будетъ ѣсть горящую газету. И, когда я все это отклонилъ, спросилъ съ безпокойствомъ, по какой же я буду части.

— А вы лучше расскажите, зачѣмъ сюда попали,—спросилъ я...

— Пострадалъ,—отвѣтилъ онъ,—и, какъ говорится: емъ—игрантъ. Про безпокойство въ нашемъ полку слышали? У меня кумъ пограничной стражи; какъ усмирять насъ пріѣхали, онъ и говоритъ: «Кому Сибирь, а тебѣ, Назаръ, на веревку,—валяй черезъ границу»... Я и перешель... Прямо къ нѣмцамъ... А они нашего брата терпѣть не могутъ. Не то, что пить-ѣсть вынести, а наровить каждый тебя въ участокъ... И все штрафъ: на траву легъ—штрафъ, перелѣзъ черезъ заборъ—тоже... Я и ухитрился: ночью иду, а днемъ сплю въ саду на лавочкѣ... Одинъ разъ, не

разобравши, въ звѣринецъ перемахнулъ и натерпѣлся... Когда невтерпѣжъ стало, поѣхалъ по четвертому классу, и деньжонки мои сразу выскочили. Сталъ я по ночамъ морковъ дергать, а по утру пилъ молоко: народъ у нихъ глупый: на зарѣ молочница проѣдетъ по городу и у каждой двери оставить крышочку; очень крышочки эти мнѣ подсобили. Наконецъ, слышу,—по другому залопотали, и народъ сталъ легче. Раздумался я: Богъ ее знаетъ, какъ ихняя земля заворачиваетъ, можетъ, отъ начальства нашего совѣтъ недалеко. Дойду, думаю, до моря. И въ городѣ Брюсселѣ встрѣтилъ земляка,—живописецъ, веселый человѣкъ, только очень охальный; помѣстилъ меня у себя; утромъ раздѣлъ до исподняго, поставилъ на ящикъ. «Ты, говоритъ, въ комплекціи, стой, не вертись», и принялся зарисовывать. А потомъ женщину привелъ и со мной поставилъ, тоже въ натуральномъ видѣ. Сталъ я тогда проситься дальше,—порядки, молъ, ваши тяжелы. Хорошо, говоритъ, я самъ тоже уѣзжаю въ городъ Парижъ, тамъ тебѣ будетъ всего покойнѣе. Купили билетъ,—пріѣхали. Съ тѣхъ поръ здѣсь и околачиваюсь. Кабы по-нашему народъ здѣшній говорилъ, жить совѣтъ ничего.

— На что же вы здѣсь существуете?—спросилъ я, заказавъ еще стаканчикъ.

— Жилъ я одно время очень хорошо. Какъ можно, я человѣкъ хозяйственный, женатый, все какъ полагается. Сейчасъ дѣйствительно туго, но вѣдь и купецъ,—когда торгуешь, когда въ кулакъ свищеть.

Сначала живописецъ приспособилъ меня опять по голому дѣлу. А я родомъ изъ Сосновки; мы всѣ—каменщики. Прохожу разъ мимо постройки, вижу народъ лѣбно работаетъ; сейчасъ пиджакъ долой, рукава засучилъ, полѣзъ на лѣса; на меня кричатъ. Я молчу, работаю. Меня бить, я тоже—ничего, такъ и взяли. Подрядчикъ

остался даже доволенъ. Получилъ я въ субботу деньги, прихожу къ живописцу, и говорю: человѣкъ я военный, съ чиномъ, и охальство мнѣ ваше несосно. Ну, онъ меня понялъ и еще старое платье подарилъ, дай Богъ ему здоровья.

Платили мнѣ хорошо, а денегъ уходило еще больше. Сталъ я думать: неужто весь вѣкъ на лѣсахъ висѣть? Надо жениться. И присмотрѣлъ на базарѣ одну бабу, здоровеннѣйшая, красная, только глаза одного нехватаетъ; торгуетъ корзинками; а зовутъ Маркета, теперешняя моя супруга. Походилъ я воскресенья два на базаръ; вижу не можетъ французъ такую толстую бабу понять, сидитъ одна, безъ вниманія. Пообглядѣлъ и рѣшился. Подмигнулъ, подкашлинулъ, говорю: «Ахъ, ты, дьяволь, толстая», и ткнулъ ее въ бочокъ. Все поняла: «кошонъ, кошонъ»,—залопотала; сама смѣется да меня локтемъ, а я ее въ другой бочокъ, потомъ обнялъ, ногами затопалъ и на голову себѣ корзинку надѣлъ, чтобы чуднѣ было: женщина иностранная, съ ними обхождение полагается веселое, не то что съ нашей бабой.

А въ скорости и ночевать къ ней сталъ ходить; парень я былъ тогда видный, и стала моя Маркета сомнѣваться,—приду на базаръ, она на женщинъ глазомъ своимъ какъ звѣрь глядитъ. Потомъ принялась чего-то все повторять, а сама плачетъ. Я, конечно, не понимаю, только подмигиваю,—согласенъ, моль, и говорю: «Кошонъ, кошонъ». Одинъ разъ взяла меня за руку и повела къ ихнему попу. Обкрутили. А тутъ Маркетинъ отецъ померъ, оставилъ намъ деньжонокъ. Сняли мы кабачокъ на рабочей улицѣ; стали жить вмѣстѣ. Удержаться русскому человѣку отъ сумасшедшихъ капель трудно, а тутъ все свое завелось; началъ я понемногу зашибать и работу на постройкѣ бросилъ. И вино это больше шлѣ я отъ неудобства. До этого мнѣ казалось, будто французы такъ

только непонятно бормочутъ, нарочно. А какъ утромъ Маркета натоцакъ наговорить тебѣ: тара, бара, тара, бара—стало мнѣ по настоящему жутко.

Или поймите ихъ: идетъ человѣкъ, вдругъ провалился подъ землю, и вѣтъ его; глядишь, а онъ на другомъ концѣ города прогуливается... Ничего у нихъ просто не дѣлается,—все съ хитростью... Придетъ въ кабачокъ пьяный, усядется, рубаха у него безъ пояса, сапоги деревянные, ладонью по столу ударить,—подать ему абсенту; онъ и начнетъ разговоръ, и никакъ не разберешь,—ругается, обидѣлся на тебя или такъ,—голосъ грубый... Другой разойдется, думаю: слава Богу, душа заплата; глядишь, а онъ ничего не поломалъ, потому что денегъ ему всегда жалко. Разъ только стачка у нихъ была, животы подвело сильно, а, когда французъ голодный, ему на все наплевать; много тогда бушевали, били окошки, городскихъ и выкинули флагъ... Да разъ еще испанскаго мужчину одного разстрѣляли совершенно напрасно,—тогда у насъ улицу стали заваливать чѣмъ попало, фонари повыдержали, газъ зажгли; проѣдетъ извозчикъ, и извозчика туда же въ кучу; крикъ подняли, а на утро какъ встрепанные... только подмигиваютъ: какъ, моль, вчера-то... Французу только наѣсться, напиться, дѣвчонку подхватить, сейчасъ начнетъ онъ мамашу свою вспоминать, и не какъ-нибудь по нашему—заorno, а со слезой, разстроится и доволенъ. А первое занятіе—бѣгать смотрѣть, какъ головы рубать, и хотя не увидитъ ничего, а только понохаетъ, гдѣ кровью пахнетъ.

Вотъ, когда Маркета моя родила, я было обрадовался, что все это у нея произошло обыкновенно,—по-женскому. Только, смотрю—она его не креститъ. Какъ можно: мальчикъ помереть можетъ... Значитъ, весь народъ у нихъ некрещеный. Рѣшилъ я все это ей растолковать. Принесъ тазъ, налилъ воды, зажегъ свѣчку, походилъ кругомъ,

побормоталъ, выговорилъ: «Господи, помилуй», и мальчишка взялъ въ руки, показать, какъ у насъ мокаютъ внизъ головой,—все, для примѣра... И всполохнулась же моя Маркета... Мальчишку выхватила, да кинулась съ нимъ на улицу, да на весь кварталъ источнымъ голосомъ какъ закричить... Сбѣжался народъ, и меня побили. И одолѣла меня совесть,—что я дѣлаю, съ кѣмъ живу? Пошелъ за рѣчку къ живописцу, а по пути въ кабачокъ... Гляжу, за биллиардомъ ходятъ двое: одинъ — высокій какъ жердь, другой — коротенькій и борода вѣшникомъ... Вотъ высокій и говоритъ короткому: «Рѣжьте, батюшка, красного въ лобъ и отъ трехъ угловъ». А короткій и отвѣчаетъ: «Не учи меня, псаломщикъ». Тутъ я къ батюшкѣ подскочилъ, руку облобызалъ и воплю: «Маюся». А псаломщикъ мнѣ: «Иди, проспись. Коли по церковнымъ дѣламъ,—приходи завтра въ сторожку, а сейчасъ убирайся прочь, батюшка прохлаждается».

Обидѣлся я на псаломщика, ударилъ себя въ грудь и рассказалъ все, даже за какія дѣла сюда попалъ.

— Много на тебѣ грѣховъ: и государственныхъ, и личныхъ,—говоритъ мнѣ батюшка,—ужъ не знаю, какъ съ тобой и быть... Развѣ ужъ больно для церкви постарайся.

Тутъ псаломщикъ отвелъ меня въ сторону, перстомъ постукалъ и говоритъ: «Батюшка тебѣ вотъ на что намекнулъ, и ты постарайся,—тащи къ намъ некрещеныхъ дѣтей и католиковъ,—за каждого тебѣ по десяти цѣлковыхъ заплатимъ, мальчишку твоего окрестимъ даромъ; получишь прощеніе и благодарность. Понялъ?»

— Какъ же ихъ приведешь, когда они сами не хотятъ, ничего не понимаютъ?—спрашиваю.

— Ну, ужъ ты исхитрись, за то и деньги платимъ.

Задалъ мнѣ псаломщикъ загадку; а, чтобы я старался, прибѣжалъ съ батюшкой, уговорилъ Маркету, и мальчонку моего окрестили...

Подумалъ я и пошелъ къ живописцу; говорю: такъ и такъ, пишите мнѣ по-французски записку: «Ничего не бойся» и другую «Сего человѣка покаралъ Богъ за грѣхи; кто не желаетъ, чтобы съ нимъ случилось то же, пусть идетъ за несчастнымъ и кромѣ того получитъ пять су». А кругомъ этого листа живописецъ ужъ самъ по себѣ чертой изобразилъ. Взялъ я листъ, прибилъ его верхнимъ концомъ къ небольшой палочкѣ, накрутилъ на нее, а съ нижняго конца привязалъ двѣ гайки, чтобы она сразу раскручивалась; одѣлся какъ можно хуже,—босикомъ, шапку вывернулъ,—и пошелъ, какъ солнце встало, на главный рынокъ. Народу тамъ — видимо-невидимо; по кабакамъ пьяные франты ночь догуливаютъ; жулики шарятъ по карманамъ, и подумать страшно, что всю эту пророву,—капусту, морковь, тыквы, убоину, птицу,—все гора горой,—въ городѣ въ одинъ день съѣдятъ. Купилъ я кочанъ сырой, выбралъ мѣстечко повиднѣе, сѣлъ, головой затрясъ, заревѣлъ не своимъ голосомъ и сталъ капусту зубами рвать. Гляжу,—народъ собирается, а я стараюсь.

Когда сгрудился народъ, я палочку обѣими руками поднялъ и развернулъ бумагу. Поднялся смѣхъ. А трое мальчишекъ подошли ко мнѣ и говорятъ: «Веди». Показалъ я имъ записку и повелъ къ псаломщику. Выдали мнѣ тридцать рублей. На другой день я опять на рынокъ явился, вывелъ оттуда пятнадцать человѣкъ; а недѣли не прошло, мальчишки мои стакнулись и потребовали по пяти франковъ съ носа. Пошелъ я къ псаломщику и говорю: расчета нѣтъ работать, дѣвчонка,—та можетъ пойти по десяти, съ мальчишки же меньше какъ по двадцати взять не могу. Псаломщикъ меня прогналъ. И тутъ я опомнился: Что дѣлаю! Куда себя готовлю! Седьмой день минутки трезвой не было. Это ли усердіе! Вотъ поутру стучится ко мнѣ мужчина; выхожу, онъ мнѣ и говорить по русски: «Я — попъ католическій, а ты что

дѣлаешь, заблудшая душа? Не одинъ ли Богъ! Не одна ли у насъ вѣра!.. Малыхъ отрываетъ отъ церкви, они на деньги лишь польстились и теперь не ваши и не наши». Много тутъ онъ наговорилъ, посулилъ двадцать пять франковъ за cadaго, если перегоню изъ православной къ нимъ. Словомъ, растерзалъ меня окончательно. И я думаю: коли ужъ я такой подлецъ, доведу себя до конца. Нашелъ знакомага мальчишку, выдалъ пять франковъ и привелъ къ католикамъ,—перегналъ. А Маркета давно дивилась, откуда у меня столько денегъ.

И начала меня уважать... А ужъ этого стерпѣть никакъ невозможно. Лучше бы ужъ били. А, проклятые, они кланяются мнѣ всеѣмъ околоткомъ.

Словомъ, какъ говорится, еще пять разъ эту подлость совершилъ, перегналъ мальчишекъ моихъ изъ одной вѣры въ другую. Самый злосчастный теперь я въ городѣ Парижѣ человекъ. Жить бы ровненько: помѣщеніемъ, пищей доволенъ. Нѣтъ! Начнетъ подсасывать, и я ужъ на человека смотрю: нельзя ли его перегнать... Пршлый мѣсяцъ съ проѣзжими русскими путался; для души—никакого отъ нихъ удовольствія; только что почуднѣй покажи. И до того я огорчился, спойлъ одного,—старичокъ такой, жеребчикъ,—и началъ уговаривать: «Что вы, говорю, о двухъ головахъ, отъ васъ землей пахнетъ... За недѣлю-то вы чего натворили!» Старичокъ мой навзрыдь... А я его пьянаго въ экипажъ и къ католикамъ: нате, говорю, обработывайте... Кто же я-то послѣ всего? Растолкуйте мнѣ, какъ себя понимать?.. Пропойца? Жуликъ? А мнѣ бы землю попахать... Я бы всеѣ привычки бросилъ...

Разговоръ этотъ затянулся до темноты. Передъ Назаромъ стояла высокая стопочка фарфоровыхъ подставокъ, по числу выпитыхъ стакановъ абсента... Зеленоватый, противный свѣтъ газа дѣлалъ кожу на лицѣ его неживой

и масляной... Дойдя до Россіи, Назаръ замолкъ, облокатился, и налитые дурманомъ, мутные глаза его уперлись въ окошко, по которому бѣжали струйки воды и задомъ напередъ было написано: «Biege 20 с.».

— Вотъ и все,—проговорилъ Назаръ,—если что со-враль—извините...

Я расплатился, вышелъ, раскрывъ зонть, и, не найдя экипажа, сталъ пробираться вдоль стѣны... Вскорѣ меня нагналъ Назаръ и пошелъ рядомъ, шлепая, куда попало... Когда мы завернули въ узкую, совсѣмъ глухую улочку, онъ остановился и вдругъ сказалъ глухо:

— Дайте-ка сто франковъ.

— Что?—переспросилъ я...

— Сто франковъ говорю, не глухіе...

Я пожалъ плечами и двинулся, но онъ схватилъ меня повыше локтя и проговорилъ:

— Это вы что же дѣлаете... Даромъ удовольствіе получать? Извините, здѣсь даромъ только глазами хлопаютъ... Давайте сотню...

На губахъ его показалась пѣна... Я зналъ, какъ дѣйствуетъ абсентъ, особенно если пить его много лѣтъ. Но все жъ продолжалъ удивленно глядѣть.

— Ахъ ты, сволочь,—сказалъ вдругъ Назаръ,—я тебѣ покажу удовольствіе!.. Онъ поспѣшно сунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ ножъ, опустилъ его и мы долго стояли другъ противъ друга, шостукивая зубами. Должно-было было очень очень холодно...

— Назаръ, я тебѣ ничего не сдѣлалъ плохого, я не могу тебя вернуть въ Россію, а денегъ у меня нѣтъ съ собой...—сказалъ я, стараясь не пошевелиться...

— Ладно,—сказалъ Назаръ,—твое счастье, прощай!

Онъ повернулся, быстро пошелъ прочь и пропалъ за угломъ...

На слѣдующее утро шелъ все тотъ же гнилой дождь. Я рѣшилъ совсѣмъ не выходить и послалъ коридорнаго за газетой. Онъ принесъ мнѣ бульварный листокъ за одно су... Читая я наткнулся на замѣтку съ невѣроятнымъ заголовкомъ. Въ ней говорилось, что вчера въ подозрительномъ кабачкѣ близъ большихъ бульваровъ былъ убитъ апашами субъектъ, должно быть, отравленный абсентомъ. Убитый самъ нарывался на ссору и первый обнажилъ ножъ. По опознанію, онъ оказался русскимъ эмигрантомъ Ивановымъ. «Когда мы, наконецъ, избавимся отъ этого безпокойнаго и опаснаго народа»,—кончалось въ замѣткѣ...

ТРАГИКЪ.

А. В. Кандауровой и К. В. Кандаурову, въ знакъ дружбы.

Заблудился я потому, что ящикъ, старый солдатъ, служилъ когда-то въ Ташкентѣ и ходилъ на Аму-Дарью. Всю дорогу, повернувъ ко мнѣ, прикрытое чапаномъ, костлявое, равнодушное лицо, пытался онъ разсказать про давнишнее. Но изъ всего припомнилъ только, что на пескахъ растетъ кустъ Саксауль, такой твердый—ногу напорешь.

Должно-быть, ему и самому было обидно, что забылъ онъ про чудесную страну, разѣзжая на облучкѣ въ февральскія вьюги, и на мои вопросы отвѣчалъ со вздохомъ: «Запамятоваль, баринъ, а видѣлъ много всего».

Когда же вокругъ стемнѣло и я сказалъ: «Послушай, мы, кажется, безъ дороги ѣдемъ», ящикъ долго молчалъ, потомъ отвѣтилъ: «Темнота; гдѣ ее тутъ разберешь, дорогу». И уже долго спустя, когда появился впереди насъ красноватый огонекъ, ящикъ сказалъ еще:

— Выбились, а я полагалъ,—замерзнемъ.

Завязавъ лошадей и переброкинувъ сани, мы подѣхали, наконецъ, къ балкону, съ колоннами и двумя полукруглыми окошками наверху, откуда шелъ, заманившій насъ, свѣтъ.

— Ахъ, пропасть! Это, баринъ,—Чувашки. Доведется намъ гнать до села!—проворчалъ ямщикъ, слѣзая съ облучка.

— А здѣсь развѣ нельзя переждать?

— Можно, отчего нельзя.

Я выдѣвъ въ снѣгъ, а ямщикъ, снявъ рукавицы, захватилъ изъ саней сѣна, отнесъ на балконъ, отпрягъ коренного, ввелъ его по ступенькамъ и за колоннами привязалъ къ дверной ручкѣ.

— Онъ у меня злѣкій: пристяжныхъ у саней можно оставить, а коренной очень обидчивый,—сказалъ ямщикъ...

— Какъ ты такъ распорядился, веди лошадей на конюшню.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—не поведу; въ усадьбѣ одинъ конь, и того въ дому держать—конюшни провалились. Да вы не сомнѣвайтесь, заходите, погрѣйтесь.

И онъ повелъ меня между высокимъ сугробомъ и облупленной стѣной къ небольшому крылечку, черезъ которое мы зашли внутрь, въ темноту. Я передвинулъ кнопку электрическаго фонарика, и бѣлый, овальнымъ конусомъ, свѣтъ открылъ передо мной длинный штукатуренный коридоръ и въ глубинѣ ударился въ стеклянную дверь, всю въ инеѣ.

— Идите прямо,—сказалъ ямщикъ,—за дверью тамъ у нихъ лѣсенка устроена. Прямо къ Ивану Степану попадете, а я около коней покручусь,—и, уходя, онъ добавилъ:—развѣ мыслимо этакій домъ натопить? И такъ половину сада спалили...

За стеклянной дверью нашелъ я винтовую лѣсенку и, треща морозными ступеньками, поднялся наверхъ въ круглую залу съ мозаичнымъ замусореннымъ поломъ, полуколоннами, подпирающими шатровый потолокъ, и хрустальной люстрой, задрожавшей отъ моихъ шаговъ.

Освѣщенные фонарикомъ появились между колоннъ шка-

пы, полные книгъ; дверцы одного были раскрыты, и на полу валялось нѣсколько томовъ: должно-быть ихъ вытаскивали охапкой, и онѣ падали по пути. Пока я оглядывался, въ глубинѣ лѣвой амфилады комнатъ, хлопнула дверь, раздался гулкій голосъ, навстрѣчу мнѣ понеслись мягкіе поспѣшные шаги, и я разглядѣлъ человѣка небольшого роста, безъ шапки и въ пальто; ладонью онъ заслонялъ, на бѣгу, свѣчку, и, когда остановился неподалеку, свѣтъ глаза-риль бритое его оплывшее лицо и черные, круглые оза-

— Вотъ обрадовалъ!—воскликнулъ онъ необыкновенно задушевнымъ голосомъ, назвалъ мою фамилію и принялся трясти свободной рукой за руку.—Скучища невѣроятная, и всѣ печи развалились,—ючусь въ угловой, топло книжками, представьте, бѣгу сюда, и вдругъ встрѣча. Пожалуйте, дорогой мой...

Я извинился, объяснилъ какъ попалъ сюда и попросилъ ночлега. Взявъ подъ руку, незнакомецъ повелъ меня чрезъ парадныя комнаты, иногда останавливаясь и поднимая свѣчку...

— Стиль Людовика,—говорилъ онъ,—все время обрывая нервный смѣшокъ,—какъ вы думаете? А впрочемъ наплевать,—все это стгло, плѣсень... И, знаете ли, сова даже завелась. Я мышей наловлю въ мышеловку и даю совушкѣ. Вотъ она, смотрите,—прошпенталъ онъ, присѣдая, и указалъ на верхъ изразцовой печи, гдѣ сидѣла сова. А съ боковъ печи на облѣзлыхъ стѣнахъ висѣли портреты, залупенные инеємъ.

— Предки-съ! — радостно воскликнулъ онъ.— Часто бесѣдую съ ними отъ скуки. Этотъ вотъ генераль,—петербургская штука, поглядите...

Онъ быстро потеръ ладонью по полотну; изъ-подъ нея выступила красная грудь мундира, перехваченнаго лентой, ордена, потомъ бритый подбородокъ и губы, тонкія и кривыя, какъ у незнакомца.

— Андреевская лента, честное слово... Генераль Кривичевъ. Предокъ... Глаза удивительные; я ихъ бумажками заклеиваю... до того неприятны... И похожи на мои. Я вѣдь—тоже Кривичевъ... Иванъ Степанычъ...—Онъ помолчалъ.—Слыхали навѣрно—актеръ. У насъ теперь тяжба съ Бабычевыми,—онъ ткнулъ пальцемъ на другой портретъ,—вотъ съ этими. Не можемъ имѣнья раздѣлить. Отъ Кривичевыхъ сажу я довѣреннымъ лицомъ, не допуская. А отъ Бабычевыхъ,—онъ втянулъ голову и хрипло прошепталъ:—вѣдму прислали, слѣдить за мной... Я ее гвоздемъ къ стѣнѣ приколочу...—Шутокъ надъ собой не допущу. Пусть она помнитъ кто я... Онъ вдругъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся добродушно и потащилъ черезъ залу въ коридорчикъ, гдѣ шепнулъ: «Тише, не стучите, не разговаривайте»... И, уже толкаясь, пробѣжалъ къ дверцѣ, проскользнулъ вмѣстѣ со мной внутрь, щелкнулъ ключомъ и, ставъ свѣчу на комодъ, воскликнулъ радостно: «Проскочили!»

Въ комнатѣ было жарко. Я снялъ съ себя тяжелую одежду и оглядѣлся. Комната была низкая и длинная, съ двумя полукруглыми окнами въ концѣ; на подоконникахъ стояли ведерныя бутылки съ наливкой. Къ потолку была подвѣшена простая лампа, освѣщая рваные ковры на одной стѣнѣ; напротивъ—большой столъ, заваленный пестрой, страннаго вида рухлядю: банками, париками, цвѣтной обувью, мѣдными шлемами, рукоятками мечей, и тутъ же лежали книги (Иванъ Степановичъ, очевидно, жегъ ихъ все-таки съ разборомъ); въ дальнемъ же углу стоялъ помостъ и висѣла черная, съ цвѣточками, занавѣска...

— Рабочій кабинетъ,—потирая руки, сказалъ Иванъ Степановичъ и указалъ на стѣну, гдѣ одинъ надъ другимъ висѣли пестрые костюмы, латы и плащи... И, видя, что я все еще недоумѣваю, онъ повторилъ:—Вспомните-ка,—

Иванъ Кривичевъ вмѣстѣ на пароходѣ ѣхали изъ Рыбинска.

И точнось я вспомнилъ деревянный театръ, полуоткрытый сзади, и у тусклой рампы, передъ намалеванными кустами,—коротенькую фигуру короля, въ картонной коронѣ въ шелковыхъ отряпяхъ, съ пучкомъ соломы въ рукѣ. И какъ вслѣдъ за свистомъ плохо сдѣланной бури, раздался откуда-то сверху увѣренный и наглый свистъ... И какъ Лиръ приподнялъ брови и кивнулъ головой, словно говоря: «Ну, да, пожалуйста, дайте ужъ кончу»...

— Такъ вотъ какъ! Вы значить, Кривичевъ, трагикъ,—сказалъ я.—Какъ же сюда попали? Странно.

— Страннаго ничего нѣтъ,—отвѣтилъ Иванъ Степановичъ, подошелъ къ окну, нагнулъ бутылъ, налилъ два стакана; одинъ предложилъ мнѣ, другой сейчасъ же выпилъ, не вытирая губъ.—Во-первыхъ, милостивый государь, я люблю уединеніе. И потомъ я не желаю расточать себя на грязныхъ подмосткахъ. Чего они стоятъ? Четыре часа безумія, когда сердце готово лопнуть—и за это платятъ деньги. Нѣтъ, я—артистъ, а не актеръ. Прошу различать. Актеру—вѣнки и пошлыя рукоплесканія, а мнѣ—лишь потрясеніе души. Къ чему зритель? Я давно покинулъ толпу. Играю для себя... Вотъ здѣсь!..

Онъ отдернулъ ситцевую занавѣску. За ней, на двухъ сходящихся стѣнахъ, было написано: извергающийся вулканъ, два дерева съ фонтаномъ и луна...

— Между страстью и меланхолей лежитъ весь миллионъ переживаній,—сказалъ Иванъ Степановичъ.—Вотъ мой театръ. Играю одинъ классическій репертуаръ... Располагайтесь удобнѣе... Кажется я вамъ еще не надобѣль...

Иванъ Степановичъ мимоходомъ выпилъ еще наливки, сбросилъ пальто, сѣлъ, застѣнчиво улыбнулся и принялся стаскивать панталоны...

— Только не обращайтесь внимания,—сказал он.— У меня—небольшой подъем сейчас... А я люблю, прижаться эти минуты.

Онъ поспѣшно натянулъ трико, ботфорты, накинулъ поверхъ коричневой своей фуфайки бархатный плащъ...

— Ни одного бурана не проходитъ, чтобы кого-нибудь не занесло... Иначе совсѣмъ капутъ... Вѣдьма зашла... Вы еще ее не знаете,—онъ вдругъ оборвалъ, подкрался къ двери и прислушался.—Молчать... бояться... Я ее сегодня отбрилъ...—прошепталъ онъ и уставился на меня со страхомъ.—Вы что подумали? Бритвой отбрилъ? Пожалуй, чортъ знаетъ что еще подумаете...

Онъ закрылъ глаза, вздрогнулъ, словно отъ озноба.

— Внизу стряпуха живетъ, на ночь запирается, такой на нее нападаетъ страхъ... Очень у насъ нехорошо. Никакого нѣтъ порядку. Я говорилъ братьямъ: за какіе такіе грѣхи отдуваться я долженъ у васъ въ пустомъ дому? За то, что неудавшійся актеръ, что ли? За это жалѣть надо... А они разочарованнаго, безъ участія, безъ ласки, заперли насмѣхъ... Какова человѣческая жестокость!.. Да вѣдь промотался я для искусства... Двадцать два года игралъ... А знаете почему оставилъ сцену? Я трагическихъ любовниковъ играю, а на самомъ дѣлѣ не любилъ ни разу... Вотъ и рѣшился сначала полюбить, а потомъ изображать любовь... Я братьямъ написалъ: двадцать два года, молъ, ошибался, теперь я нашелъ себя, могу играть... Я пробовалъ... На этихъ подмосткахъ до обморока самъ себя доводилъ... Пусть только денегъ прищлютъ на выѣздъ.

Иванъ Степановичъ надвинулъ шляпу съ перомъ на глаза, оперся на эфесъ шпаги, локтемъ откинулъ красный плащъ и сердито поглядѣлъ на меня.

— Думаете: вотъ влюбился старый дуракъ, заперли его съ вѣдьмой, такъ онъ и въ вѣдьму влюбился. Я бы

васъ посадилъ на денегъ съ этой женщиной. Глазъ съ меня не спускаетъ. Я—слово, я—шагъ,—она все въ журналъ записываетъ. Исключительно для надругательства. У нея ничего человѣческаго нѣтъ,—провались она пропадомъ. Черезъ нее и пить! Пропита! Прожита! Опоганена вся душа!..

При этихъ словахъ Иванъ Степановичъ швырнулъ шляпу, взъерошилъ полусѣдые волосы и ступилъ къ подмосткамъ. Я молчалъ. Все это вышло у него плохо-неестественно. Онъ и самъ это замѣтилъ. Покачалъ головой, усмѣхнулся.

— Наигрываю. Сорвался съ тона. А?..—сказал онъ.— Я лучше изъ Шекспира что-нибудь...

Онъ взомель на мостъ, задумался, схвативъ подбородокъ, и потомъ проговорилъ страннымъ, инымъ голосомъ, отъ котораго у меня сразу закололо по спинѣ:

— Офелія, иди въ монастырь! Иди въ монастырь. Не отпирая дверей...—онъ страшно поднял брови и зашепталъ:—А если онъ, со звѣрской лаской, ворвется въ дѣвичью обитель, ты шаль связжи на дѣвственной груди и тайно въ узелъ спрячь иглу.

Иванъ Степановичъ вдругъ надулъ щеки, выпустилъ воздухъ, сѣлъ на ступеньку, уронилъ голову на руки и заплакалъ.

— Забылъ... Все перепуталъ,—проговорилъ онъ.— Какая досада!

Вдругъ постучались. Иванъ Степановичъ сорвался съ помоста и, навалившись на дверь, едва проговорилъ.

— Кто здѣсь?

— А я это,—отвѣтилъ ямщикъ,—промерзъ.

Иванъ Степановичъ выпустилъ его, совсѣмъ уже обошугеннаго и запушеннаго снѣгомъ.

— Погрѣться хотѣлъ въ кухню, а прислуга не отпираетъ, боится, что ли,—проговорилъ онъ переминаясь.

— Так пей же, пей, пей!—воскликнул Иванъ Степановичъ, сунув бутылкой въ ямщика.

Тотъ степенно посторонился и попросилъ стаканчикъ и хлѣба. Подавъ все это, Кривичевъ вытолкалъ ямщика и глядѣлъ въ дверь, пока тотъ не скрылся совсѣмъ.

— Я думалъ это полиція,—сказалъ онъ, наконецъ подойдя ко мнѣ.—Случилась небольшая непріятность. Впрочемъ не стоитъ. О чемъ, бишь, я началъ? Да. Хотите на конькахъ покататься? Внизу въ залѣ я отличный катокъ устроилъ. Самъ воду носилъ—поливалъ паркетъ; покатаешься, потомъ изъ окошка прямо въ садъ и на рѣчку. Очень удобно. Впрочемъ сейчасъ снѣгу нанесло. Снѣгъ какъ саванъ,—замететь, засыплетъ, и слѣдовъ нѣтъ. Напримѣръ, человѣка положить съ вечера подъ пригоркомъ, а утромъ занесетъ его ровненько, и такъ до весны никто не узнаетъ. Я давно объ этомъ все думаю. Такъ вамъ не понравился Гамлетъ? Впрочемъ я не игралъ. О, Господи!

Иванъ Степановичъ взялся за голову, словно неотступная какая-то мысль гнала его, отпустила на минуту и накидывалась съ новой силой.

— Она совсѣмъ не вѣдьма,—сказалъ онъ неожиданно,—она хорошая. Я все вамъ навралъ. Ее сюда изъ Петербурга прислали. Во избѣжаніе скандала. Понимаете ли, изъ дому ушла съ однимъ актеромъ. Съ подлецомъ. Въ родѣ меня. Родила въ больницѣ. Вернулась въ Петербургъ, но домой не пошла, а прямо на улицу. Захватилъ ночной обходъ. Личность выяснять принялись. Оказывается, родитель-то ея на самыхъ верхахъ. Вотъ съ урядникомъ и прислали сюда. И пятьдесятъ рублей каждое первое число выдаютъ. Какая дѣвушка! Какая жизнь разбита!.. Охъ, попался бы мнѣ этотъ актеришка. Знаете что? Пойдемте лучше къ ней.

Иванъ Степановичъ схватилъ меня за руку, и въ гла-

захъ его появился какъ-будто ужасъ. Мнѣ стало непріятно, а онъ тащилъ меня со стула, и мы, отворивъ осторожно дверь, высунулись въ коридоръ. Наискосокъ была другая двухстворчатая дубовая дверца; въ щель у пола оттуда шель желтоватый свѣтъ; указавъ на него, Иванъ Степановичъ прошепталъ, тиская мою руку:

— Видѣли... Я такъ и не потушилъ... Пусть горить...

— Что съ вами? Что вы тутъ надѣлали?—закричалъ я, вырывая руку, но онъ вѣспился, повисъ на мнѣ, прилипъ, приговаривая:

— Не кричите... Не уходите... Не догадывайтесь... Все равно не выпущу... Вы доносить поскочите... Какое вамъ дѣло?.. Мы промежду себя разобрались... Я все объясню... Она меня видѣть не могла... Одинъ мой видъ ее въ истерику приводилъ... И надъ искусствомъ издѣвательства... Я читаю,—она же у двери виситъ,—покатывается... Мнѣ потрясенія нужны... Величайшія трагедіи души... Надо на самомъ дѣлѣ увидѣть, какъ подъ ножомъ содрогнется... обожаемое существо. Иначе искусства нѣтъ... Кабы не ея злоба... я бы никогда не рѣшился... А теперь я—артистъ... Я—геній... Я пѣшкомъ въ Петербургъ пойду... Я имъ покажу, какъ играетъ Иванъ Кривичевъ...

Я вырвался, наконецъ, отбѣжалъ, помня, что надо захватить шубу, но Иванъ Степановичъ ничего не замѣтилъ: потный, красный, маленькій, въ волочащемся плащѣ и шляпѣ, огромная тѣнь отъ пера которой прыгала по стѣнѣ, онъ размахивалъ кулакомъ, ходилъ вправо и влѣво и выкрикивалъ уже совсѣмъ безсвязное!..

Наконецъ, блуждающіе глаза его остановились на дубовой двери... Онъ присѣлъ, подкрался и, сдѣлавъ трагическій жестъ, налегъ на ручку; ветхія половинки, треснувъ, разъединились, и раскрылась дверь... Я отвернулся. Но вдругъ изъ глубины послышался усталый, раздраженный голосъ:

— Полно тебѣ, Иванъ Степановичъ, вотъ дверь сло-
малъ... Хотъ бы чужого постѣнился...

И на порогѣ появилась дѣвушка, высокая, очень худая,
съ длиннымъ измученнымъ лицомъ; покатыя лечи ея
были закутаны въ оренбургскій платокъ; волосы на за-
тылкѣ завязаны просто, и только пепельные круги подѣ
глазами и длинные, еще не наглядѣвшіеся на свѣтъ, глаза
ея были прекрасны...

Иванъ Степановичъ сморщился, засопѣлъ и сталъ
придвигаться къ своей двери... Дѣвушка мнѣ сказала:

— Вотъ такъ каждый день... Напьется, и у него идея
такая, что онъ меня зарѣзаетъ... И дождусь когда-нибудь.
Неудачникъ онъ,—вотъ всѣ и виноваты... А когда трезвый—
хорошій, застѣнчивый...

Дѣвушка улыбнулась невесело, и сказала Ивану Степа-
новичу:

— Ну, ужъ иди ко мнѣ чай пить... И вы пожалуйста.
Я до утра не ложусь.

— Машенька,—проговорилъ Иванъ Степановичъ,—ты
пойми... какъ я могъ удержаться... Вотъ свѣжій человекъ—
и онъ обратился ко мнѣ:—она у меня милая, несчастная...

— Иванъ Степановичъ!—перебила Машенька строго.

— Да, да, да... Замолчалъ, замолчалъ... Иванъ Сте-
пановичъ притихъ совсѣмъ. Послѣдовалъ за нами въ
Машенькину комнату—бѣлую, чистую, строгую, съ хоро-
шимъ запахомъ сухихъ травъ. На столѣ стояли свѣчи
и самоваръ. Иванъ Степановичъ, сгорбясь, сѣлъ въ тѣнь
и скоро заснулъ. Машенька, съ улыбкой взглянула на
него изъ-за самовара:

— Не можетъ отвыкнуть; очень любить свое актер-
ство,—сказала она,—ужъ чего онъ только не выкидывалъ.
Пусть поспитъ. Не будите его.

Въ это время вошелъ ямщикъ и сказалъ, что буранъ
полегчалъ и кони зазябли... Я простился, поблагодарилъ

Машеньку; и закачался снова въ маленькихъ санкахъ по
ухабамъ и невѣрному снѣгу. Въ открывшихся тучахъ
стояла круглая луна. Впереди лошадей долго бѣжало
заяцъ.

— А я маленько совралъ,—сказалъ ямщикъ, оборо-
тась—въ кухню-то достучался... кухарка щами угостила
и кашей. Рассказывала: шибко она боится у нихъ жить...
Вчера, говоритъ, баринъ за барышней съ ножомъ по всему
дому бѣгалъ... Баринъ, говоритъ, у нихъ раньше че-
ловѣкомъ былъ, а теперь трагикъ...

БАРОНЪ.

Вѣтеръ разгулялся надъ Кіевомъ; мокрая облака неслись по крышамъ, цѣплялись за шумящіе хлесткими вѣтвями тополя и, разорванныя, скатывались съ горъ въ мутный Днѣпръ.

По взбаломученной рѣкѣ гнало ягдутами пѣну, у берега качались баржи и съ той стороны красный пароходикъ, пересѣкая теченіе, нырялъ и дымилъ, словно изъ послѣднихъ силъ.

И по всему Заднѣпровью надъ полями, лѣсными кущами и зыбкими озерами шли низкія облака, сваливаясь у края земли въ тяжкіе, сѣрые вороха.

Всего сильнѣе дулъ вѣтеръ на ротонду городского сада, сбивалъ съ ногъ рѣдкихъ прохожихъ, лѣбилъ одежду, гнулъ шляпы, подхваченныя рукой, раскачивалъ на высокихъ столбахъ фонари, а гимназисту, глядящему въ бинокль, врѣзалъ въ щеки резинку отъ картуза и, залетѣвъ въ рукава, надулъ пальто горбомъ.

— Историческій ландшафтъ,—сказалъ гимназистъ, и, спрятавъ бинокль, вынулъ изъ футляра фотографическій аппаратъ и сталъ наводить.

Въ это время между его прищуренными глазами

и ландшафтомъ прошелъ худой и высокій человекъ, одѣтый странно.

Длинные ноги его были обернуты онучами и обуты въ поршни, зеленые штаны по колѣнямъ заплатамы; верблюжья короткая куртка сидѣла коробомъ, до того была стара; на впалой груди перекрещивались ремни, держа за спиной ягдташъ, патронную сумку, ружье и мѣшокъ; зябкія руки засунуты въ карманы; плечи покатыя, а на длинной шеѣ сидѣла необычайно красивая голова—римская и спокойная, хотя на ней и была надѣта рыжій котелокъ съ пѣтушинымъ перомъ на затылкѣ.

— Ахъ, чтобъ тебя,—проворчалъ гимназистъ и, продолжая нажимать грушу, испортилъ историческій ландшафтъ, снявъ на немъ странную фигуру охотника, который перевалился черезъ балюстраду, принялся спускаться по косятору внизъ къ рѣкѣ.

Затѣмъ гимназистъ повернулъ спиною къ вѣтру и пошелъ изъ сада, и въ тотъ же день поѣхалъ далѣе.

Пленку же, съ изображеніемъ забавнаго человека, проявилъ только черезъ мѣсяцъ, отпечаталъ и наклеилъ въ альбомъ.

II.

Ничего нѣтъ нуждѣ въ деревнѣ, какъ послѣдній часъ передъ ужинкомъ... Хозяйка, прислушиваясь къ звону тарелокъ, вдругъ перестаетъ понимать гостя и, пробормотавъ что-то, уходитъ, вдалькѣ хлопнувъ дверью, откуда доносится кухонный запахъ. Гость не знаетъ, что ожидаетъ его, когда скажутъ «пожалуйте», и у него сосеть... Лампы еще не зажгали; хозяйка, сидя на стулѣ, спиной къ окну, пробуетъ и такъ и такъ этакъ облегчить ожиданіе, выхваляя новую сѣялку; собака подъ хозяй-

скимъ стуломъ чешется; другой гость—помоложе, облокотясь о пианино, глядитъ на хозяйскую дочку, которая нажимаетъ пальцемъ все одну клавишу; третій гость ходитъ вдоль стѣнки,—онъ уже и наговорился, и накурился, а теперь, переставляя ноги, думаетъ: «Сѣялки-то сѣялками, а это что же, братецъ, ужинать не даютъ»? И, наконецъ, наступаетъ молчаніе, которое должна использовать хозяйка, раскрывъ двери и говоря: «Пожалуйте, чѣмъ Богъ пошлеть»...

«Знаемъ мы, чѣмъ Богъ тебя посылаетъ», подумаетъ каждый изъ гостей и, хлопнувъ себя по колѣнкамъ, встаетъ и войдетъ въ столовую...

Упусти эту минуту хозяйка, дай гостямъ переголодать,—пропаль и ужинъ, и разговоръ за нимъ. Но въ этотъ вечеръ во-время были открыты двери, и гости, потѣнясь, во-время обѣли столъ.

Хозяинъ, Викентій Андреевичъ Бабычевъ,—отецъ того гимназиста,—помѣстился въ концѣ; два гостя съ боковъ его, третій, помоложе, трогая усы, сѣлъ около хозяйской дочки, и остался седьмой пустой приборъ, взглянувъ на который, хозяйка приказала горничной: «Поди, позови паныча». Такъ, съ легкимъ потираниемъ рукъ, начался ужинъ; пошли кругомъ соусники, судки и графинчики; отъ яркаго свѣта лампы бѣлый столъ словно ожилъ и все стало вкуснѣе, и, наконецъ, явился гимназистъ, сунулъ подъ себя альбомъ съ фотографіями и поморщился на свѣтъ...

— Ну, что, окончили клеивать?—спросила его сестра,—фу, хоть бы ты вымылъ руки.

— Окончилъ, да не покажу,—отвѣтилъ гимназистъ,—это гидрохинонъ, не отмывается...

— Онъ у насъ отлично учится,—молвила хозяйка.

— И, знаете, прекрасный фотографъ,—воскликнулъ хозяинъ.

Гости подивились; гимназистъ, не обращая вниманія, продолжалъ ѣсть, сидя на альбомѣ, и ужинъ сдѣлался еще болѣе пріятнымъ оттого, что за спиной хозяина запылали дрова въ очагѣ, освѣтивъ штукатуренныя стѣны и потолокъ...

Отъ ѣды, вина и тепла гости въ концѣ ужина сидѣли уже бокомъ—время для разсказыванія занимательныхъ исторій, но всѣ знали другъ друга наизусть, и хозяйская дочка чувствовала уже нѣкоторое свинство, поэтому, бросивъ катышкомъ въ брата, она сказала:

— Покажи альбомъ, не съѣдимъ же мы его, право.

— Вотъ, вотъ,—воскликнулъ Бабычевъ,—давай, давай его сюда, поросенокъ.

И альбомъ съ фотографіями пошелъ по рукамъ...

Одинъ гость говорилъ:

— Пріятно, знаете ли, потомъ будетъ посмотреть.

Другой только удерживалъ зѣвоту; а Бабычевъ надѣлъ очки и, хваля все подъ рядъ, вдругъ отнесъ альбомъ на вытянутой рукѣ, взглядѣлся, и ударивъ по столу, воскликнулъ:

— Что за чортъ; господа, вѣдь это баронъ, честное слово; что я слѣпой? какимъ же онъ чортомъ сюда попалъ?.. вѣдь я думалъ его и въ живыхъ-то нѣтъ!..

И Бабычевъ, радуясь случаю, отодвинулъ стулъ, и принялся разсказывать.

III.

«Извольте посмотреть на фигуру—длинный, какъ жердь, худущій, а курточку эту на немъ я знаю ужъ пятнадцать лѣтъ: въ ней пять кармановъ: два для дробы, одинъ для пшеницы, четвертый для пистоновъ, а въ этомъ записная

книжка—что въ ней написано, никто не читалъ, но, должно-быть, очень интересное... Появилась фигура эта въ нашихъ мѣстахъ давно, и сразу прозвали его «барономъ», потому что происхожденія былъ нѣмецкаго, но изъ какихъ мѣстъ—неизвѣстно.

Встрѣтились мы въ первый разъ поздней осенью на облавѣ у дѣда моего въ лѣсу. Вижу, сидитъ на пенекѣ—и улыбается. Спрашиваю: «Кто таковъ?» Да такъ, говорятъ, ничего себѣ, но бѣдень, околачивается по помѣщикамъ; должно-быть, въ родѣ шута гороховата, хотя къ благородной охотѣ имѣетъ страсть.

И, дѣйствительно, въ тотъ же день онъ себя и проявилъ. Позвалъ дѣдъ мой всѣхъ послѣ облавы на ужинъ (а дѣдъ былъ права тяжкаго, на руку цѣпкій и озорникъ великій). И не успѣли гости перениться хорошенько, дѣдъ подмигнулъ кос-кому и кричитъ черезъ столъ барону:

— Ваше сиятельство, хотя вы иностранецъ, а русскихъ обычаевъ не знать, стыдно.

Баронъ какъ сидѣлъ—жердью на концѣ стола, такъ и вытянулся,—покраснѣлъ. А дѣдъ опять свое:

— Становись, становись къ стѣнѣ, мы тебя потчивать хотимъ.

Баронъ вскочилъ, извинился и сталъ къ стѣнкѣ. Дѣдъ налилъ бокаль крѣпкой перцовки, пригубилъ и подноситъ со словами—не обезсудь, молъ, пей до дна, да смотри не обойди кого—обидишь... Баронъ съ готовностью выпилъ, и дышать не можетъ, а гости каждый къ нему со своимъ стаканомъ.

— Хорошо, хорошо,—говоритъ баронъ,—у всѣхъ выпью, постараюсь, мнѣ очень нравится русское гостепримство. И только улыбается. Потомъ его замертво унесли въ контору.

Всѣмъ эта забава поправилась и стали барона приглашать нарасхвать... Баронъ ни отъ чего не отказывался,—

а штуки удумывались надъ нимъ звѣрскія—не видѣлъ онъ, что ли, что надъ нимъ смѣются, или изъ подлости, ужъ не знаю,—какъ заблженный—все терпѣлъ.

Однажды я ему удружилъ—побился, что не съѣстъ онъ корыто раковъ...

— Можеть-быть, вамъ не особенно хочется спорить?—спросилъ онъ только.—«Что вы, говорю, я на это и гостей позвалъ». Усадили мы его въ дверяхъ, на сквознякѣ, принесли ломоть хлѣба съ горчицей и перцемъ, и полное корыто раковъ, и, дѣйствительно, я вамъ доложу, посмѣялись. Хотя потомъ въ больницѣ его на свой счетъ лечилъ.

Съ дамами онъ особенно стѣснялся и роста своего, и куртки—сидитъ, бывало, одну ногу объ другую закрутить и обѣ подъ стулъ, руки вытянетъ на колѣнку, голову склонитъ, и, что бы дамы наши ни сказали—со всѣмъ согласится, только не сразу, чтобы не было очень замѣтно.

И выдумали дамы его женить. Баронъ, конечно: «самъ говорить, давно хотѣлъ бы, только нельзя ли невѣсту до свадьбы посмотреть».

Привели ему дѣвицу изъ деревни, уroda невѣроятнаго, въ перья какія-то одѣли; за животы прямо всѣ хватаются. А баронъ, вотъ тутъ, какъ разъ, стоялъ у камна, красный весь, а кланяется и улыбается и дѣвкѣ этой руку поцѣловалъ. А потомъ исчезъ и провалился, какъ въ колодезь.

Нашли его только осенью у лѣсныхъ сторожей. Обрадовались всѣ страшно и по настоящему даже надругиваться не захотѣли.—а баронъ прощенья у всѣхъ проситъ, чуть не плачетъ, говоритъ: «Ночи не спалъ, все думалъ,—какой я неблагодарный».

Въ то время гостилъ у меня двоюродный братъ—Володя, человѣкъ съ оригинальными понятіями и ненавистникъ всякихъ инородцевъ.

Привели мы къ нему барона, смѣемся, вспоминаемъ про потѣшныя выдумки, баронъ самъ даже наклепалъ

на себя, чтобы смѣшнѣе показаться, и смотрю, Володи мой хмурится... Потомъ отвелъ меня и говорить:

— Какъ вамъ не стыдно шутловствомъ заниматься; этотъ господинчикъ дряннъ природная, онъ еще вамъ покажетъ, тони его въ шею.

Удивился я, неприятно стало, а все-таки началъ за барономъ приглядывать... Подошла зима и прогнать его было никакъ невозможно... Баронъ, должно быть, замѣтилъ косые взгляды и сталъ съ Володей особенно вѣжливо. Ружье ему чистилъ, собаку научилъ умирать, и лаять, когда скажутъ: «волкъ», а больше грустилъ, сидя у себя въ комнатѣшкѣ подъ лѣстницей.

И вскорѣ, — дѣйствительно, — проявилъ себя — удивилъ всѣхъ невѣроятно.

Собрались, какъ обычно, къ дѣду моему по первой порошкѣ на облаву помѣшники... И, разумѣется, еще до лѣса не доѣхали, всѣ ужъ были съ мухой; барону достался номеръ сосѣдній съ братомъ; звѣрь пошелъ густо; стрѣлки разгорячились и палили, и въ пеньки, и въ облазчиковъ; — одинъ баронъ стрѣлялъ не торопясь и безъ промаха, а, когда прямо на его номеръ вымахнула чернубурая, бросилъ въ нее шапкой, чтобы она къ брату повернула, на что Володя, пропуская, обозлился ужасно.

Надо вамъ сказать, что съ боковъ охотничьей линіи протягиваютъ веревку съ цвѣтными флажками, — звѣрь никогда не побѣжитъ черезъ флагъ. Вотъ передъ третьимъ загономъ, когда мы прилегли на снѣгу, раскупоривая шипучку, баронъ всталъ и говорить:

— Извините меня, господа, пожалуйста, я бы имѣлъ нескромность посоветывать протянуть еще линію флажковъ позади охотниковъ, потому что въ третьемъ загонѣ у насъ чернубурая лиса.

Дѣдъ мой какъ захочетъ и на Володю пальцемъ указалъ, а братъ загорѣлся, вижу, и сощурилъ глаза...

— Ахъ, баронъ, баронъ, — говоритъ дѣдъ, — не даромъ ты обезьяну выдумалъ, иди протягивай флажки.

Баронъ живо отошелъ и, когда былъ уже на сорока шагахъ, Володя закричалъ ему:

— Эй, вы, пѣмецъ, повернитесь, я въ васъ стрѣлять буду... Терпѣть не могу вашего племени.

Баронъ, какъ на шарнирѣ, повернулся, отвѣчаетъ: «Хорошо, стрѣляйте», и наморщилъ носъ. И не успѣли мы рта раскрыть, братъ легъ и съ локтя выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ ему по ногамъ. Барона, какъ вѣтромъ, отдунуло. Но устоялъ на ногахъ, подошелъ, взялъ свое ружье, взвелъ курки (челюсть трясется, а глаза спокойные, только будто замороженные) и спрашиваетъ:

— Вы это нарочно сдѣлали, или нечаянно?

— Нарочно, разумѣется, — отвѣчаетъ братъ...

— Вы честный человѣкъ, иначе я бы въ васъ стрѣлялъ, — сказалъ баронъ, сѣлъ у дерева, и руками снѣгъ схватилъ. Братъ въ тотъ же день уѣхалъ, а я далъ барону денегъ и отправилъ въ Кіевъ съ глазъ долой... Съ тѣхъ поръ онъ и скрылся.

Прошло три года; сижу я какъ-то въ городскомъ саду въ Кіевѣ, отъ скуки въ газетѣ объявленія просматриваю, вдругъ читаю: «сливочное масло по нормальнымъ цѣнамъ, купившій три фунта, получаетъ въ премію дикую утку, или пару чирковъ. Продажа съ воза».

Что, думаю, за ерунда, дикія утки, ужъ не баронъ ли это. Взялъ извозчика, ѣду на Подолье, вижу на базарѣ возъ, на возу баронъ торчитъ, а кругомъ народу видимо-невидимо и всѣ смѣются.

Ужасно я обрадовался, протолкался; баронъ увидѣлъ меня, покрасилъ и снялъ шляпу, а я его обнял...

— Ты это что? — спрашиваю... А онъ мнѣ: «Представьте, какая жалость, — масла нехватило, а утокъ еще цѣлый возъ».

— Пускай, говорю, утокъ по пятаку.

— Извините,—отвѣчаетъ,—я не барышникъ. Всталъ на телѣгу и кричитъ: «Господа, берите утокъ такъ, а черезъ недѣлю придете за масломъ». Сейчасъ же птицу у него расхватали. Завезли мы воза въ подворье и пѣшкомъ пошли неподалеку къ барону...

Снималъ онъ въ деревянномъ домикѣ три комнатки. Въ первой охотничій кабинетъ, вторая пустая—для прѣзжихъ, а въ третьей на цѣпи сидѣла обезьяна.

— Это,—спрашиваю,—зачѣмъ тебѣ?

— Она мой другъ,—отвѣчаетъ баронъ,—она одинокая и я тоже, вотъ и живемъ,—и протянулъ обезьянѣ руку...

— Хорошо,—говорю,—другъ.

— Она малокультурная, игры у нея злыя, а любить меня страшно...

— Однако, пойдёмъ,—говорю,—воняетъ.

Сѣли мы въ кабинетъ и баронъ разсказалъ, что получилъ изъ Германіи въ наслѣдство шесть тысячъ рублей. Прожить ихъ просто—неловко, они трудомъ добыты, вотъ онъ и придумалъ торговать съ преміей. Недѣлю охотится въ болотахъ, а по воскресеньямъ торгуетъ... очень хорошо, хотя прибыли еще не получалъ.

— А зимой какъ?—спрашиваю.

— Зимой зайцевъ буду въ премію давать...

Подивился я и говорю: «Что же, прѣдешь къ намъ?»

Забѣгалъ баронъ глазами: «Вотъ-вотъ, непременно прѣхать надо. Только мнѣ кажется, что я не всёю пріятенъ... Меня жалѣли, но не особенно любили. Я хочу немного одинъ пожить... За эти три года было трудно, пришлось ружье продать». Баронъ огорчился, вспомнивъ про ружье, и я растрогался: «И не думай, говорю, рассержусь, если не прѣдешь. Да скажи-ка мнѣ вотъ что—откуда ты, зачѣмъ къ намъ поपालъ?»

Заходилъ баронъ, какъ журавль, остановился у окна

и головой мотаешь. «Не нужно, говорить, объ этомъ спрашивать, лучше я подарю вамъ что-нибудь на память—хотите обезьяну»...

Съ тѣхъ поръ я барона больше не встрѣчалъ, десять лѣтъ прошло. Плохого мы отъ него не видали, хоть и шутъ онъ, правда, и покушать любить на чужой счетъ»...

Тутъ Бабычевъ, увидя, что сказала лишнее, остановился.

— Въ томъ смыслѣ я говорю,—поправился онъ, что другой на его мѣстѣ за работу какую взялся бы, а не жилъ, какъ птица. А ты возьми побарабань, маршъ какой, или попури. Сама знаешь. А мы покуримъ.

Слова эти относились къ дочкѣ, которая мило улыбнулась, не сразу понявъ. А гимназистъ вдругъ сказалъ басомъ:

— Папа, я не зналъ, что это баронъ: утромъ какой-то человѣкъ пришелъ по дождю и попросился на сѣноваль, я отвелъ его... Можетъ, сбѣгать, позвать?

— Вотъ такъ сюрпризъ, не можетъ быть,—воскликнулъ Бабычевъ, оглядывая гостей,—смотри, поросенокъ, если ты выдумалъ; господа, что если онъ, вотъ посмѣемся...

IV.

Бабычевъ вернулся почти тотчасъ... На вопросы: «ну что?» не отвѣтилъ, взявъ со стола салфетку, завязалъ ее узломъ, сунулъ въ карманъ, долго глядѣлъ себѣ подъ ноги и сказалъ, наконецъ, пересохшимъ голосомъ:

— Господа, баронъ-то вѣдь померъ; пока мы тутъ того... онъ и померъ.

Гости присмирѣли; когда же хозяйка, вставъ, громко ахнула, всѣ засуетились и пошли черезъ мокрый дворъ по осеннему дождю къ сѣновалу...

У лѣстницы, переговариваясь, уже собралась дворня. Бабычевъ, обругавъ всѣхъ дурнями, полѣзъ первый, размахивая фонаремъ... «Да гдѣ же онъ тутъ?»—крикнулъ онъ сверху. Подъ двускатной крышей, на перекладинахъ, пробудились голуби... Мышь пробѣжала у ногъ Бабычева, и поведя фонаремъ, онъ увидѣлъ у вороха сѣна поднятыя острыя колѣнки... Подошли и гости и двое рабочихъ и, опустивъ желѣзные фонари, наклонились надъ барономъ. Лѣвая рука его, согнутая въ локтѣ, лежала на глазахъ, словно свѣтъ его ослѣпилъ и онъ закрылся. Ноги разуты и въ грязи, и правый кулакъ, съ пучкомъ зажатаго сѣна, торчалъ кверху, неестественно и нехорошо...

— Обираль себя, катался, какъ помереть,—сказалъ рабочий—то-то мы слышимъ въ конюшнѣ—скулить и скулять...

— Ладно тебѣ,—тонкимъ голосомъ воскликнулъ Бабычевъ,—несите его внизъ, да осторожнѣе...

И, когда барона снесли внизъ, рабочий подаль Бабычеву записную книжку, выкатившуюся изъ баронскаго кармана.

Схваченная накрестъ двумя резинками, записная книжка, несмотря на то, что баронъ таскалъ ее пятнадцать лѣтъ, оказалась совсѣмъ пустой. Только на первой страницѣ была свѣжая надпись:

«Боже мой, долго ли Ты будешь испытывать меня; жизнь, вотъ уже прошла, а я все одинъ... Ты даль любовь, укажи къ ней путь... Ты даль мнѣ жену, а я убилъ ее, любя безразсудно. Неужто до конца мнѣ быть странникомъ въ чужой землѣ?»

ПРИЗРАКИ.

ЕГОРІЙ—ВОЛЧІЙ ПАСТЫРЬ.

Въ давнее время въ греческой землѣ жилъ князь Егорій, до того лютый, что ужъ и самъ быть не радъ своей лютости.

Представлялось ему, будто всѣ люди—его враги, и каждое утро, едва раскрывалъ глаза, заходился злостью, думая—кто его пущій врагъ?

Жилъ Егорій въ каменной избѣ, въ темномъ лѣсу, на крутой горѣ, а подъ горой лежало Егорьево царство.

Семь синихъ рѣкъ текло съ горы по зеленому царству, уходя на краю земли въ дремучій лѣсъ.

Егорьевы мужики пахали землю, а бабы растили виноградъ и холили наливныя яблоки.

Утромъ надъ царствомъ вставало солнце, горѣли свѣтлой зыбью всѣ семь рѣкъ, на рѣчные берега выходили пѣгя коровы, бойкіе кони и круторунныя овцы, жевали траву и пили воду. Въ полдень, когда солнце жгло, какъ око съ лазореваго неба, ложились стада, и народъ, бросая работу, шель купаться, тогда съ горы слетала туча, потромыживая, заслоняла солнце, народъ крестился, стоя въ водѣ, животныя поднимали морды, и сверху лиль крупный прохладный дождь.

Туча, остудивъ жару, уходила за лѣсъ, и надъ семью

рѣками, надъ сизыми полями и красными косогорами перекидывалась свѣтлая радуга всёю на радость.

Одинъ только Егорій, стоя на каменномъ крыльцѣ, въ тоскѣ думалъ, глядя внизъ:

— Все это мое: какъ смѣютъ они веселиться, когда мнѣ не весело. Пусть только ночь придетъ я имъ помѣшаю.

Погрозивъ съ горы уходилъ Егорій въ избу, сѣдился у стола и думалъ о своей злобѣ, одинъ въ избѣ, да и во всемъ лѣсу нагорномъ, потому что никто больше не жилъ у князя ни за страхъ, ни за деньги.

Печь топилъ Егорій самъ, таскалъ изъ лѣсу буреломъ и варилъ котелъ съ убойной, которую приносилъ, какъ воръ, ночью изъ долины.

За день накипала у Егорія злоба; когда же солнце, садясь на покой за устья рѣкъ, пускало красный лучъ сквозь лѣсные стволы въ узкое окно избы Егорія, освѣщало желѣзную рубашку на стѣнѣ, желѣзный колпакъ и ножикъ, всакивала Егорій и кидался по избѣ—злоба подкатывала ему подъ горло.

И только высыпали звѣзды, снималъ онъ со стѣны ножъ, точилъ его, надѣвалъ желѣзную рубашку, острый колпакъ и въ потемкахъ сбѣгалъ съ горы.

Внизу у бревенчатыхъ избъ скрипѣли ворота, прини-мая скотъ, въ сѣняхъ старые люди отходили ко спу, а парни да дѣвушки, не зная угомону, прохаживались подъ кудрявыми кленами, подъ рябиновыми кустами, иные убѣгали съ глазъ и падали со смѣхомъ въ траву, иные бились на кулакахъ, а тѣ, что приустали, слушали сказки и сказаніе про страшнаго Егорія.

Отъ сказанія становилось всёю больно. Каждый думалъ про себя, что не загубить же его безвинно Егорій. За какую-нибудь вину да караетъ князь, вѣдь у волка и у того есть совѣсть.

А за кустами въ это время, слушая сказателя, уже сидѣлъ Егорій.

Когда же умолкалъ сказатель, стихалъ страхъ, и дѣвушки начинали грустную пѣсню о наливномъ яблокѣ, вставалъ изъ-за кустовъ Егорій, гремя желѣзомъ, шагаль по травѣ къ осѣвшему въ страхѣ народу и, схвативъ пер-ваго, убивалъ ножомъ.

Разбѣгался съ криками народъ: кто ползкомъ, кто споты-каясь, затворялся по избамъ, а Егорій шелъ къ рѣкѣ, мылъ руки и, присѣвъ на берегу, вздыхалъ отъ жалости къ самому себѣ.

Утолялась злоба пролитую кровью, и, вздыхая, крутилъ Егорій головой и думалъ, что некому его пожалѣть.

Утромъ душа ясна у человѣка. На утро вспоминалъ Егорій ночное убійство и ропталъ, что рабы опять, на-толкнувъ его на такое дѣло, омрачили и этотъ новый день, заставили снова мучиться, никакъ отъ мукъ не уйти, не отомстить мучителямъ, потому что уже отом-щено, надобны новыя жертвы, и Егорій распалялся злобой, выдумывалъ на народъ небывалое, чтобы только оправдать себя, не въ силахъ былъ оправдать и еще пуще заходилъся.

Все чаще, потомъ каждую ночь сходилъ Егорій съ горы, и народъ, наконецъ, смутился,

Порѣшилъ собраться въ кругъ—разсудить дѣло.

Собрался народъ со всёхъ семи рѣкъ на зеленомъ лугу подъ радугой. Первымъ въ кругъ вскочилъ паренъ, трях-нулъ кудрями и крикнулъ:

— Извести надо Егорія, убить!

Старки, уперевъ бороды, подумали и молвили:

— Въ убійствѣ великій грѣхъ. Убьешь, такъ Его-рѣва же кровь и ляжетъ на нашу совѣсть.

Вышелъ разсудительный мужикъ и сказалъ:

— Мудрыя рѣчи лестно и послушать, но дѣлу онѣ не помогутъ, а пойти надо міромъ и огородить гору глу-

бокимъ ровомъ и острымъ частоколомъ, запремъ Егорія, онъ и помретъ самъ по себѣ.

Порѣшили на томъ и пошли огораживать гору. Только женщина одна крикнула вдогонку:

— Егорія то пожалѣтъ надо; не отъ легкаго сердца душегубомъ сталъ.

Сказала и схоронила за подругъ, но на слова ея никто не обернулся.

Пока мужики городили, Егорій глядѣлъ съ горы и молчалъ, потому что ничего ему нельзя было подѣлать противъ такого множества народа.

Гора была кремневая, дѣсь наверху—пустой: звѣрь весь ушелъ отсюда, а птица осталась такая малая, что и стрѣлять-то въ нее стрѣлой не попадешь.

И съ тѣхъ поръ сталъ Егорій ѣсть корни и мучился голодомъ, и хуже голода мучила его гордыня и гнѣвъ.

Въ потемки сходилъ онъ ко рву, переползалъ черезъ ровъ и срывался съ частокола. И, лежа, скрипѣлъ зубами и думалъ—не напоротся ли лучше самому на ножъ. Но и этого гордыня не допускала.

Зато въ избѣ изрѣзаль Егорій весь столъ и лавку; когда же черезъ окно залетала стрекоза или жукъ, давилъ насѣкомое и растиралъ ногой.

Весь высохъ Егорій безъ хорошей пищи, потемнѣлъ и желчь уже заливала ему глаза. И вотъ одною ночью пришла туча отъ истоковъ рѣкъ, простерлась надъ долиной, покрыла гору и подняла невиданную грозу и ливень.

Егорій лежалъ на лавкѣ, былъ слабъ очень — ѣсть хотѣлось.

Молчалъ и думалъ, потомъ среди шума грозы различилъ царапанье въ дверь, словно звѣрь скребся лапой.

Послушалъ Егорій и отворилъ дверь.

И черезъ порогъ вбѣжала большая сѣрая волчица съ

красными глазами и тяжелымъ брюхомъ, на которомъ трепались сосцы.

Отпрянулъ Егорій, ухвативъ ножъ, а дверь бухнуло вѣтромъ и захлопнуло наглухо.

Волчица сѣла у печи на задъ и глазами безъ вѣкъ глядѣла на Егорія, а Егорій, наклонясь черезъ столъ, ждалъ, когда волчица отвернется, чтобы изловчиться и звѣря умертвить.

Вѣтеръ принимался ревомъ ревать въ трубу, волчица поднимала уши и безпокоилась. Наконецъ, быстро завернувъ голову, лизнула себѣ сосцы.

Тогда прыгнулъ Егорій къ ней изъ-за стола, поднявъ ножъ, но волчица встала на дыбы и подмяла его, а онъ, обхвативъ голову, легъ ницъ, чтобы уже не видѣть гибели.

Но не стала волчица рвать Егорьево тѣло, а повизгивала, отползла къ печи, когда же онъ поднялъ голову, волчица щенилась, перебирала лапами.

Странно стало и дино на душѣ у Егорія: не задрала его волчица, а безъ страха довѣрилась, забѣжавъ въ избу отъ непогоды. Егорій наклонился надъ волчицей, она подняла морду и лизнула въ руку.

Тогда палъ онъ на лавку, лицомъ къ стѣнѣ и сталъ плакать на голосъ и биться головой.

Волчица оценила двухъ волчатъ, перегрызла имъ пуповины и лапами подбила слѣпыхъ дѣтей къ сосцамъ, чтобы сосали молоко.

Живо зачмокали волчата, и теплое молоко полилось на каменный полъ.

Егорій долго смотрѣлъ на волчатъ, потомъ подошель, прилегъ и губами осторожно взялъ волчью грудь.

Волчица и Егорія подбила лапой и, разинувъ ротъ, высунула влажный языкъ.

«Унизиться болѣе невозможно,—подумалъ Егорій,— убить надо ее и самому помереть».

И только подумалъ, какъ закинула волчица морду и облизнула Егорію лицо.

Вскочилъ онъ на ноги и, плечомъ распахнувъ набухшую дверь, выбѣжалъ на волю, гдѣ въ темнотѣ хлесталъ дождь и вѣтеръ рвалъ листья, качалъ дубы...

Когда послѣ грозы настало утро, молочное и влажное, сошелъ Егорій внизъ и, ставъ у частокола, принялся кричать громкимъ голосомъ.

Мимо частокола шла по сизой травѣ, босикомъ, женщина, услышала голосъ, подошла ближе, поняла и сказала Егорію:

— Что кричишь, тошно стало?

— Точно мнѣ, проститься хочу, — отвѣтилъ Егорій, — позови народъ, выпусти меня, боюсь — помру такъ на вѣкъ, на горѣ не прощенный и останусь.

Побѣжала женщина за народомъ, и повалилъ народъ со всѣхъ семи рѣкъ, неся кто дубину, кто вилы, кто камень, чтобы оборониться, если выйдетъ какой обманъ.

Парни посмѣлѣе влѣзли на частоколь и крикнули, что Егорій стоитъ безъ колпака, въ мокрой одеждѣ, а ножа при немъ нѣтъ...

Попумѣлъ народъ, покричалъ и порѣшилъ кинуть веревку — перетащить Егорія на свою сторону, а тамъ что Богъ дастъ.

Такъ и сдѣлали — переволокли, и, когда сталъ онъ по эту сторону частокола, — отшатнулся народъ: страшнѣе былъ Егорій — высокъ ростомъ и худъ, черная борода свалена и по-поясъ, черные волосы бугромъ, а подъ косматыми бровями на длинномъ лицѣ сухіе, какъ уголь, пронзительные глаза.

— Грѣшенъ я, — сказалъ Егорій твердымъ голосомъ, — черезъ злобу мою и черезъ гордыню, хотѣлъ утопить ее

въ вашей крови и самъ въ ней захлебнулся. Спасенія мнѣ нѣтъ, коли вы меня не пожалѣете, какъ меня звѣрь пожалѣлъ. А можно ли меня пожалѣть — не знаю, трудно и помыслить объ этомъ; а за все — простите меня покорно.

И Егорій поклонился народу въ землю. Зашумѣлъ народъ; задвинулся; кого страхъ взялъ, кто усмѣхнулся, кто не захотѣлъ повѣрить; только женщина, все та же, сказала, не стыдись:

— Встань, милый человѣкъ, безъ жалости жить нельзя. Прости и ты меня.

— Вѣрно, вѣрно, — зашумѣлъ народъ и, подойдя, поднялъ Егорія. Когда онъ всталъ, лицо его было свѣтлое и ужасное.

— Лучше бы вы убили меня, — сказалъ онъ: — врядъ ли я смогу снести это; — и, не оглядываясь, пошелъ по берегу, черезъ поляны и красные косогоры къ синему лѣсу, въ устья рѣкъ, туда, гдѣ одною ногой касалась земли ясная радуга; а другая нога радуги упиралась въ огороженную частоколомъ крутую Егорьеву гору. И много всему этому дивился народъ.

Шель долго Егорій, не день и не мѣсяцъ, изнемогая отъ великой и радостной тяжести, которую на себя взялъ.

И вотъ въ лѣсу нагнала его волчица съ двумя волчонками и пошла сзади, по слѣдамъ.

Однажды Егорій, утомясь, присѣлъ у корней дерева; остановилась и волчица неподалеку и стала лапами копать яму. Выкопала, отошла и завyla, поднявъ морду, она и волчата.

А Егорій усмѣхнулся весело, подошелъ къ ямѣ, легъ въ нее и преставился. И съ тѣхъ поръ, говорятъ, опредѣлено ему быть добрымъ пастыремъ волчьимъ.

АМЕРИКАНСКІЙ ПОДВОДНЫЙ ЖИТЕЛЬ.

Шестая недѣля была мокрая; ждали солнышка, а, вмѣсто него, моросилъ по слякоти дождь, наводя тоску.

Въ пятницу чиновникъ Мыльниковъ, закусивъ, постѣ службы, въ трактирѣ, пошелъ въ седьмомъ часу на вербу, что на Конногвардейскомъ.

На вербѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать и онъ, понимая это, морщился, но все-таки пошелъ.

Такова темная воля человѣка; живетъ онъ, какъ въ полуснѣ, а воля его упорно ищетъ путей, ведущихъ вонъ изъ этой жизни, и, найдя, неожиданно толкаетъ растерявагося человѣка на странные поступки.

У входа на вербный базаръ стояли двѣ гранитныхъ колонны, заслоняя весь беспорядокъ.

А за колоннами, подъ деревьями, были разбиты балаганы и межъ нихъ двигалась густая толпа. Мелкій дождь падалъ на голыя деревья, и съ темныхъ сучьевъ и балагановъ капалъ въ толпу.

Толпа вся казалась черной, а лица изможденными и желтыми. Солнце, окончивъ день, зашло въ облака и дымы за Балтійскимъ заводомъ, окровавивъ полнеба, и на бульварѣ стало сумрачнѣе и сырѣй.

Мыльниковъ, дойдя до колоннъ, тоскливо поглядѣлъ на толпу, которая здѣсь заворачивала, и, чтобы не толкаться, побрелъ сбоку, позади балагановъ.

Здѣсь на пустомъ ящикѣ сидѣлъ оборванецъ и считалъ мѣдныя копейки; увидѣвъ Мыльникова, онъ вскочилъ, изобразилъ на опухшемъ лицѣ умиленіе и сказалъ нагло:

— Не будетъ ли отъ вашей милости пяти копѣекъ.—

— Пошелъ прочь!—сердито воскликнулъ Мыльниковъ и сейчасъ-же увидѣлъ скверную дѣвочку, которая глядѣла въ щель балагана, на золотыхъ рыбкахъ...

— Ты подсматривать, шельма!—сказалъ Мыльниковъ. Дѣвочка отскочила и подняла зеленатоватое лицо свое.

— Ахъ ты, воровка!—зашипѣлъ Мыльниковъ, съ отвращеніемъ вглядываясь въ дѣвочку, приемыша хозяйки, у которой онъ квартировалъ,—пошла прочь отъ меня.

Дѣвочка отошла, и онъ побрелъ дальше, думая: «Выидешь повеселиться, а тутъ на тебя лѣзутъ, не мѣшало бы, кому слѣдуетъ обратить вниманіе».

Остановился онъ, наконецъ, въ поперечномъ, между балаганами, проходѣ, откуда видна была проходящая толпа. Надъ ней поднимались павлиньи перья, которыми щекотали впереди идущихъ, и на балаганныхъ столбахъ висѣли деревянныя куклы, банки съ черепахами, пряники, тешины носы, и выше всего покачивалось въ воздухѣ связка красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ шаровъ. И по всей толпѣ, перебивая запахъ помады, табаку и пота, тянуло приторнымъ чадомъ вафель...

Мыльниковъ вдохнулъ чадъ, чихнулъ, выругавшись, и покосился на стоящаго около бойкаго парня въ фартукѣ. Этотъ держалъ въ рукѣ стеклянную баночку и скороговоркой выкрикивалъ:

— Американскій подводный житель, самъ стеклянный, а носъ оловянный, семь дней въ году имянинникъ, стоитъ полтинникъ...

Проходящіе, повертывая головы къ парню, усмѣхались, но не очень.

— И смѣшного-то ничего нѣтъ, а притворяются, мерзкіе,—подумалъ Мыльниковъ... и вдругъ обратился къ парню:

— Ты, вотъ что, кричишь громко очень.

Парень живо обернулся. Мыльниковъ былъ въ картузѣ съ кокардой. На узкихъ плечахъ его висѣло сѣрое пальтишко, лицо же подъ картузомъ было сухое, востроносое, съ подстриженными усами и поджатымъ прямымъ ртомъ, а взглядъ сѣрыхъ глазъ былъ петербургскій—мутный и тяжелый...

— Извините,—весело сказалъ парень,—товарецъ залезался, наше дѣло такое, нынче чертей мало покупаютъ, такъ мы ихъ за американскихъ жителей продаемъ...

Парень глядѣлъ нагло. Мыльниковъ помолчалъ и спросилъ удивленно:

— Такъ это чортъ у тебя?.. Какъ же ты полтинникъ за него спрашиваешь?

— Могу уступить.

«На что онъ мнѣ,—подумалъ Мыльниковъ,—крику на дурака, чтобы отсталъ. Пожалуй, вотъ только вниманіе обратять... Такъ и есть».

Дѣйствительно, любопытные уже стояли за спиной.

— Тридцать копѣекъ,—сказалъ Мыльниковъ и повернулся, чтобы исчезнуть, но парень сунулъ ему въ руки банку и сказалъ:

— Твое счастье, ему и дѣны нѣтъ.

И засмѣялся...

Такъ Мыльникову въ руки попалъ американскій чортъ, или, вѣрнѣе, чорту въ лапы попалъ самъ чиновникъ Мыльниковъ, который тотчасъ ушелъ съ вербы домой.

Чтобы попасть домой, Мыльникову надо было подняться

по черной лѣстницѣ, отворить дверь, обитую рваной клеенкой, въ кухню, гдѣ жилъ семейный рабочій, и черезъ вторую дверь, вступить въ низкую, сырую, комнату съ двумя окнами во дворъ.

Войдя къ себѣ, Мыльниковъ вдохнулъ привычный затхлый запахъ, отъ котораго болѣла голова, поставилъ банку съ жителемъ на столъ, снялъ пальто и калоши за шкапомъ и прилегъ направо на низкомъ диванѣ, сунувъ одну руку въ карманъ, другую за пазуху. На потолкѣ лежалъ неровнымъ пятномъ мутный, свѣтъ; иногда передвигаясь или скача съ потолка на стѣну; и по этому движенію Мыльниковъ за много лѣтъ научился узнавать привычки и жизнь людей на дворѣ. Жизнь ихъ проходила однообразно, но у каждого жителя было маленькое отличіе. Такъ у Мыльникова, напримѣръ, было отличіе: онъ не любилъ водиться съ товарищами, играть на билліардѣ и боялся ссоръ. А часто, почти каждый вечеръ, соскучившись сидѣть одинъ, посылалъ хозяйскую дѣвочку за водкой, ситникомъ и огурцами. Взявъ все это, строго смотрѣлъ на смирную дѣвочку; давалъ ей копѣйку, запирался на ключъ, прикрывалъ свѣтъ и, сидя у стола, выпивалъ и занимался особеннымъ тайнымъ дѣломъ: аккуратнымъ перышкомъ въ аккуратной тетради записывалъ, въ напыщенныхъ, канцелярскихъ выраженіяхъ, свои чувства, весь гной души своей.

Мыльниковъ долго лежалъ на диванѣ, словно давили его неясныя, какъ пятна сырости, думы и предчувствія. Обидно было ему, что истрачено 30 копѣекъ на такую дрянъ—и онъ думалъ, что надо бы запретить продавать на вербахъ подобное. Вѣдь, верба установлена, казалось ему, на случай предотвращенія народнаго ропота по поводу длиннаго поста. Народъ—дрянъ, возропцеть и на Страстной подгадитъ... Такъ какъ же можно смущать его еще американскими жителями. И безъ того нудно

жить на свѣтѣ, а когда глупость замѣшается, безтолковщина какал-то, тогда хоть бѣги безъ оглядки.

«Быть не можетъ, чтобы такъ просто дрянъ продавали,—рѣшилъ, наконецъ, Мыльниковъ,—есть же въ немъ какой-нибудь интересъ».

Онъ всталъ, подошелъ къ столу, зажгъ лампу и, морщась, поглядѣлъ на банку. Въ ней плавалъ и повертывался стеклянный человѣчекъ, лиловый, съ красной головой и хвостомъ внизъ.

«Пакоственный-то какой!»—подумалъ Мыльниковъ, криво усмѣхаясь, сѣлъ къ столу, налилъ водку въ рюмочку, выпилъ, пожевалъ и сейчасъ же сообразилъ: «Откуда же водка появилась, развѣ я деньги давалъ! Кажется, нѣтъ; странно». А человѣчекъ все повертывался; во всей комнатѣ онъ одинъ только и былъ нарядный. Мыльниковъ, насупясь, продолжалъ глядѣть на него, иногда принимаясь жевать.

— Вотъ какъ, выходить, что я не хотѣлъ, а купилъ,—сказалъ онъ и вдругъ обернулся назадъ, поднявъ брови. Въ комнатѣ было тихо. Мыльниковъ подъ рядъ выпилъ три рюмки вынулъ изъ ящика тетрадку, отеръ перо о волосы и, склонивъ голову на плечо, принялся писать, двигая острымъ носомъ и губами:

«Со мной произошелъ изъ ряду вонъ выходящій случай. Въ комнату ко мнѣ затесался чортъ».

Мыльниковъ придвинулъ лампу къ банкѣ и разглядѣлъ, что голова у жителя круглая, а на ней обозначены только рожки и глаза.

«Видь его ужасенъ,—продолжалъ Мыльниковъ,—у него нѣтъ ни носа, ни рта. Онъ все время двигается. И внушаетъ мнѣ необыкновенныя мысли».

Онъ поднялъ перо и, глядя на изгрызенный кончикъ, сталъ думать—какія же это такія особыя мысли... На службѣ отъ одиннадцати до пяти думать не полагается.

По пути до дому хочется ѣсть, тошнить и все кажется тошнымъ. А послѣ до поздней ночи одолеваетъ скука и обрывки воспоминаній, чужихъ словъ, своихъ отвѣтовъ, обиды. Строчки романсовъ лѣзутъ въ голову, путаются, липнутъ, какъ мухи—развѣ это необыкновенныя мысли?

— Это все мусоръ,—сказалъ Мыльниковъ, и потеръ лобъ,—а вотъ что оригинально—это то, что я ничего не хочу! Надоѣло, донельзя противно. Дѣвочками я не интересуюсь... Служить это вы другого найдете... Вотъ, если бы мнѣ попался миллионъ—я бы всёмъ оплатилъ. «Желаю имѣть миллионъ»... записалъ Мыльниковъ, ударилъ ладонью и продолжалъ:

— Первая мысль—мнѣ на все наплевать. Второе...

Онъ ближе пододвинулъ банку и всмотрѣлся: лѣвый, синій глазокъ у чорта подмигнулъ; мигнулъ и Мыльниковъ; ознобъ нестерпимаго ужаса прошелъ по его спинѣ и зашевелилъ волосы...

Долго онъ сидѣлъ, откинувшись на стулѣ; когда же невидимая рука перестала трогать волосы, а чортъ медленно повернулся спиной, Мыльниковъ оглянулся на дверь, вскочилъ и въ самую банку прошепталъ почтительно:

— Согласенъ,—и тотчасъ продолжалъ писать...

«Какъ можете меня осудить: не каждый день и не ко всякому являются черти; поглядѣлъ бы я на ваши добродѣтели, когда на письменный столъ заберется чортъ... Поэтому говорю заранѣе—согласенъ на все... Что потребуетъ, то и сдѣлаю, и за это миллионъ».

Мыльниковъ поставилъ точку, перечелъ и, размахавъ руку, подписалъ уже—Мыл..... и остановился...

«А вдругъ чортъ обманетъ,—подумалъ онъ,—«пакость подстроить, именно сейчасъ, сію минуту...» и онъ протянулъ руку къ тетради, чтобы вырвать листъ... И странно—чѣмъ сильнѣе онъ тянулся, тѣмъ круче стулъ его, вмѣстѣ

со спинкой, откидывался назад, пока не опрокинулся совсем; Мыльников, падая, концами ног ударил в столъ и все, что на немъ было—банка, лампа и тетрадь—разлетѣлось въ темнотѣ... Мыльниковъ же, словно по немъ пауки забѣгали, заболталъ руками, толкнулъ обѣ двери, прокатился по лѣстницѣ и выскочилъ на улицу, тяжело дыша.

Черезъ Екатерининскій каналъ есть мостикъ съ четьрьмя красными львами по угламъ... Мыльниковъ, бѣгая зигзагами по переулкамъ, задохнулся наконецъ, взошелъ на этотъ мостикъ и, прислонясь тощей грудью къ периламъ, сталъ глядѣть на медленно текущую воду, переводя духъ. Въ густой этой водѣ стояли и переливались столбы свѣта, а дальше, по горбатуму проѣзжему мосту катились кареты, и свѣтъ отъ ихъ фонарей проходилъ по водѣ.

— Ну что же выльзай,—сказалъ Мыльниковъ,—глаза нечего столбами-то отводить.

Но вода текла все такъ же гладко... Мыльниковъ подождалъ, медленно, набравъ полный ротъ слюны, плюнулъ и продолжалъ:

— Ты, какъ хочешь, а я ничего не рѣшилъ. Написать-то я написалъ, а не подписался, поди доказывай.

И онъ, задрвавъ голову, поглядѣлъ на небо. Оно было мутно-лиловое, мѣстами красноватое отъ огней города, тусклое, скользкое и низкое—гнилое небо.

— Эхъ ты, чертъ,—сказалъ онъ,—и тутъ гадость, гной какой-то,—и быстро обернулся. Рядомъ съ нимъ стоялъ сутулый человѣкъ, въ котелкѣ и съ поднятымъ воротникомъ, обернутымъ, кромѣ того, сѣрымъ шарфомъ. Лица же его подъ тѣнью не было видно.

«Кто такой», подумалъ Мыльниковъ, и незнакомецъ, облокотясь, плечо о плечо, рядомъ съ нимъ на перила, сказалъ, негромко:

— Любуетесь? Пейзажъ пріятный.

«Чего пристаетъ», подумалъ Мыльниковъ и хотѣлъ отойти, но локти, какъ свинцовые, лежали на перилахъ, да и лѣнь было двинуться.

— Небо-то красноватое,—продолжалъ незнакомецъ,—столбы красные, присмотрѣться и вода съ красной. «Ужъ не шпикъ ли?»—подумалъ Мыльниковъ...

— Все это выстроили, залѣзли, живутъ, копошатся,—а посмотрите вонъ на окно, гдѣ свѣтъ погасъ—тамъ сейчасъ умерли, и вонъ за тѣми трубами крыша—тамъ тоже померъ... глухой человѣкъ... Скажу вамъ признакъ—если стекла въ окнѣ отвѣчиваютъ, за тѣмъ окномъ—крышка... Да и по лицу можно опредѣлить—если непріятныя пятна появились—значитъ недолго тому жить. Пустое занятіе—жить.

Мыльниковъ, не глядя, почувствовалъ, что незнакомецъ пристально смотритъ на него, отогнувъ воротникъ.

«Отвернуться бы», подумалъ онъ, и незнакомецъ вдругъ сприсялъ вкрадчиво:

— Хочется миллионъ?...

И на Мыльникова глянули синіе глазки на кругломъ лицѣ незнакомца, безъ носа и рта...

— Ну его къ дьяволу съ миллиономъ, слава Богу, что я не подписался,—бормоталъ Мыльниковъ, что было силъ убѣгая отъ моста по знакомымъ переулкамъ...

За однимъ угломъ, на поворотѣ, выросъ незнакомецъ въ другой уже одеждѣ, въ тулупѣ, съ бляхой, разставилъ руки, крича—стой! Мыльниковъ ударилъ его по головѣ палкой и, слыша за собой словно треснувшій крикъ, «караулъ»,—влетѣлъ на лѣстницу, вбѣжалъ къ себѣ, упалъ на диванъ и повторяя: Извините у меня нѣтъ никакихъ пятенъ на лицѣ... я не хочу умирать; я уѣду отсюда,—тащилъ на себя одѣяло и прикрывся еще подушкой...

Прошло время. Съ удушливымъ стономъ Мыльниковъ

проснулся, сѣлъ на диванъ и долго глядѣлъ на зеленоватый сумракъ комнатенки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу такъ больше.

За стѣной тикали часы, храпѣлъ рабочий и сонный голосъ дѣвочки повторялъ:

— Вербохлестъ, вербохлестъ... бьетъ до слезъ...

И, слушая этотъ голосъ, казалось Мыльникову, что онъ самъ словно заключенъ въ стеклянную банку и кружится въ ней, задыхаясь, выныриваетъ и вновь погружается. И вся эта лѣнивая пляска и круженіе проходятъ въ одиночествѣ и на одномъ мѣстѣ и до тѣхъ поръ, пока не протухнетъ въ банкѣ вода...

Мыльниковъ поспѣшно всталъ, отворилъ дверь и заглянулъ: дѣвочка сидѣла у стола пила и пѣла про вербу, чтобы не заснуть.

— Поди-ка сюда,—сказалъ ей Мыльниковъ,—поговоримъ что ли...

Дѣвочка подняла голову, улыбулась грустно и покачала головой.

— Штучку я тебѣ подарю такую,—продолжалъ Мыльниковъ; сбѣгалъ за американскимъ жителемъ и поставилъ его передъ дѣвочкой.

— Какой житель,—сказала она радостно.

Чортъ въ банкѣ крутился и выпрыгивалъ, нарядный и чистенькій. Рядомъ съ нимъ лежало недошитое платице къ празднику, шпильки и ножницы. Отсвѣчивала клеенчатая скатерть. На кровати, поднявъ локоть, похрапывалъ рабочий. И Мыльниковъ, склоняясь надъ лампой, глядѣлъ на аккуратно приглаженные волосы дѣвочки, чувствовалъ, какъ щипало въ носу и думалъ: «какая дѣвочка хорошая, надо бы ей еще чего-нибудь подарить».

СИНЕЕ ПОКРЫВАЛО.

Глубоко въ узкой, заворачивающей на бульваръ, улицѣ, освѣщая асфальтъ, горѣли низенькіе фонари.

Свѣтъ ихъ едва достигалъ третьихъ этажей. Выше сѣрый камень старинныхъ стѣнъ, балкончики и жалюзи предоставлены ночнымъ сумеркамъ. Еще выше на покатыи свинецъ гладкихъ крышъ свѣтили звѣзды, и, когда за Парижемъ восходила оранжевая луна, тусклая и большая, по карнизамъ и на трубахъ виднѣлись сидящіе коты.

И надъ котами и трубами, надъ поблескивающимъ полемъ крышъ, высоко, подъ самымъ конькомъ глухой стѣны, выходящей на улицу и на бульваръ, свѣтилось окошко.

Въ немъ появлялась иногда растрепанная голова и застывала, созерцая.

А внизу, вынеся на тротуаръ плетеный стульчикъ, сидѣла привратница, въ вязаной пелеринкѣ; всунувъ пальцы въ пальцы думала она каждый вечеръ одно и то же.

Когда мысли ея, медленно, какъ колымага, докатывались до опредѣленнаго мѣста, она, скрипя стуломъ, задирала голову и глядѣла, на это одиночное окно и торчащаго въ немъ человѣка.

— Я вас выморю оттуда голодомъ, господинъ Козельскій,—бормотала привратница,—вы уже третїи сутки сидите въ бестїи,—кто не платитъ и не обѣдаетъ и не слѣзаетъ внизъ, хотя бы извиниться,—есть анархистъ. Довольно съ меня вашего саботажа. Я плачу всѣ налоги, я имѣю право требовать отъ правительства охраны моего спокойствія. Вы имѣете дѣло съ порядочной женщиной, господинъ Козельскій...

Объ этомъ и многомъ другомъ размышляла привратница, третїй день подстерегая гадкаго жильца, чтобы выругать его, вытолкать на улицу и больше не пускать.

Козельскій же, медленно оторвавшись отъ окна, повернулся къ нему спиной и, глядя въ пустоту низкой комнаты, вытянулъ шею, словно прислушиваясь и ожидая:

— Не мучь, ужь, не мучай, я не могу больше,—сказалъ онъ внятно.

Досчатая стѣна комнаты, потолокъ и половыя доски суживались въ перспективѣ къ двери, гдѣ стояла неубранная кровать и глиняная лоханка, и все представлялось нежилымъ. У стѣнъ стояли картины, покрытыя пылью; мольбертъ въ углу заваленъ тряпками, и только дорожка на пыльномъ полу, отъ двери до окна, указывала, что здѣсь еще живетъ хозяинъ.

Не такъ давно, разыскавъ этотъ чердакъ, съ окномъ надъ Парижемъ, Козельскій развѣсилъ по стѣнамъ этюды, и каждое утро, глядя черезъ голубую тонкую пыль на очертанія города, едва слыша долетающей сюда шумъ, думалъ радостно: «Здѣсь я выше суеты и людей; есть только краски, и въ ихъ сочетаніяхъ красота».

И на весь день погружался въ чудесный мїръ, залитый черезъ окно золотой рѣкой солнца.

А мїръ его чудесный былъ оттого, что каждую ночь приходила неувловимая, но, онъ зналъ, не человѣческой красоты женщина и на лицо ему ложилось ея покрывало,

голубое, какъ небо; сквозь него онъ едва различалъ очертанія, но, просыпаясь, все еще чувствовалъ и ароматы, и нѣжность, и радость прикосновенія.

Онъ хотѣлъ, чтобы на полотнѣ она вышла такой же—невѣроятной. Тѣло ея и лицо должны быть золотыми, какъ солнце, лазурное покрывало раскинуться, напряженное вѣтромъ, надъ головой, и концами скрыть то, что было двѣтвеннымъ и нѣжнымъ, а вокругъ и подъ ногами написать, несущія ея, бѣлыя облака.

Но лица ея онъ не могъ разглядѣть, а то, что выходило на полотнѣ, было земнымъ, не тѣмъ...

Питаясь калеными орѣхами и хлѣбомъ, Козельскій долго бы могъ просидѣть на чердакѣ, можетъ быть и написалъ бы подобіе той, что приходила въ свидѣніяхъ, застилая глаза покрываломъ; можетъ быть, утомясь мечтать и привыкнувъ къ неудачѣ, отыскалъ бы на землѣ, въ Парижѣ, лицо, хоть немного похожее на нее, но вышло по-иному.

Въ ту зиму поваѣхало много русскихъ и по всѣмъ кафе и мастерскимъ прогрѣло имя великаго кубиста.

Услышавъ про него и Козельскій, возмущился, потому все-таки пошелъ, посмотрѣлъ квадратныя рожи и не спалъ ночь.

Съ тѣхъ поръ ушло прежнее спокойствіе: отъ уличныхъ людей можно спрятаться на чердакъ, но квадратныя рожи лѣзли къ нему и во снѣ. Онѣ были каменные и жестыя, и все рѣже мелькало за ними лазурное покрывало. Козельскій работалъ со злостью, и зазвалъ, наконецъ, къ себѣ кубистовъ. Кубисты пришли одѣтые въ черное, въ американскихъ башмакахъ и модныхъ галстукахъ: поглядѣли и сказали: «Въ искусствѣ важна не мечта, а умъ и соображеніе. До свиданія».

«Умъ и соображеніе? Но кому-нибудь нужна же моя мечта?» думалъ Козельскій, уже со страхомъ сознавая,

что самое важное, чѣмъ онъ жилъ, проваливается словно камышевый мостикъ.

Онъ обѣгалъ всѣ новѣйшія школы, частныя коллекціи, мастерскія модныхъ художниковъ, которые находили время творить между скачками и матчемъ въ теннисъ, прослушалъ, кажется, всѣ разговоры, и засыпалъ безъ сновидѣній.

Картина, кое-какъ законченная, на выставку не была принята, и Козельскій продалъ ее старьевщику за тридцать франковъ. За окномъ, въ то время, на мокрый Парижъ опустились дожди. Солнце надолго ушло за низкія облака, и они оставляли растрепанныя свои лохмотья на башняхъ церквей. Козельскій валялся на постели, крутилъ папирски изъ чернаго табаку и жалостно самъ о себѣ думалъ:

«Вотъ, завели, бросили, куда я дѣнусь одинъ».

И представлялъ, какъ, умирая съ голода и одиночества, онъ остановится у великолѣпнаго магазина, за окномъ лежатъ на дубовыхъ листьяхъ бараньи котлеты, косточками въ одну сторону, а онъ, глядя на нихъ и на свою худую руку, скажетъ,—«котлеточку бы!»

И это слово казалось ему, почему-то, самымъ жалостнымъ.

Денегъ онъ получалъ изъ Россіи мало, но ежемѣсячно, и раньше, аккуратно ихъ распредѣляя, жилъ безбѣдно, теперь же сталъ голодать.

Когда ему становилось не подъ силу сидѣть одному, разглядывая доски на потолокъ, онъ спускался на улицу и брелъ среди прохожихъ и экипажей.

Ему нравилось тогда, какъ толкаются и строго взглядываютъ на него проходящіе. Онъ слушалъ разговоры, вдыхалъ гарь бензина и, ставъ у табачной лавки, глядѣлъ.

Газетчики, крича охриплыми голосами, бѣгутъ сбоковъ тротуара; на перепуганныхъ ихъ лицахъ и въ торопли-

выхъ движеніяхъ, когда они, сунувъ пачку газетъ между ногъ, выхватываютъ одну, свертываютъ и суютъ въ руку прохожему, выражается необыкновенное волненіе, по случаю, напримеръ, оскорбленія французскаго коммерсанта въ Мецѣ.

Но вотъ надвигается гроза. Вѣтеръ изъ тучи по-рывомъ поднялъ обрывки бумагъ, сбросилъ шляпу съ прохожаго, сорвалъ съ каштановъ листья, погналъ ихъ вдоль улицы, гдѣ они, кружась, опустились на мокрый тротуаръ, на полосатыя маркизы. Закапалъ дождь. Поднялись верхи на экипажахъ. Старичокъ посреди улицы силится открыть зонтикъ. Лакеи вертели ручки, опуская надъ кафе парусиновые козырьки. И одинъ изъ несущихся листьевъ, отдѣляясь, медленно сѣлъ на шляпу нарядной дамы, подзывающей автомобиль. Дама улыбнулась, сняла листъ и, держа его въ рукѣ, затаенной въ бѣлую перчатку, уѣхала. «Нѣтъ, нѣтъ, подумалъ Козельскій, нельзя такъ одному жить» И сталъ глядѣть на себя въ зеркало окна. Въ темноватомъ зеркалѣ окна онъ увидѣлъ всю улицу и кафе на той сторонѣ, потомъ галстуки, трости и рубашки, и себя, полупрозрачнаго, съ пепельными волосами до плечъ, съ худымъ, безусымъ, костлявымъ и некрасивымъ лицомъ.

«Кому охота, никто не полюбитъ такого», подумалъ онъ и побрелъ.

На бульварѣ онъ перегналъ старичка, съ длиннымъ ящичкомъ подъ мышкой, и сѣлъ на скамью; старичокъ тоже подошелъ, извинился и присѣлъ рядомъ; потомъ вздохнулъ облегченно, помолчалъ и раскрылъ ящикъ.

Изъ него выскочили три бѣлыхъ, съ красными бантиками, мышки, тотчасъ взбѣжали на плечо хозяину и на шляпу, одна принялась служить, другая умываться, третья приподнялась и полизала ухо старику. Подошли любопытные, старикъ началъ показывать фокусы.

Въ этотъ вечеръ Козельскій, раскрывъ дверь изъ комнаты въ длинный досчатый коридоръ, долго прислушивался къ шумамъ, шорохамъ и неясной бѣготнѣ на чердакахъ своего дома. То отваливалась штукатурка въ трубѣ, то, казалось, играли на скрипкѣ, слышался кашель, отдаленные шаги: то любовники шептались гдѣ-то. Но хлопнуло окошко и все стихло, и вновь осторожно началось въ другой сторонѣ.

Козельскій, прилегая ухомъ къ стѣнѣ коридора, думалъ теперь, что онъ не одинъ среди обширныхъ чердаковъ, съ нимъ вмѣстѣ живутъ, копошатся, скребутся и бѣгаютъ мыши, кошки и ночныя птицы. И, кто знаетъ, не прячутся ли здѣсь по угламъ, въ пыли, въ щеляхъ стѣнъ, за трубами и другіе обитатели? Иногда, долго не засыпая, слышалъ Козельскій близкій шопотъ, казалось, только что изъ полуотворенной двери пробѣжалъ на мохнатыхъ ножкахъ обитатель и спрятался за холстомъ. Теперь, напрягая слухъ, онъ различалъ то, что раньше не умѣлъ слушать.

Онъ рѣшилъ терпѣливымъ и ласковыми словами приручить «обитателей»; мышамъ ставилъ хлѣбъ и молоко въ тарелкѣ, а съ тѣми разговаривалъ. Одну ночь онъ такъ и не спалъ, рассказывая про свою жизнь, неудачи, одиночество, про тоску по ушедшей. Подъ утро задремалъ, и въ полдень, не помня, что напентали ему во снѣ, но беспокойно торопясь, сошелъ съ чердака и долго шлялся по улицамъ и мостамъ, пока не остановился противъ Лувра.

Козельскій потерялъ лобъ, пожалъ плечами—не на картины же ему смотрѣть: онъ знаетъ ихъ наизусть и, все равно, ничего хорошаго не напишетъ—и вошелъ въ музей.

Посѣтителей было немного; англичане ходили по скульптурнымъ заламъ, останавливаясь тамъ, гдѣ у беде-

кера поставлено три звѣзды; воздухъ наверху былъ нежной, сухой и теплый; Козельскій, разбѣнно скользя глазами вдоль стѣнъ, двигался по заламъ. «Никому вѣдь это не нужно», подумалъ онъ. И вдругъ глаза его перестали скользить, онъ почувствовалъ страхъ, радость, изумленіе, пододвинулся,—передъ нимъ, въ скромной рамѣ, сложивъ подъ грудью руки, невысоко, висѣла Джоконда, спокойно улыбаясь и глядя въ глаза.

На плечахъ ея лежало покрывало. Козельскій въ этотъ мигъ словно умеръ и пробудился уже въ забвеніи.

Она была та, кого онъ старался и не могъ разглядѣть, она была той, кто приходила къ нему, покрывая лазурной тканью. «Милая, нѣжная, божественная», думалъ Козельскій, пододвигая стулъ и словно вдыхая небесную прохладу.

Кромѣ него въ залѣ былъ еще одинъ человѣкъ, въ клѣтчатомъ пиджакѣ, полный, съ просѣдью въ черныхъ, курчавыхъ волосахъ, съ бритымъ и очень блѣднымъ лицомъ. Онъ нѣсколько разъ прошелъ мимо Козельскаго, словно тотъ ему мѣшалъ, потомъ сталъ между нимъ и картиной.

Козельскій сморщился, крикнулъ и ужъ хотѣлъ было разсердиться, но, боясь потревожить неожиданный миръ души своей, ушелъ изъ музея, улыбаясь и бормоча: «завтра, какъ только отпрутъ, а самое лучшее, ухитриться и взять ее къ себѣ».

Но на утро, едва Козельскій вышелъ, на улицѣ налетѣлъ на него газетчикъ, завывая перекошоннымъ ртомъ о невѣроятномъ извѣстїи.

Новость эта, какъ зараза, въ одну минуту облетѣла Парижъ: изъ Лувра была украдена картина Леонардо да Винчи—монна Лиза Джоконда. Козельскій, послѣ этого событія три дня не слѣзая, сидѣлъ на чердакѣ.

II.

Сейчас, глядя въ глубину досчатой комнаты, Козельскій медленно мигалъ покраснѣвшими вѣками, и утончившееся его ухо различало всѣ шумы и шорохи, но ни одинъ не былъ тѣмъ, котораго онъ ожидалъ.

А ждалъ онъ услышать шумъ легкой походки, какой не ходятъ люди. Онъ зналъ—Джоконда не была украдена, какъ воили газеты: рама осталась висѣть на стѣнѣ, монна Лиза ушла сама изъ плѣна, и теперь ходитъ по Парижу, отыскивая того, кто любовью вызвалъ ее къ жизни.

Козельскій не ѣлъ со вчерашняго дня, ротъ его пересохъ, голова горѣла, онъ не ложился въ кровать, боясь какъ бы она опять не застала его спящимъ, и не зналъ и боялся думать, что сдѣлаетъ, когда она войдетъ. Заслышавъ шорохъ, онъ схватывался за подоконникъ, и сердце медленно колотилось въ высохшую его грудь.

А привратница у двери, соскучась глядѣть, какъ напротивъ въ кафе все пьютъ и ѣдятъ, вынула изъ кармана хлѣбъ и ножикъ и стала сама рѣзать и ѣсть.

Шерстяное платье на ней жало подъ мышками, отъ этого она раздражалась и думала:

«Ну чего все пьютъ и пьютъ и деньги тратятъ; хороша республика—бродягъ сколько развела. Вотъ поставить бы на бульварѣ «тетку», и, если ты бездѣльникъ, зря деньги бросаешь—голову тебѣ прочь, и чтобы всѣ видѣли, а то бѣги на бульваръ Араго, да еще въ три часа ночи, и сама ничего не увидишь и въ газетахъ никакихъ подробностей».

Привратница сунула ножикъ въ карманъ, отряхнула съ колѣнъ крошки и продолжала думать. Ей было очень обидно, что опять этой весной не пришлось похворать: мужъ ея перехитрилъ—самъ легъ въ постель, велѣлъ растирать себя фланелью и поить лавандовой водой. Таковъ

ужъ обычай—похворать разъ въ годъ, когда въ городѣ затишье.

Потомъ привратница принялась считать посѣтителей въ кафе, напротивъ, помножила ихъ на полфранка, потомъ на десять,—вышло, что кафе зарабатываетъ сто сорокъ франковъ въ день. «А я, честная женщина и тоже не въ кирпичъ сморкаюсь, но должна умереть въ нищетѣ,—проворчала привратница,—хорошо же меня обезпечиваетъ республика, un tas de salés» и принялась считать расходы, но въ это время, совершенно непонятно отчего, стала одолевать ее сонъ и она почувствовала, что проваливается. Но, проваливаясь, успѣла она углядѣть, какъ между столиками кафе появилась высокая женщина, которая шла, оглядываясь и засматривая, потомъ двинулась легкой походкой черезъ улицу къ дверямъ... Оувѣвъ холодкомъ, незнакомка быстро вошла въ подъездъ и стала взбѣгать по лѣстницѣ все выше, выше, должно быть, къ Козельскому.

«Не допущу», подумала привратница, хотѣла вскрикнуть, но ротъ не разжался, хотѣла было пошевелиться, «отравили», пробормотала она, въ страхѣ очнулася и повела одичавшими глазами—улица была, какъ улица: дома, фонари, напротивъ кафе.

III.

Круглый мѣсяцъ всталъ противъ окна, свѣтъ его поблѣднѣлъ, сдѣлался луннымъ и яркимъ и проникъ въ комнату, озаривъ въ глубинѣ ея полураскрытую дверь.

Козельскій ясно теперь слышалъ шаги, ровные, легкіе, послѣдшые. Онъ стоялъ посреди комнаты, лунный свѣтъ ударялъ ему въ спину. «Отвернись, отвернись, отвернись», шептали обитатели изо всѣхъ угловъ, «это не то, не то, не то. Идетъ опасность, опасность, опасность».

Шаги приблизились, въ свѣту за дверью медленно плеснуло покрывало. Козельскій отвернулся, скрючился, легъ на полъ и закрылъ лицо: ѣдкій, морозный страхъ словно потянулъ внизъ и оторвалъ его сердце, онъ потерялъ сознание...

IV.

Настала часъ запираеть двери, кончился трудовой день. Привратница поднялась со стула, но въ это время Козельскій безъ шапки, странный и едва живой, появился на порогѣ:

— Въ какую сторону прошла дама?—спросилъ онъ.

— Въ вашемъ положеніи надо о работѣ думать, а не о дамахъ, милостивый государь,—закричала привратница,—я очень рада, что вы сползли внизъ, больше вы не подниметесь по этой лѣстницѣ, поняли, а вашу грязную кровать получите завтра утромъ вотъ здѣсь.—Привратница указала подагрическимъ пальцемъ на тротуаръ, другимъ пальцемъ помахала Козельскому около носа и захлопнула дверь навсегда.

Козельскій въ раздумьи постоялъ около двери и двинулся къ высокимъ, звѣзднымъ наверху, аллеямъ Обсерваторіи. Пересѣкъ ихъ и повернулъ на бульваръ.

Шумъ подземныхъ поѣздовъ выносился сюда черезъ vysokія будки, освѣщенные изнутри; на стеклахъ, межъ другихъ раскрашенныхъ объявленій, былъ нарисованъ курящій турокъ и подписано «зигъ-загъ». Въ большихъ кафе играла музыка. Здѣсь говорили на всѣхъ языкахъ. Изъ темноты выходилъ усталый и худой арабъ, увѣщанный шкурами, развертывалъ ихъ, увѣренный, что никто не купитъ. Старикъ, похожій на Мордовцева, съ волосами до плечъ, въ плащѣ и шляпѣ, выскребалъ палкою изъ

подъ столиковъ огурки и клалъ ихъ прямо въ карманъ. Жесткій свѣтъ падалъ на круглые столы, на желтые канотье, на раскрашенные лица ночныхъ дѣвушекъ и на хрустальные бокалы съ живыми, прохладными напитками.

Козельскаго мучила жажда, и ломило глаза отъ свѣта. «Конечно, сюда не пойдетъ она, скорѣе всего въ паркѣ надо искать, въ темнотѣ», думалъ онъ, облизывая сухія губы, и, уставясь, глядѣлъ, какъ знакомый лакей наливаетъ зеленую мятую въ бокаль со льдомъ. Лакей подхватилъ бутылки, увидѣлъ Козельскаго, участливо покачалъ головой и сказалъ:

— О ла, ла, старина, у васъ нездоровъ желудокъ.

Но его позвали, онъ убѣжалъ, и въ это время всѣ сидящіе повернули головы и засмѣялись:

Изъ-подъ горы, откуда ползла, ныхтя, паровая конка, появились странно одѣтые люди. Полосатые фраки на нихъ волочились хвостами по тротуару, изъ-подъ высокихъ цилиндровъ торчали длинные носы; дѣвушки въ ситцевыхъ кринолинахъ, съ голыми плечами, пажи и арапы громко смѣялись, подпрыгивали, махали бумажными подсолнечниками и палками, перевитыми лентой. Впереди, подъ руку съ челоуѣкомъ, у котораго былъ надѣтъ сѣдой парикъ и привязанная борода до пояса, шла монна Лиза. «Браво, Джоконда, браво!», кричали вокругъ. Студентъ, пившій со своей дамой канотье, и чмокнулъ въ щеку. Козельскій ахнулъ. Дама студента, вся въ красномъ, худая и набѣленная, съ однимъ, словно провалившимся, глазомъ (другой былъ прикрытъ надвинутой шляпой), бѣшено вскочила, подступила къ Джокондѣ, одну руку уперевъ въ бокъ, другой помахивая словно для пощечины и принялась ругаться; должно-быть у нихъ были старые счеты... За столиками всѣ вскочили, побѣжали къ ссоря-

щимся, любопытство и оживление возрастало. Вдруг дама въ красномъ сама сорвала съ себя шляпу, засучила рукава и, сладко улыбаясь, кинулась на противницу, которая тутъ же схватила ее за волосы; толпа облегченно ахнула и надвинулась. Козельскій заткнулъ уши и побѣжалъ посреди улицы къ рѣкѣ.

V.

Нужно было поскорѣе выбраться изъ всей этой суеты. Козельскій зналъ, что домой вернуться ему невозможно, городъ же такъ опротивѣлъ вдругъ, что, стиснувъ зубы, опустивъ голову, засунувъ озябшія руки въ карманы, онъ почти бѣжалъ, съ отвращеніемъ вдыхая запахъ абсента, ѣды и чесноку,—всего, чѣмъ пахнутъ узкія улицы. Пересѣкая бульваръ, онъ наткнулся на веселаго человѣка, который, поглядѣвъ на взлохмаченные волосы Козельскаго, приподнял котелокъ и спросилъ вѣжливо: «простите сударь, не можете ли сообщить адресъ вашего куафера?»

Козельскій шарахнулся отъ него, остановился, отдыхая у фонаря, и рѣшилъ войти въ первое кафе и попросить хлѣба. Но городъ уже захопнулъ теперь окна и двери, сдѣлался каменный и неприступный; сверху въ пустыя улицы свѣтила луна. Въ послѣднемъ кафе, опустили желѣзныя шторы.

Козельскій вспомнилъ, что около укрѣпленій, всю ночь открыты кабачки для бродягъ. Вдоль укрѣпленій, оцѣпляя Парижъ, идутъ пустынные бульвары, на много верстъ стоять межъ ихъ деревьями высокіе фонари. Здѣсь рѣдко, и то все время оглядываясь, торопливо пройдетъ прохожій, и фонарь или вылѣзшая изъ облака луна освѣ-

тятъ сутулую спину, дыру на штанахъ, да пестрый платокъ и небритыя щеки бродяги лѣнливо и тайно прогуливаюшагося, съ уголькомъ сигары во рту.

Взобравшись на валь, Козельскій оглянулся—ни одной освѣщенной двери по всей огромной окраинѣ города. По другую сторону вала темной грядой поднимался лѣсъ. Теперь Козельскій былъ совсѣмъ одинъ. Бѣтъ ужъ больше не хотѣлось и усталости онъ не чувствовалъ и опять въ возбужденномъ его мозгу пронеслись невѣроятныя мысли.

— Я знаю, ты недалеко, но гдѣ, подай знакъ,—сказалъ онъ. Небо здѣсь казалось глубже, и гуще осыпано звѣздами. И вотъ одна изъ нихъ, покинувъ назначенное мѣсто, сорвалась, и, описавъ дугу, упала за лѣсъ. Козельскій кивнулъ головой, спустился съ крутого вала въ ровъ, вылѣзъ, ободравъ колѣни, на поле и побѣжалъ къ лѣсу, туда, гдѣ упала звѣзда.

Подъ старымъ дубомъ, у корней сидѣла Она. Лунный свѣтъ, сквозь листья, дрожалъ пятнами на ея покрывалѣ, на лицѣ, улыбающемся навстрѣчу бѣгущему, и на тонкихъ, нѣжныхъ рукахъ. Козельскій, одну только минуту, ослѣпленный, задержался и со стономъ упалъ у ея ногъ. Она разжала сомкнутыя руки, отвела ихъ въ стороны и засіяла, какъ небо. И глаза ея, насмѣшливые и печальные, молвили глазамъ Козельскаго, что можетъ онъ исполнить неслыханную мечту—коснуться ея покрывала.

Въ это время дежурный сержантъ, обходя лѣсъ, полный бродягъ, переговаривался для храбрости съ нижними чинами. Голосъ его, крѣпкій и пропитой, долетѣлъ до дуба. Козельскій въ бѣшенствѣ, что опять потревожили, вскопчилъ, кинулся навстрѣчу голосу и, увидя сержанта, подбѣжалъ на него руки.

Сержантъ, облеченный властью, выставилъ впередъ ногу и выстрѣлилъ.

Ф А В Н Ъ.

Неожиданно, среди бабьяго лѣта, изъ гавани двинулся туманъ молочною стѣною на Петербургъ. Морскія птицы появились на улицахъ. Надъ Исакиемъ пролетѣло стадо лебедей, протяжно крича. Туманъ, сухой и желтый, перевалилъ черезъ крыши, поползъ вдоль улицъ и закрылъ городъ.

Въ полдень зажгли электрическія фонари и они засвѣтились, какъ фосфорическія яйца. Съ перекрестковъ не было видно домовъ, прохожіе блуждали, какъ въ пустынѣ, окруженные облаками. Изъ пустоты звякали подковы, осторожно проползали невидимые трамваи, все время звеня.

Странное время для мечтателей: какъ-будто городъ опустился на дно и между людей замѣшались инныя существа.

По восемнадцатой линіи быстро шла дѣвушка. Ее звали Маруся Молина. На ней была бархатная ловкая одежда, шляпа съ краснымъ бантомъ, надвинутая на одинъ глазъ, мохнатой муфтой она помахивала вдоль бедра и думала о пріятныхъ вещахъ. Пріятно было то, что завтра на Невскомъ въ фотографической витринѣ появится ея портретъ

и то, что вчера два гвардейца громко сказали ей вслѣдъ комплиментъ, обзававъ чертенкомъ, и многое другое, еще не испытанное, навѣрное вплоть до газетной замѣтки о ея красотѣ. О клубахъ тумана, разрываемаго ея плечами, о желтоватомъ, призрачномъ свѣтѣ не думала она совсѣмъ. Добѣжавъ до угла, она остановилась—ничего не было видно, однѣ облака, ползущія по камнямъ. Поднявъ юбку, она уже опустила маленькую ногу съ панели, но тотчасъ приняла—передъ ней въ туманѣ смутно обозначился человекъ, нагнувшій голову.

Такъ они встрѣтились. Маруся нахмурилась на случай, прикрыла муфтой подбородокъ, и быстро прошла. Немного спустя она услышала фырканье за спиной, догоняющіе шаги и подумала: «готово, присталь!» На широкомъ мѣстѣ тротуара преслѣдующій проскочилъ впередъ, круто повернулся и, весь еще живой отъ ходьбы, сталь, поднявъ брови, раскрывъ синіе, веселые глаза, раздвинувъ большой ротъ. Голова у него была удивительная—крѣпкая, съ выпуклымъ лбомъ (цилиндръ торчалъ на макушкѣ), щеки розовыя, борода вѣнникомъ, кудрявая и русая, и весь онъ былъ коренастый, короткій, ловкій подъ клѣтчатымъ, пальто.

Маша струсила немного и нахмурилась. На лицѣ незнакомца, какъ въ зеркалѣ, отразились ея чувства, но въ перевернутомъ видѣ: чѣмъ сильнѣе сдвигала она подведенныя бровки, тѣмъ шире онъ ухмылялся. Словно солнце разорвало облако и тонкимъ лучомъ оттуда скользнуло по его лицу улыбками и усмѣшками. Маша двинулась направо, онъ направо, она—налѣво, онъ растопырилъ руки и прыгнулъ влѣво, тогда она вскрикнула, повернулась и побѣжала назадъ. Вдоль панели ѣхалъ извозчикъ. Маша вскочила на него, погнала, ударяя муфтой и въ страхѣ оборачиваясь. Сверху, съ боковъ, отовсюду летѣлъ туманъ. Никто не гнался... Маша за-

смѣялась и сказала извозчику адресъ. Она уже больше, чѣмъ на часъ опоздывала на свиданіе... И думая о томъ, кто въ волненіи дожидался ея такъ долго, брезгливо вытянула нижнюю губку и пожала плечами: эта послѣдняя ея связь была совсѣмъ не шикарна.

Вдругъ на щекѣ почувствовала Маша горячее дыханіе, въ испугѣ отстранилась—сзади, уцѣпясь за кузовъ, висѣлъ рыжій незнакомецъ, весело оскаляясь, щеки его горѣли, какъ яблоки. Маша хотѣла закричать, а онъ зарылся губами въ ея раскрытый ротъ, потомъ оторвался отъ кузова и пропалъ въ туманъ.

Маша не была коварна... Она все-таки зашла къ тому, съ кѣмъ связь ея не была шикарной. Онъ кинулся на нее еще въ прихожей. Онъ былъ очень высокъ, въ лостриновомъ, съ форменными пуговицами, пиджакѣ, унылый и съ большими усами. Схвативъ ея руки въ холодныя ладони, онъ сталъ жаловаться, какъ-будто ожиданіе возлюбленной дѣвушки, хотя и долгое, одно уже не было счастьемъ. Маша не сняла шляпы; войдя въ коричневую столовую, она наклонилась надъ столомъ, гдѣ были сласти, фрукты и вино. Разбираясь въ шоколадной коробкѣ, обтянутымъ лайкой, пальцемъ, она объяснила, что не можетъ остаться сегодня, очень испуганная нападеніемъ на улицѣ. Она положила въ ротъ виноградину и весело поглядѣла на чиновника: руки его были сложены у подбородка, ноги подгибались и онъ сталъ умолять ее глухимъ, какъ изъ бочки, басомъ, при чемъ задѣкъ его двигался въ разрѣзѣ воротника.

Потомъ онъ растворилъ дверь, указывая на мало соблазнительную спальную, и, подъ конецъ, сталъ на колѣнки, стукнувшись ими о паркетъ. Тогда Маша принялась смѣяться, все громче и обиднѣе. Ей представилось—въ какое бы пришелъ отчаяніе чиновникъ, если бы веселый, здоровенный незнакомецъ при немъ ее поцѣловалъ. И она объ-

яснила, что смѣется надъ сегодняшней встрѣчей. Чиновникъ же, съ негодованіемъ, рассказалъ, что этотъ рыжій незнакомецъ третій день смущаетъ весь Петербургъ. Его встрѣчали въ центрѣ и на окраинахъ, многія дамы жаловались въ полицію, говорятъ, что отданъ приказъ поймать его непременно, но онъ, переѣзжая съ квартиры на квартиру и не уловимъ. Совсѣмъ бы чиновнику не нужно было это рассказывать. Маша до слезъ теперь жалѣла, что упустила рѣдкій и заманчивый, случай познакомиться съ такимъ опаснымъ человѣкомъ. Она разсердилась, выбросила изъ муфты коробку конфетъ, сказала нѣсколько неприятностей и ушла.

Взобравшись къ себѣ на седьмой этажъ, Маша сняла жакетъ и юбку, накинула фланелевый капотъ, зажгла въ углу высокую лампу и, освѣщенная черезъ красный абажуръ, легла на диванчикъ, облокотясь на голую руку. «Или человѣкъ замѣчательный, или никто», подумала она, заканчивая этимъ досадливыя мысли, вздохнула и открыла книгу декадентскихъ стиховъ.

Въ это время въ прихожей затрещалъ звонокъ, кто-то засмѣялся отрывисто и хлопнулъ дверью. Потомъ въ комнату вошла Маша мать, тяжело устала и сказала, усмѣхаясь: «Новый жилецъ вернулся,—ну и скиндаръ, старуху не пропуститъ». Мамаша Молина сдавала комнаты жильцамъ, выбирала преимущественно холостыхъ и одинокихъ, сама «билась изъ послѣднихъ», но дочь «наряжала какъ куклу»; дочка же, ничего этого не дѣлая, «гнула свою линию», непопятную, путаную, «злодѣйскую». «Злодѣйка», думала она, глядя, какъ дочь, выставивъ изъ-подъ раздвинутаго капота голую колѣнку, читаетъ стихи. И потомъ спросила, куда она таскалась, у какого хахала обивала юбки? Маша отвѣтила на это, спокойно перевернувъ страницу, что не знаетъ, откуда мать выкапываетъ такія мѣщанскія выраженія, что подобными выраже-

ниями она только портить ей карьеру, и что другая бы дочь давно лежала на днѣ рѣки, она же, вмѣсто этого, пойдетъ сейчасъ, вызоветъ къ телефону какого-нибудь знаменитаго поэта—вотъ этого, кого сейчасъ читаетъ—и попроситъ сегодня же вечеромъ увезти ее въ Финляндію, въ лѣсъ. Мамаша принялась обидно смѣяться. А изъ соседней комнаты въ замочную скважину глядѣть на Машу синій, любопытный глазъ. То новый жилецъ, переѣхавшій нынче, пододвинулъ кресло и слушалъ весь разговоръ. Не стерпѣвъ ядовитаго смѣха Маша вскочила проворно, выбѣжала въ прихожую, отыскала по книжкѣ номеръ знаменитаго поэта и позвонила въ телефонъ.

Произошелъ такой разговоръ.—Алло,—сказала Маша,—пожалуйста къ телефону Юрія Блѣднаго (такъ звали поэта),—это вы? Зачѣмъ вамъ мое имя? Я читаю вашу книгу; какой вы грустный! Ваши слова падаютъ, какъ увядающіе лепестки. Что? Красиво? Мерси. Нѣтъ я сама это представила. Что? моя наружность? Зачѣмъ? Да, я красивая. Тонкая. Глаза? Глаза большіе, полузакрытыя. Носъ? Тоже красивый, съ раздувающимися ноздрями. Что? Я лежу... на шелковой софѣ въ подушкахъ. Толстые ковры глушатъ шаги. Вездѣ бархатныя портьеры. У ногъ стоятъ бѣлыя туберозы, онѣ озяняюще пахнутъ. На губахъ таинственная улыбка... Да, да, я одна... Зачѣмъ? Нѣтъ... Я совсѣмъ раздѣта, въ комнатѣ полумракъ, на мнѣ ничего нѣтъ, только на груди жемчугъ... Да, грудь нѣжная, маленькая. Только рыжія косы раскинулись... Приѣзжайте, я жду васъ... Хотите поѣдемъ въ Финляндію...

Но мамаша не могла долго слушать, распахнувъ дверь она крикнула на всю прихожую, «шелъма» и дочь, едва успѣвъ шепнуть адресъ, положила трубку, подобрала капоть и, проскользнувъ мимо матери, заперлась у себя

Походивъ въ волненіи по комнатѣ, Маша легла съ ногамъ на диванъ, запахнула поглубже и начала трусить.

Мать колотила сначала въ дверь, потомъ ушла на кухню, и оттуда слышно было, какъ она всхлипывала, жалуясь кухаркѣ. «Конечно, не придетъ и бояться нечего. А вдругъ придетъ», думала Маша. И, прислушиваясь, различила за боковой дверью, негромкое пѣніе. Отъ него забилось у Маши сердце:

Тепель, темень лѣсъ густой,
Въ немъ бѣгутъ потоки,
Хочешь спи, а хочешь пой
Пѣсенки далеки.
Лягъ въ траву, гляди въ родникъ,
Иль въ пѣвучій дуй тростникъ,
Пой—приди, тоскую.
Нимфа бѣлою рукой
Расплескаетъ надъ тобой
Воду ключевую...

Чѣмъ дальше слушала Маша, тѣмъ непокорнѣе вздрагивало сердце и сжималось такъ, словно сочилось медомъ. Замолкъ за стѣною голосъ, мамаша ушла спать, а она все еще представляла, какъ летаютъ пчелы, шумятъ деревья надъ ключомъ, подъ ногой мнется мокрая трава. Подобнаго ничего не видала она въ жизни, но тѣмъ чудеснѣе нравилось ей это представлять. Вдругъ дверь открылась и въ комнату вошелъ человекъ. Онъ былъ въ цилиндрѣ, съ русой бородой, суровый, застегнутый наглухо, тѣнь падала ему на все лицо. «Вы меня звали», сказала она, «я поэтъ». Маша не могла глядѣть отъ стыда. «Я читала ваши стихи и мнѣ показалось на самомъ дѣлѣ все это, о чемъ я вамъ говорила въ телефонъ», проговорила она.

Онъ повертѣлъ серебряной палкой, потрогалъ въ петлицѣ гвоздику.—«Что же ѣдемъ въ Финляндію»,—сказалъ онъ насмѣшливо. Маша, повинувшись, какъ во снѣ, зашла за раскрытую дверь шкапа, поспѣшно надѣла

юбку, шляпу и жакетъ, взяла сумочку съ пудрой и, нагнувъ голову, проговорила. «Хорошо, поѣдте. Только не шумите въ прихожей».

Они осторожно вышли, сбѣжали съ седьмого этажа, сѣли въ огромный автомобиль и онъ донесъ ихъ къ послѣднему поѣзду. Они вскочили въ купе. Поѣздъ отошелъ, и Маша въ первый разъ, въ страхъ и сомнѣнн, взглянула на спутника.

Передъ ней, снявъ цилиндръ, сидѣлъ давешннй рыжнй незнакомецъ и ухмылялся, показывая бѣлые зубы. Маша вскрикнула, но осталась сидѣть въ углу у окна, глядя исподлбья. Незнакомецъ дотронулся до ея колѣна пальцемъ, затопал ногами и громко захохоталъ. Поѣздъ несся въ туманѣ черезъ лѣса, свистѣлъ дикимъ свистомъ, мимо окна проносились огни. Маша молчала отъ страха и чудеснаго волненн. Она все еще думала, что передъ ней поэтъ. Незнакомецъ между смѣхомъ рассказывалъ о проведенныхъ дняхъ въ Петербургѣ, куда любилъ прѣзжать со своей дачи въ туманные дни. Въ окутанномъ облаками городѣ онъ искалъ приключеннй и каждый разъ уѣзжалъ не одинъ.

Проѣхали границу, поѣздъ подошелъ къ Келомякамъ. Незнакомецъ взялъ Машу за руку и вывелъ изъ вагона. Все небо было усыпано ясными холодными звѣздами; свѣтился, какъ серебро млечный путь. Лѣсъ стоялъ темной стѣной, и земля пахла опавшими листьями. Незнакомецъ посадилъ Машу на финскаго извозчика и они поѣхали между деревьями. Финнъ посвистывалъ. Незнакомецъ бородой касался Машиной щеки. Въѣхали въ боръ, нельзя было различить руки. Финнъ сказалъ «тпру», остановился, и, когда сѣдоки сошли, пошелъ обратно, хрустя въ темнотѣ пескомъ. Незнакомецъ повернулъ на тропинку...

Скоро подъ ногами сталъ подаваться упругнй торфъ. Незнакомецъ взялъ Машу на руки. Она закрыла глаза и,

чувствуя его теплоту, прижалась, охватила руками за шею. Когда же онъ сказалъ: «пу вотъ», она увидѣла на островкѣ, посреди болота, освѣщенный звѣздами маленькнй домъ. На крылечкѣ сидѣла человѣческая фигура. Подойдя, Маша увидѣла, что сидящнй совсѣмъ раздѣтъ, покрытъ густою шерстью и съ козлиными ногами. «Не бойся, онъ не тронетъ», сказалъ незнакомецъ, и толкнулъ сидѣвшаго въ плечо, тотъ заржалъ и кинулся въ кусты. «Я хочу домой», сказала Маша, закрывъ глаза. Но незнакомецъ, подталкивая за плечи, ввелъ ее въ домикъ и проговорилъ строго—«не жмурься, погляди». Маша увидѣла небольшую, синюю комнату, на потолкѣ и стѣнахъ въ разныхъ мѣстахъ висѣло множество золотыхъ тарелочекъ... Двѣ свѣчи горѣли на окошкѣ, но оно было фальшивое—вмѣсто стеколъ вставлены зеркала. Полъ гладкнй, эмалевый, на немъ нарисованы цвѣты и бабочки, въ углу былъ брошень коверъ, который Маша приняла за кучу сухихъ и пестрыхъ листьевъ. «Милая Маша,—сказалъ незнакомецъ—ты не должна ничего бояться. Я не поэтъ Юрнй Блѣдннй, я царь фавновъ. Если не вѣришь, посмотри», онъ живо сбросилъ съ себя одежду и показался первый разъ въ своемъ видѣ—весь покрытнй рыжей, курчавой шерстью, съ лакированными копытами и золотыми рогами. «Ты мнѣ очень понравилась,—продолжалъ онъ,—я сдѣлаю тебя моей женой. Въ третьемъ часу взойдетъ луна, мы побѣжимъ на озеро. Ты тоже думала, какъ и всѣ, что насъ больше нѣтъ. Но мы хитрѣе людей, мы живемъ между васъ, обманываемъ, завлекаемъ, и тѣ, кто не хотнть подчиниться намъ, погибаютъ. Сними одежду, причеши волосы покрасивѣе, побудь одна, я скоро вернусь... О чемъ бы ты ни подумала, чего бы ни захотѣла—все это можешь увидѣть, глядя въ золотыя тарелочки... Но, помни, не подходи къ окну, не глядишь въ зеркало...» Погрозивъ пальцемъ, онъ ушелъ... Маша,

въ отчаяніи всплеснула руками... Она слышала, какъ въ темнотѣ, за стѣной, бѣгали по кустамъ незнакомцы, фыркали, или вдругъ стучали копытами по крыльцу... «Я погибла,—подумала Маша,—не нужны мнѣ ваши тарелочки, ни о чемъ не хочу мечтать, я боюсь... И въ зеркало поглоблю непременно...» На цыпочкахъ она вошла въ свѣтъ двухъ свѣчей и взглянула... Въ зеркалѣ увидѣла она себя, свою комнату, убогую и дешевую лампу, раскрытую книгу на кушеткѣ; дверь... Но дверь вдругъ стала пріотворяться... Пролѣзъ въ нее давешній незнакомецъ, нахмуренный и злой, подошелъ и вдругъ ладонями закрылъ Машѣ глаза... Она, не противясь, запрокинула голову, ахнула и крѣпко сжала ротъ... Потомъ она услышала голосъ... «На этотъ разъ я тебя пожалѣю, отпущу домой. Прощай». А дальше Маша не могла ничего припомнить. Когда она раскрыла глаза—въ комнатѣ было свѣтло. Снизу, съ улицы громыхали ломовые. Въ прихожей мамаша Молина бранила новаго жильца, который, не предупредивъ, исчезъ вмѣстѣ съ чемоданомъ рано утрому.

Маша такъ и не поняла—сонъ ли она видѣла, и, если сонъ, то гдѣ онъ начинался? И всего больше удивлялась она тому, что во снѣ случилось съ нею небывающее въ снахъ... И что случилось это—она была увѣрена, удивлялась и покачивала головой. Когда же насталъ опять туманный день, Маша заперлась на ключъ, стала слушать шорохи, надѣялась и трусила, какъ мышь.

МИНУВШЕЕ.

ПОРТРЕТЪ.

Я разбиралъ старую бібліотеку въ Остафьевѣ, родовомъ, теперь взятомъ въ казну, имѣнны графовъ Остафьевыхъ, послѣдній потомокъ которыхъ треплется еще гдѣ-то по свѣту со своей бороденкой (борода клиномъ и съ пролысиной—Остафьевская, послѣднее что осталось у него отъ древняго рода).

Среди историческихъ и масонскихъ книгъ попалась мнѣ тетрадь изъ голубоватой бумаги во всю величину листа. На заглавномъ листѣ было выведено: «дерзаніе души, счастливаго ибо не осудить, несчастному туда и дорога». Дальнѣйшее оказалось дневникомъ крѣпостного человѣка Ивана Вишнякова, посланнаго въ Петербургъ преуслѣть въ художествѣ, въ дѣлѣ котораго, съ малыхъ лѣтъ, оказывалъ онъ пристрастіе и необыкновенную ухватку.

Срокъ Петербургскаго ученія положенъ три года, въ концѣ котораго долженъ быть написанъ портретъ самого графа Остафьева, заглаза, и въ какомъ угодно видѣ:

«Сія задача,—пишетъ Вишняковъ,—коварна и хитра; господинъ желаетъ знать сколь благодѣтельный образъ его отпечатанъ въ моемъ сердцѣ, и какія чувства питаетъ въ

себѣ рабъ, отошедшій на мнимую и недолгосрочную свободу».

Деньги на дорогу и ученые выдано Вишнякову шестьдесят пять рублей, коихъ хватило лишь на два мѣсяца въ Петербургѣ, гдѣ и начинается этотъ дневникъ.

Вначалѣ Вишняковъ рассказываетъ, какъ поселился онъ на Грязной улицѣ (нынѣ Николаевской), какъ познакомился у воротъ съ молодымъ франтомъ, который показалъ ему издали академію, а потомъ занявъ семь рублей, провалился сквозь землю.

Какъ, дежурия у воротъ академіи, Вишняковъ, подружась со всѣми швейцарами, увидѣлъ наконецъ ректора, быстро въ накинутой на плечо шинели, вышедшаго на липочкахъ изъ подъѣзда и прямо въ сани; Вишняковъ побѣждалъ безъ шапки за его санями, и уже посреди Невы ректоръ, отогнувъ воротникъ, покосился на бѣгущаго; какъ тутъ же на льду онъ принялъ прошеніе и рисунки; а черезъ сутки Вишняковъ поступилъ въ натурный классъ...

Съ Грязной Вишняковъ переѣзжаетъ на Васильевскій къ нѣмцу Карлу Карловичу—подрядчику, и добрый нѣмецъ учить скромнаго жильца писать вывѣски, получая съ мясной вывѣски, послужившее моделью, мясо, съ зеленой—фрукты и овощи, словомъ, платой служили изображаемые предметы.

Въ работѣ этой и въ посѣщеніи натурнаго класса проходитъ три года. Дневникъ наполненъ разсужденіями въ родѣ: «во снѣ мы видимъ формы и линіи, а краски только чувствуемъ, на картинѣ же, наоборотъ видимъ краски, а формы и линіи чувствуемъ; но сновидѣніе и картина волнуютъ одинаково»...

Въ концѣ третьяго года Карлъ Карловичъ, посвященный во всю жизнь Вишнякова, настаиваетъ, чтобы жилецъ его началъ наконецъ графскій портретъ.

Вишняковъ съ неохотой берется за эту работу и, начиная послѣ долгаго перерыва вспоминать знакомый образъ, чувствуетъ себя вновь крѣпостнымъ, не имѣющимъ воли.

Вудто сама рука выводитъ на полотнѣ крупное старческое лицо, крючковатый носъ, отвислыя на жабрахъ щеки, сѣдые волосы на вискахъ и бородѣ.

Весь опытъ художника и хладнокровіе измѣняютъ ему и Вишняковъ со страхомъ видитъ какъ на образующемся, словно чудомъ, лицѣ все янѣе выступаютъ сѣрые, чуть прикрытые сверху, пристальные глаза.

И Вишняковъ заноситъ въ дневникъ:

«Это не портретъ, а чудовищная карикатура. Я не могу найти въ немъ ни одной благородной черты. Одно спасеніе—правдивый вопль души, быть можетъ, графъ пойметъ... Когда я уѣзжалъ, онъ самъ раскрылъ окно и крикнулъ—помни, я даю тебѣ свободу, и, коли будешь лукавъ, тѣмъ горше для тебя...—Зачѣмъ онъ далъ мнѣ эту надежду... Я скванъ и какъ въ бреду».....

Отсюда привожу подлинныя его записки, касающіяся неожиданной и роковой для него встрѣчи.

II.

«Карлъ Карловичъ зашелъ ко мнѣ сообщить, что на Морской требуется вывѣска въ гастрономической лавкѣ. Сказавъ, Карлъ Карловичъ затянулся фарфоровой трубкой и въ углахъ его глазъ появились морщины; онъ подмигнулъ и ушелъ, поскрипывая сапожками...

Добрѣйшій, милѣйшій Карлъ Карловичъ! если бы я только не былъ угнетенъ, чего бы только ни сдѣлалъ въ благодарность за все его заботы.

Я разложилъ на лавкѣ горшки съ красками, олифу и

кисти и, поставивъ все это на голову, поплелся въ городъ. Проходя по Николаевскому мосту, я замечтался, созерцая величіе рѣки, съ опрокинутыми въ ней дворцами, скользящими баркасами и кораблями у гавани и, не замѣтивъ, свернулъ на набережную, гдѣ постовой загородилъ дорогу, сказавъ: «сворачивай на Коннотвардейскій, маляръ». А я, восхищенный, глядѣлъ на перспективу набережной, гдѣ, удаляясь, шель какой-то сутулый человѣкъ въ цилиндрѣ и поношенной шинели.

На Морской я сразу нашель лавку и окликнулъ хозяина, который повелъ меня къ стойкѣ, предложивъ, довольно грубовато, выбрать фрукты для натурморта, при чемъ подсовывалъ, попорченные, но я выбралъ шесть французскихъ яблокъ, шесть грушъ, ананасъ, три кисти винограда и лимоны—все безъ пятнышка, увѣривъ, что могу рисовать только со свѣжихъ, и, захвативъ все это, ушелъ на дворъ, гдѣ, была уже приготовлена вывѣска.

Дворъ въ этомъ домѣ проходной; подъ воротами кричать татары; два раза принимался играть шарманщикъ, наводи тоску. Съ тѣневой стороны, въ раскрытыхъ окнахъ лежали переговариваясь, квартиранты, но я увлекся работой, думая лишь объ одномъ: найти въ стоящей передо мной горкѣ фруктовъ Божественную красоту, которая и въ сладкомъ сокѣ яблока, и въ запахѣ ананаса, и въ мечтѣ художника—одна. Вдругъ я почувствовалъ, что за спиной остановился кто-то; отирая потъ со лба, я оглянулся и узналъ того господина, съ набережной. Онъ былъ бѣлокурый, сутулый, и въ складкахъ его капюшона забила пыль. Правую руку съ вытянутымъ пальцемъ онъ поднялъ, словно призывая ко вниманію, черные же, какъ масляни, продолговатые глаза его такъ и горѣли отъ удовольствія.

«Отлично,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—одна приода истинна и, Боже мой, какъ она хороша»...

Я покраснѣлъ отъ удовольствія; незнакомецъ поднялся

на ципочки, отступилъ, нагнувъ голову и внимательно осмотрѣлъ меня, сказавъ:

«Вы ученикъ академіи?» «Точно такъ,—отвѣтили я,—а это лишь заработокъ; за вывѣску я получу всю горку фруктовъ, которые и продамъ». Незнакомецъ шелкнулъ языкомъ: «Вотъ, вотъ, это и нужно, мнѣ хочется зайти къ вамъ, посмотрѣть работы, можно?»...

Я живо поклонился и поблагодарилъ, прося не побреговать скромнымъ угощеніемъ... Незнакомецъ весело засмѣялся, и отошелъ, крича: «Такъ я приду».

Къ вечеру я окончилъ вывѣску, отнесъ фрукты знакомой булочницѣ, взялъ у нея денегъ, купилъ свѣчей, ситнику и въ сумеркахъ прибѣжалъ домой. Изъ комнатки пришлось вымести пропасть мусору и вытереть повсюду пыль; изъ-подъ дивана я вынулъ этиоды, положивъ ихъ на край стола, и къ свѣчѣ поближе пододвинулъ мольбертъ съ портретомъ его сіятельства... Гость такъ и не пришелъ, и я весь вечеръ проглядѣлъ на портретъ.

Ахъ, пусть онъ знаетъ, что я не скрылъ отъ него ни единой мысли. Какими же, какъ не ужасными, должны быть его глаза. Я помню, когда въ гнѣвъ они останавливались на провинившемся—нижнее вѣко, дрогнувъ, забѣгло на зрачокъ, верхнее покрывалось бровью, и поджимались углы у висковъ. Однажды провинилась моя мать; онъ такъ поглядѣлъ на нее, что она крича, упала на землю. Знаю,—что бы я ни сдѣлалъ, куда бы ни скрылся, они всюду отыщутъ и покарають... Я не могу изобразить ихъ спокойными... Они, какъ живые, сами раскрылись на горѣ мнѣ.

Я заснулъ головой на тетради. Свѣча нагорѣла грибомъ... Въ полночь я проснулся, снялъ со свѣчи, задулъ ее и легъ, зная, что до утра будутъ мучить сны... Вѣдь, сколько угодно я могу видѣть себя свободнымъ, славнымъ другомъ самого Иванова... Тѣмъ хуже будетъ просыпаться.

Карль Карлыч разбудил меня ровно въ семь, позвавъ пить кофе. Я разсказалъ о вечернемъ незнакомцѣ, и добрый пѣмецъ посовѣтовалъ не ходить пока въ академію, а писать портретъ, чтобы показать гостю товаръ лицомъ. Я такъ и сдѣлалъ. Незнакомецъ тогда восхищался моимъ натюр-мортомъ, и я вложилъ яблоко въ руку графа, для чего приподнял ее, согнувъ въ локтѣ... Но веселое мое настроеніе скоро пропало, когда я понялъ, что рука его не хочетъ подняться и взять яблоко.... Проработавъ до вечера, я все вновь написанное снялъ ножомъ и, уже при свѣчѣ, поставилъ руки на мѣсто.... И мнѣ показалось, что графъ вцѣпился въ раму.

Гость пришелъ наконецъ, днемъ, около полудня. Привѣтливо поздоровавшись, сѣлъ на диванъ, съ любопытствомъ оглядывая комнату; когда же замѣтилъ портретъ, его лицо выразило такое удивленіе, даже испугъ, что я спросилъ въ ту же минуту:—«что плохо очень?»

— Удивилъ, батенька, право, удивилъ,—проговорилъ гость думая о другомъ, — а, вѣдь, онъ живой; конечно, эти глаза видятъ и слѣдятъ; кто онъ?.. Почему вы его шпете? Вы боитесь его?..

Гость задалъ пятьдесятъ вопросовъ, и я поспѣшилъ разсказать свою жизнь и прочелъ отрывки изъ дневника. Когда окончилось чтеніе, глаза гости были обращены къ окну, словно не видя ни окна, ни комнаты, ни меня, а на лукавыхъ губахъ его играла усмѣшка... Мы долго сидѣли молча; наконецъ, онъ поднялся, разсѣянно пожалъ руку и вышелъ, сказавъ: «я еще приду».

.....Портретъ слѣдитъ за мной, глаза его всегда находятъ мои зрачки, куда бы я ни отошелъ, а при свѣчѣ они такъ пристальны, что я повернулъ портретъ къ стѣнѣ, но тотчасъ поставилъ обратно, думая, что онъ обидится. Прощла недѣля. Я не могу работать, онъ мучаетъ меня даже ночью.

Вчера, закрывшись одѣяломъ, я долго лежалъ, зная, что онъ высунется, наконецъ, изъ рамы.

Я рѣшилъ изрѣзать его: все равно, такъ жить нельзя... Я взявъ ножъ у Карла Каловича, на ципочкахъ вошелъ къ себѣ и, стоя около портрета, попробовалъ на пальцѣ лезвіе... Ножикъ упалъ, разрѣзавъ мнѣ сапогъ: я не могу, онъ узнаетъ, что я покушался ночью, какъ воръ...

Вчера около одиннадцати я сразу проснулся. Сонъ слетѣлъ съ меня, сердце стучало словно маятникъ, и поджилки тряслись, какъ мышь... Онъ вылѣзъ изъ рамы и, отгибая столъ, подходилъ ко мнѣ. Когда онъ сѣлъ на диванъ, я живо подобралъ ноги...

— Гдѣ спички?—спросилъ онъ,—я набилъ себѣ шишку.

— Я живо соскочилъ и вздулъ свѣтъ—на диванѣ сидѣлъ мой гость, держа въ рукѣ свертокъ...

— Онъ все еще здѣсь — спросилъ гость, глядя въ темный уголъ.

Я поспѣшилъ выразить живѣйшую радость его приходу, но гость перебилъ, сказавъ:

— Вы послушайте первую часть повѣсти, она еще передѣляется много разъ...— Насунившись онъ поглядѣлъ на меня, пододвинулъ подсвѣчникъ, кашлянулъ и проглаголюетъ глухимъ голосомъ: «Портретъ»... Портретъ,—повторилъ онъ, чудно усмѣхаясь,—

«Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картиною лавкою на Щукинѣмъ дворѣ. Для меня до сихъ поръ загадка—кто поставляетъ сюда свои произведения, какіе люди, какою цѣною»...

Я слушалъ повѣсть, стоя, и глядѣлъ на гости, на длинный, почти въ половину лица его носъ, тѣнь отъ котораго падала до конца остраго подбородка, а по сторонамъ усмѣхались приподнятые углы губъ; по мѣрѣ чтенія прядь напомаженныхъ волосъ сползла на глаза, и голосъ его

стать ясный и выразительный... А потомъ я началъ понимать и содержаніе повѣсти...

Гость кончилъ, когда свѣча догорѣла, свернулъ медленно рукопись, говоря: «вотъ» и, помолчавъ, спросилъ сердито: «нравится?» Я прижалъ руки къ груди, глаза мои были полны слезъ... «Ну, то-то,—продолжалъ онъ,—видѣли, какія чудеса бываютъ»...

И, уже уходя, остановился передъ портретомъ, надѣвъ цилиндръ, а рукопись торчала у него изъ кармана сюртука... И вдругъ, глядя на его длинноносый профиль, на цилиндръ и оттопыренный сзади карманъ, я вспомнилъ знакомую карикатуру и, страшно испугавшись, понялъ—кто мой гость.....

...Сейчасъ посыльный принесъ письмо отъ графа. Графъ прибылъ на-дняхъ и требуетъ къ себѣ меня, вмѣстѣ съ портретомъ и дневникомъ».

Здѣсь рукопись кончается словомъ «Аминь», а дальше слѣдуетъ приписка:

«Графъ потребовалъ заполнить послѣднюю страницу. Я никогда не забуду, никогда не пойму, какъ все случилось... Я пришелъ къ его сіятельству на Сергіевскую къ восьми по-утру и до двѣнадцати ждалъ на кухнѣ. Лакеи, заходя, заговаривали со мной, и на мои отвѣты покатывались со смѣха... Наконецъ, одинъ изъ нихъ вѣжалъ, запыхавшись, и потребовалъ къ графу дневникъ и портретъ, а мнѣ приказалъ ждать... Я сидѣлъ у окна и ожидалъ, что вотъ услышу голосъ графа, покрывающій говоръ прислуги и шопотъ шаговъ... Къ вечеру я очень ослабѣлъ и попросилъ напиться... Потомъ изъ лакейскихъ разговоровъ узналъ, что графъ уѣхалъ въ театръ. Прислуга легла спать, оставивъ лампадку, а я продолжалъ сидѣть, уже не боясь—потому что стало все равно... На колѣни мнѣ прыгнулъ котъ, я погладилъ его, а онъ ткнулся въ шею и обнялъ лапами...

Тогда я сталъ плакать про себя... Наконецъ, въ домѣ вновь захлопали двери, затопали шаги—графъ вернулся и легъ спать...

На утро тотъ же лакей, что относилъ портретъ, опять, запыхавшись, вѣжалъ и крикнулъ. «Вишняковъ, къ графу»... Графъ въ нижнемъ бѣльѣ стоялъ у печки, грѣя задъ... Разматривая съ большимъ любопытствомъ, онъ подпустилъ меня на пять шаговъ и сказалъ басомъ: «хорошъ!» Я молчалъ, опутивъ голову. «Изуродовалъ меня на вѣкъ, злодѣемъ выставилъ для потомства», продолжалъ графъ... «Вчера въ театрѣ Николай Васильевичъ Гоголь на меня пальцемъ указалъ. А, ты понимаешь, что даже государю извѣстно, чей портретъ описанъ въ повѣсти у Николая Васильевича. А?.. По-твоему, мнѣ теперь нужно глаза себѣ выколоть. А?»—Тутъ графъ замолчалъ, тонкія губы его беззлively усмѣхнулись, и я увидѣлъ, какъ медленно онъ вытащилъ изъ-за спины мою тетрадь: «Ступай и допиши,—сказалъ онъ.—Потомъ зайдешь въ контору, получишь вольную, а тетрадь оставишь мнѣ»... Ноги мои подкосились, я подошелъ къ графу и поцѣловалъ ему руку въ послѣдній разъ».

СМЕРТЬ НАЛЫМОВЫХЪ.

Старый камердинеръ Глѣбушка сидитъ въ кожаномъ креслѣ и сквозь обмотанныя ниткой очки смотритъ на псалтырь, долго мусля негнуційся палець, чтобы перевернуть ветхую страницу, а огонь свѣчи колеблется направо и налево.

Льнуть снаружи къ стекламъ мокрыя вѣтви и, слушая шорохъ ихъ, думаетъ Глѣбушка:

— Птица прошлою осенью такъ же въ окно билась, подумаль, подумаль, а не пустиль—неизвѣстно, какова она птица въ такую ночь.

Вдрагиваетъ Налымовскій домъ; оторванная вѣтромъ, хлопаетъ желѣзная крыша; не видно службъ; цѣплясь за шумливые кусты, волокутся тучи; далеко въ дугахъ, разрываясь и слѣпя, ложатся круглыя молніи, и стелется сплошными завѣсами дождь.

— Темень,—говоритъ Глѣбушка,—нехорошо!—и перворачиваетъ страницу, гдѣ сбоковъ стоятъ три надписи рукой Семена Налымова; первая надпись чернилами такая: «Женившись, не преступаю ли законы природы»; затѣмъ черезъ много псалмовъ опять помѣтка: «Господь, дай силы» и еще: «наконецъ-то счастливъ съ моей женщиной, любезной Анфисой».

Качаетъ Глѣбушка старой головой и глядитъ въ окно, а далеко изъ пустыхъ, верхнихъ комнатъ доносится протяжный крикъ.

Поджавъ губы, слушаетъ Глѣбушка, а когда крикъ повторяется, встаетъ и, прикрывъ ладонью свѣчу, идетъ по винтовой лѣстницѣ наверхъ въ войлочныхъ туфляхъ своихъ и въ безрукавкѣ.

Паркетъ залы скрипитъ, на мгновеніе теплится золотомъ рама и кресла въ чехлахъ стоятъ такъ, будто сидѣль на нихъ только что покойный Налымовъ, куря трубку, и смотрѣль въ окно.

Глѣбушка отворяетъ дверь спальни и съ красного полога, надъ кроватью, срывается и улетаетъ на безшумныхъ крыльяхъ въ раскрытое окно бѣлая сова.

— Нехорошо,—говоритъ Глѣбушка,—и, прилѣпивъ у пыльнаго зеркала свѣчу, прислушивается; въ отдаленіи кричитъ птица, несаясь надъ травой, и съ подвѣтренной стороны доносится звонъ колокольца.

— Куда человекъ ѣдетъ? говоритъ Глѣбушка сердито и, съ трудомъ замкнувъ окно, идетъ обратно внизъ.

Зайдя въ опустѣлую кухню, гдѣ съ плиты сняты чугунныя доски и обвалился кирпичъ, а на шесткѣ гребется горшочекъ со щами, закрываетъ вьюшки, креститъ углы, затканные паутиной, и плотнѣе затыкаетъ тряпкой разбитое стекло, говоря: «видишь, нахлохало какъ». Но колокольчикъ прозвенѣль совсѣмъ близко и слышно, какъ подѣхали къ крыльцу...

— Проѣзжайте, проѣзжайте,—говоритъ Глѣбушка на стукъ въ дверь кнутовищемъ,—никто здѣсь не живетъ!..

— Отвори пожалуйста, говорю—баринъ пріѣхаль.

— Баринъ?

— Налымовъ, слышь,—озябнувъ и подпрыгивая кричитъ ямщикъ,—молодой баринъ...

Черезъ порогъ, нагибаясь, ступаетъ Налымовъ въ мок-

ромъ чапанѣ, поверхъ шапки его обмотанъ оренбургскій платокъ, бритыя щеки втянуты и на глазахъ словно тѣнь.

Глѣбушка, тряся головой и торопясь, снимаетъ чапанъ, развязываетъ платокъ и, глядя на худого, въ черномъ сюртукѣ барина, цѣлуетъ руку его.

— Ахъ, зачѣмъ ты!—Налымовъ опускается въ кресло и, скрестивъ пальцы, говоритъ, закрывая глаза:

— Не ждаль меня, навѣрно; вотъ и увидѣлись; не узналъ?

— Батюшка, какъ узнать, маленькимъ васъ отсюда увезли.

— А вотъ и пріѣхаль, навсегда... Одни мы теперь съ тобой, Глѣбушка, больше нѣтъ въ живыхъ никого.

Старый камердинеръ, заложивъ руки назадъ, стоитъ у притолки:—Нельзя вамъ здѣсь оставаться, говоритъ онъ, въ село уѣзжайте. Не живутъ здѣсь, Налымовы помираютъ нехорошей смертью.

Тонкія губы Налымова улыбаются, а лицо остается печальнымъ.

— Мнѣ все равно, не долго проживу,—отвѣчаетъ онъ.

На скулахъ у него выступаютъ розовыя пятна и, сдерживаясь, онъ глухо кашляетъ, безъ силъ опуская руки.

— Нѣтъ, уѣзжайте, нельзя здѣсь сегодня почевать. Вамъ, можетъ быть невѣдомо, а мнѣ великій грѣхъ если случится что,—повторяетъ Глѣбушка.

— О чемъ ты говоришь?

— О бабкѣ вашей, Анфисѣ, ее сегодня ждемъ.

Налымовъ быстро открылъ глаза, пытливо и со страхомъ вглядываясь въ старика.

— Расскажи, я ничего о ней не слышалъ такого.

Глѣбушка пожевалъ, оглянулся въ темный коридоръ и притворилъ дверь.

— Разъ дѣдушка вашъ, Семень Семеновичъ, позвалъ меня и говоритъ: «затопа, Глѣбка, каминъ, скучно мнѣ!» а самъ все прислушивается.

Я лучинки ломаю, громыхаю вьюшками, а онъ мнѣ:—«постой, постой, не стучи!» И съ лица бѣлый.—Это, говорю я ему, батюшка баринъ, птица кричитъ ночная.—А онъ: «дуракъ, молчи» да какъ закричитъ: «отгони ее отъ окна!»

Соломы я въ каминъ подкинулъ, вышелъ потихоньку, прикурнулъ за дверью, а самъ трясусь. Вдругъ баринъ, слышу, говоритъ началъ:—не виновать, не виновать, отпусти меня... Уйди...—Да все громче да чаще... И замолчалъ; да какъ зареветъ и грохнулся... Побѣжалъ я въ людскія, взбаломутилъ народъ. Вошли мы въ спальню—на кровати баринъ лежитъ—мертвый. Окно раскрыто, дождикъ въ него такъ и хлещетъ... А въ саду сова кричитъ—вотъ тутъ-то мы и ахнули... Сова-то на человѣчскій голосъ кричала.

— Не понимаю я, Глѣбушка, къ чему все говоришь; ну, померли, и мы умремъ съ тобой.

Глѣбушка переступилъ съ ноги на ногу и продолжалъ разсказъ.

— Дѣдушка вашъ, Семень Семеновичъ, женился пожилыхъ лѣтъ и взяли первую въ губерніи красавицу—Анфису. Думали отъ этого въ дому у насъ веселѣе станетъ; а вышло по иному. Сталъ Семень Семенычъ сомнѣваться—не выйдесть ли душѣ его черезъ такую молодую жену изъяна. Бывало вечеромъ сядетъ въ библиотекѣ и глядитъ въ божественную книгу, я у двери со щипцами дремлю; крикнетъ—подойду, сниму свѣтильно. Жалко мнѣ его тогда было—ну что онъ въ книгѣ прочтетъ, пуще только разстроится. А стукнетъ полночь, подниметъ онъ голову, глаза красные, «что, говоритъ, Глѣбъ, поздно?» «Поздно, говорю, пожалуйте спать, барыня давно легли». Онъ и пойдетъ по залѣ къ Анфисиной спальнѣ. Станетъ у двери,

лицо ладонью сожметъ и, будто оторвали его съ мясомъ, уйдесть въ кабинетъ. «Господи, говорить, видишь—борюсь я съ соблазномъ».—А барынѣ Анфисѣ спать одной тоже очень скучно.

— Что ты говоришь, Глѣбушка, у Анфисы дѣти были, она мнѣ родная бабка.

— Нѣтъ, у брата Михайлы Семеновича дѣти были, а Анфиса какъ дѣвица жила... Прошло такимъ-то порядкомъ не мало времени; баринъ ужъ на человѣка не похожъ, высохъ весь и какъ улышитъ—жена идетъ, такъ весь и затрясется. А матушка Анфиса все пѣсни пѣла вечеромъ на окошкѣ...

Приѣхалъ разъ подъ осень племянникъ,—гусарь, Александръ Нальмовъ; Боже мой, шумъ какой поднялся. Мундиръ у него красный, на головѣ повязка (раненъ былъ гдѣ-то); ходитъ, усы крутить, и, какъ на женщину поглядитъ, такъ глаза у него и выкатятся. Семень Семенычъ сразу же задумался: очень ужъ Анфиса стала и хороша и весела. Весь день, весь день, то въ саду, то на клавикордахъ, а гусарь къ ней, какъ пришился. Увидитъ Семена Семеныча по плечу ударить: «пу что, говорить, дядюшка, повоюемъ еще». Недѣли не прошло—Семень Семенычъ вечеромъ и говорить мнѣ—идемъ въ садъ. Пошли. Пробрались къ Анфисиному окну, онъ опять говоритъ—лѣзь на дерево, смотри. Взобрался я на осину, вѣтки раздвинулъ—гляжу—передъ зеркаломъ сидитъ гусарь; мундиръ у него разстегнутъ, волоса вздохмачены, а матушка Анфиса въ рубашкѣ одной стоитъ передъ нимъ, какъ во спѣ. Схватилъ онъ ее, притянулъ къ себѣ, лицо она руками закрыла... Тутъ у меня въ глазахъ помутилось, скользнулъ на траву, а баринъ спрашиваетъ: «тамъ они, тамъ?..» Вдругъ гусарь выглянулъ въ окно и свѣтъ въ комнатѣ потухъ... Мы побѣжали и, когда въ залу вошли, подъ люстрой стоялъ гусарь, подбоченясь, какъ чортъ.

Семень Семенычъ кинулся на него, а онъ отстранился и громко сказалъ: «Отстаньте, дяденька, я пришелъ сказать, что ваша жена распутница... Сейчасъ, пригласивъ меня, какъ родственника, въ свои покои, хотѣла надругаться надъ вашей сѣдиной, предлагая гнусное сожительство. Вотъ!»

Тутъ онъ повернулся на каблучкахъ и вышелъ, звеня шпорами. Семень Семеновичъ схватился за голову, побѣжалъ къ жениной спальнѣ, дернулъ дверь, и увидали мы, какъ Анфиса, вскочила на окно, оглянулась на мужа и прыгнула внизъ.—Лови ее! Держи ее!—кричалъ Семень Семеновичъ. Побѣжали мы за Анфисой... Думали—убилась. Глядимъ—она уже къ пруду летитъ... Не успѣли! И такъ ее въ пруду не нашли. Глубоко тамъ очень, омута...

Голосъ Глѣбушки сорвался; Нальмовъ слушалъ, какъ хлестали вѣтви и выло въ трубѣ.

— Неспоконная ея душа,—окончилъ Глѣбушка,—всѣхъ Нальмовыхъ увела за собой; то птицей прикинется, то мышью, а то приходитъ въ своемъ видѣ. И вы примѣтите—случилось это въ нынѣшнюю ночь.

— Можетъ быть, все это и правда,—сказалъ Нальмовъ.—А ты видѣлъ ее, Глѣбушка?

— Да, сегодня передъ вами кричала.

Нальмовъ, улыбаясь, поднялся съ трудомъ и, глядя старика по волосамъ, прижалъ, сколько было силы, къ груди и поцѣловалъ.

— Я все-таки не поѣду отсюда, на что ей такого, все равно скоро умру; усталъ я очень, уступи мнѣ постель на сегодня, милый Глѣбушка!—И ослабѣвъ, онъ снялъ сюртукъ и легъ, тяжело дыша.

Глѣбушка, зажгетъ лампады передъ икономъ, прилѣпитъ свѣчу и сталь, опускаясь на колѣни, молиться, касаясь лицомъ пола. «Спаси его и помилуй, лучше мнѣ умереть коли нужно—съ радостью предамъ мой духъ; и ея злое

сердце успокой, отведи руку». Потомъ Глѣбушка легъ у двери на кошмѣ.

Налымовъ зналъ, что за стѣной уже давно стоитъ Анфиса. Снаружи по стеклу провела она костяной рукой и, словно изваянное, лицо ея вглядывалось сквозь закрытыя вѣки.

«Вотъ ты и пришла,—подумалъ Налымовъ,—не мучай меня, войди!»

Съ трудомъ хотѣвъ разомкнуть губы ея и мокрая вѣтвь ударяетъ по лицу, отчего стекаютъ капли по щекѣ, какъ слезы. Лежа на спинѣ, со сложенными руками, холодѣетъ Налымовъ, просить ея войти, думая, что она успокоить.

И вотъ Анфиса уже по эту сторону стекла, подхватываетъ платье, ложится, неспѣшно овладѣвая его тѣломъ. Твердая рука ея на его шеѣ, и Налымовъ говорить: «простишь ли, милая, я послѣдній?»

Медленно наклоняясь надъ нимъ, открываетъ Анфиса глаза, и ихъ прозрачную голубизну видитъ Налымовъ, отдѣляясь отъ ненужной постели, чувствуя радость прощенья и любви.

Порывомъ вѣтеръ разбиваетъ стекло, мокрый и темный проносится по комнатѣ, гася лампы, и Глѣбушка, со стономъ приподнявшись, зоветъ:

— Баринъ, батюшка, отгони ея!..

1909 г.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ.

Передъ пылающимъ очагомъ, сидѣлъ въ нижнемъ бѣльѣ, поднявъ острую колѣни, Иванъ Баласный и для развлеченія глядѣлъ на кончикъ утиного своего носа, то правымъ глазомъ, закрывъ лѣвый, то наоборотъ.

«А вотъ бы сумѣлъ разставить глаза врозь,—подумалъ онъ,—тогда можно видѣть то, что направо, и то, что налѣво, сразу».

Но, вспомнивъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ, нахмурилъ лобъ и спросилъ сурово:

— Что жъ ты молчишь, рассказывай!..

У двери стоялъ старый мельникъ, держа шапку у живота, и огонь очага, когда обрушивалось полѣно, освѣщаль всю сѣдую его бороду, глубокія морщины на лицѣ и выцвѣтшіе глаза, умильно обращенные на барина.

— Да я ужъ сказывалъ,—отвѣтилъ мельникъ.

— Еще разъ; да смотри не ври. Въ эту ночь ты, стало быть, на мельницѣ былъ?

— Такъ и есть,—сказалъ мельникъ.—Марина, внучка моя, изъ-подъ вѣнца ко мнѣ забѣгала, больно ужъ плакала; а я спать легъ.

Голова у старика затряслась, и долго онъ не могъ ее сдержать.

— Не къ добру сонъ приснился: входитъ будто старый баринъ—дядюшка вашъ, и говоритъ: дай мнѣ, мельникъ, мучки... Какъ же я вамъ, говорю, кормилецъ, дамъ—мука у меня мужицкая... А онъ наклонился надъ сусѣкомъ и тяжело вздыхаетъ: мучки, мнѣ, мучки! да какъ завоетъ, и кафтанъ на немъ парусиновый землей покрылся.

Проснулся я и думаю: къ чему сонъ? И такъ-то вышелъ на волю и слушаю.—Не къ добру, думаю, вѣтеръ въ польни свистеть; поглядѣлъ я, а у мельницы крылья завертѣлись; завертѣлись, милый баринъ, сами собой...

Вотъ въ это время изъ темени на меня и налетѣлъ конь; я его отпрукалъ, а онъ вскочилъ на дыбки, мимо меня прыснулъ и пропалъ.

Мельникъ переступилъ съ ноги на ногу и развелъ руками:

— Только я его и видѣлъ... А баринъ хорошій былъ, душевный баринъ, мы развѣ что...

— Къ чему же ты коня приплелъ?—воскликнулъ Иванъ Баясный.

— А какъ же; къ его хвосту баринъ нашъ за шею былъ привязанъ; очень я тогда усомнился...

— Ахъ ты,—сказалъ Баясный,—я знаю, что ты главный убійца.

— Мы не убійцы,—отвѣтилъ мельникъ,—этимъ не занимаемся...

— Ну ладно, позови Прова.

И, пока ушедшій мельникъ шептался за дверью, Иванъ Баясный подмигнулъ, сказавъ:

— Я увѣренъ, что почтенный дядюшка прогуливается теперь въ Елисейскихъ поляхъ. Хотя вѣрнѣе припекаютъ его черти желѣзными вилками. Но все-таки таинственно, чортъ возьми, пропалъ старый плутъ...

Послѣ этихъ словъ, вошелъ толстый и высокій мужикъ—Провъ, въ чулкахъ. На щекахъ росла у него рыжая борода, за которую и дразнили его мальчишки:

«Баринъ Прова спросилъ,
Гдѣ ты бороду красишь?
Я ни краской, ни замазкой,
Я на солнышкѣ лежалъ
Кверху бороду держалъ».

— Ты кучеръ?—спросилъ Иванъ Баясный сурово.

Провъ поморгалъ вѣками и неожиданно тонкимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Кучеръ я; съ покойнымъ бариномъ ѣздилъ, царствіе ему небесное.

— А ты почему знаешь?—быстро повернувшись, спросилъ Баясный.

Но Провъ только моргалъ, и онъ добавилъ:

— Изъ конюшни пропала лошадь, гдѣ она?

— Виновать,—сказалъ Провъ,—онѣ убѣжали.

— Вотъ я тебя высѣку.

— Какъ милость будетъ.

— Мошенникъ ты, Провъ,—сказалъ Баясный,—и мельникъ мошенникъ, у него каждую ночь, говорятъ, на мельницѣ старый баринъ кричитъ. Ну, а гдѣ же ты его видѣлъ въ тотъ вечеръ?

Провъ тоскливо поглядѣлъ барину на носъ и сталъ рассказывать.

По ночамъ всегда посылалъ дядюшка Баясный за Провомъ, чтобы онъ игралъ гѣсни на тонкій голосъ; самъ же баринъ въ это время сидѣлъ на кровати, слушалъ, пригрюнившись, и пилъ вино.—Голосъ у тебя очень жалобный,—говаривалъ баринъ, перебиралъ четки и посылалъ Прова узнавать, пѣтъ ли на деревнѣ молодухи.

Такъ было заведено, что крестьянскихъ дѣвушекъ

послѣ вѣнца отводили на первую ночь къ барину, который любилъ, чтобы отъ чистаго ихъ дѣвчяго тѣла пахло еще и церковнымъ ладаномъ.

— Ага, пріятно!—прервалъ разсказъ Иванъ Бальясный и, щелкнувъ языкомъ, поглядѣлъ налѣво въ уголь, гдѣ надъ кроватью висѣлъ портретъ, изображающей старичка небольшого роста, молитвенно поднявшаго мутные глаза горѣ; лицо было сухое и постное, съ рѣденькой бородой.

— Марина, мельникова внучка, барину приглянулась,—продолжалъ Провъ. Замучилъ онъ меня—духовные стихи пѣть; я пою, а онъ усмѣхается: скорѣе бы, говорить, Провъ, постъ прошелъ, просватаемъ телочку. И просватали. А какъ отъ вѣнца привезъ я ее ночью, она на полъ упала, не хочу, кричитъ, стараго, лучше умереть и все на себѣ изорвала. А баринъ, какъ селезень, около нея головой трется. Ну Марина поголосила, да некуда податься. Тутъ съ ней и порѣшили.

Провъ не окончилъ и повалился въ ноги...

— Отпустите меня, батюшка, мочи нѣтъ...

— А ты тутъ при чемъ?—спросилъ Иванъ Бальясный.

— Мужъ я, Марининъ-то...

— Мужъ!—удивился Бальясный, видишь ты... Ну, а куда же лошадь дѣлась?..

— Не знаю; должно быть, баринъ ночью сами ее взялъ; а у насъ болота кругомъ, долго ли до грѣха.

— Тебѣ завтра покажутъ болото,—крикнулъ Иванъ Бальясный,—завтра судъ прійдетъ. Поешь вонъ!

И, когда остался одинъ, прищурилъ Иванъ Бальясный глаза, пріятно улыбаясь, и сказалъ:

— На свѣтѣ все чудесно; вотъ въ Тамбовѣ прошлый годъ побился одинъ офицеръ объ закладъ, что не выходя изъ номера выпьетъ боченокъ рому... И что же, на третій день услышали товарищи его рыканье и крики; по всей гостиницѣ пошелъ смрадъ, а когда вбѣжали къ офицеру,

не осталось отъ него ни зерна, только въ стѣну воткнута была шпора, которой отлягивался онъ отъ змія... Много тогда дивились.

Поднявшись, подошелъ Иванъ Бальясный къ постели, провелъ рукой по бѣлымъ простынямъ, горячимъ отъ близости очага, и, посучивъ ногами, крикнулъ:

— Эй, послать сюда дѣвку!

И, когда скрипнула дверь, прибавилъ:

— Раздѣнь меня и почеси спину.

Но вошедшая остановилась не двигаясь, и Иванъ Бальясный раскрылъ ротъ, глядя на ея красоту.

Бедра у дѣвушки были широкія, на высокой груди складками разбѣгалась рубаха, перевязанная красной лентой, и голыя до локтей руки придерживали козынку, накиннутую на плечи.

А лицо! Глядя на него пуще засучилъ ногами Иванъ Бальясный: не лицо это было, а румяное поле, только глаза потуплены и въ углахъ губъ горькая складка.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Бальясный...

— Марина,—отвѣтила она тихо,—что прикажете!

— Такъ это ты дядохку извела!—воскликнулъ онъ весело и, подскочивъ, ущипнулъ Марину за щеку.

— Оставьте,—сказала Марина.

— Ну, нѣтъ, не отстану,—и, охвативъ ее за круглыя плечи, посадилъ на постель,—все про тебя знаю, красавица; вотъ завтра прійдетъ судъ, засудятъ васъ съ Провомъ да мельникомъ; плетью поглядятъ и на щечку каленое клеймо прижгутъ. И пойдете вы по Владиміръскі столбы считать... Нравится?

Марина низко опустила голову:

— Невинна я...

— Всѣ улики на тебя, не отвертись.

— Что вамъ отъ меня нужно?—спросила Марина.

— А ты не разговаривай.

Марина метнулась, въ ужасѣ поглядѣвъ на барина; щеки ея покрылись бѣлизной и губы открылись.

— Нельзя, баринъ; нехорошо здѣсь—отвѣтила она.

Но Баласный, крѣпко охвативъ Марину, приподнялся и поцѣловалъ ее въ ротъ.

Марина вскрикнула и, склоняся на подушку, скоронила голову.

— Маринушка, Маринушка,—забормоталъ Иванъ Баласный, и безусыя губы его, желтыя отъ табаку, вытягивались, какъ у утки.

— Я тебѣ, Маринушка, два рубля подарю, а утромъ со мной чай будешь пить и обѣдать тебя позову.

И, казалось Баласному—умираетъ Марина отъ страсти и страха, не въ силахъ болѣе противиться.

Въ это время стукнули въ стекло, и, вскрикнувъ, вырвалась Марина, и встала посреди комнаты, вся дрожа...

— Кто тамъ?—закричала она не своимъ голосомъ, вглядываясь въ темное окно...

Иванъ же Баласный съ головой залѣзъ подъ одеяло; но слыша за окномъ кучеровъ голосъ, расхрабрился и, выскочивъ изъ постели, раскрылъ раму, такъ, что влѣбли вѣтеръ и дождь, и затопалъ ногами:

— Пошелъ, на конюшню, Провъ, вотъ я тебѣ!..

Мокрый и сугулый Провъ медленно повернулся и, отойдя нѣсколько шаговъ, съ воемъ упалъ въ грязь, а Баласный захлопнулъ окно...

— Долго ли тебѣ кобениться,—крикнулъ онъ и ударилъ Марину по щекѣ.

Медленно прикрыла дѣвушка ладонью побитое мѣсто и больше не противилась.

Долго еще глѣли въ очагѣ угли, свѣтъ отъ нихъ скользилъ по бѣлымъ стѣнамъ, и, глядя съ тоскою передъ собою, слушала Марина вой вѣтра, говоря:

— Точно мнѣ, точно мнѣ... эхъ ты, баринъ!

И вглядывалась въ длинное лицо Ивана Баласнаго, съ утиннымъ носомъ и бѣлыми рѣсницами, въ забытыя лежащее на подушкѣ.

— Вотъ и тотъ такъ же спалъ,—продолжала говорить Марина,—совсѣмъ похожий. И рука моя на него поднялась. Одна порода. Одинъ конецъ...

Положивъ руку, чтобы успокоить часто поднимающуюся грудь, закусила Марина губы, и обернулась, встрѣтивъ полный страха, раскрытый взоръ Ивана Баласнаго.

Не въ силахъ оторваться, глядѣли они другъ другу въ глаза, оба блѣдные, и то, о чемъ одновременно думали они, возникало въ темномъ углу за пологомъ, облекалось плотью и надвинулось.

— Куда ты глядишь, на что?—закричала Марина, и, закрывъ глаза, всѣмъ тѣломъ тяжело легла на лицо живому еще любовнику и, томясь смертной тоскою, пролежала такъ до утра, чувствуя, какъ оскостѣли пальцы Ивана Баласнаго, сжавшіе ей бока...

1910 г.

ДѢВУШКИ.

Чего только ни рассказывали въ уѣздѣ про усадьбу Липки. Говорили, что у красавицъ-сестеръ Вари и Анюты былъ какой-то романъ, конченный плачевно, послѣ чего тетка ихъ, Анна Матвѣевна, принуждена держать племянницъ взаперти. Что сестры въ уединеніи занимаются Богъ знаетъ чѣмъ; или, будто, послѣ смерти отца, онѣ тайно постриглись; передавались и такія вещи, о которыхъ написать нельзя; словомъ, сосѣди на досугѣ судачили: отчего это сестры Перовы вотъ уже третій годъ никуда не показываются и никого не принимаютъ у себя?

Въ то время въ губернію назначенъ былъ изъ Петербурга новый чиновникъ, поручикъ, въ отставкѣ, Иванъ Васильевичъ Кремеръ.

Оказался онъ холостъ, права легкаго и по пріѣздѣ до того принялся ухаживать за нашими дамами, что тотчасъ ему приписали всѣ опасныя качества бретера и смѣльчака.

Между прочими сплетнями рассказали и о липкинскихъ страхѣхъ,—обозвавъ ихъ на этотъ разъ женщинами нечеловѣческой красоты. Иванъ Васильевичъ загорѣлся.

На именинахъ у предводителя подогрѣлъ себя еще невѣроятнымъ пари, и вскорѣ, придумавъ дѣловой предлогъ, поѣхалъ въ Липки.

II.

Дорога, въ сторону отъ тракта, вела по узкимъ межимъ и, заворачивая постоянно, пропадала въ хлѣбахъ. Ровной степи было на сорокъ верстъ—на четыре часа неторопливыхъ размышлений. Но Иванъ Васильевичъ, нагнувъ на голову парусиновый капюшонъ, дремалъ, облокотясь на подушки. Дѣйствительно, если слушать, какъ крутятся, захлебываясь, желѣзное кольцо колокольчика, глядѣть на ровную, зеленую, желтую, вдаль вспаханную, степь, вглядываться въ зыбкія волны пара на горизонтѣ и думать—ей-Богу, не стоитъ, заведутъ такого созерцателя подобныя мысли въ трудныя мѣста.

Встряхнулся Иванъ Васильевичъ и потянулъ носомъ, когда солнце, уходя во мглу передъ началомъ заката, пожелтѣло, и лошади медленно шли на крутую гору...

— Доѣхали?—спросилъ онъ; ящикъ не отвѣтилъ; а съ горы уже открылись зеленые бока овраговъ, глиняныя водомоины, прудки, на склонахъ скотъ, отраженный въ водѣ, и вдаль темный, кудрявый садъ и въ немъ куполь бесѣдки.

«Чортъ возьми, а вдругъ онѣ—рожи!» подумалъ Иванъ Васильевичъ, вертя головой, когда сбоку замелькала заборь... Вѣтви деревьевъ надъ мостикомъ хлестнули по дугѣ, и въ глубинѣ лужайки всталъ старый, какъ ящикъ, обвѣтренный отъ непогоды, домъ.

III.

Балконъ, куда прошелъ Иванъ Васильевичъ, быть пусть, но на кругломъ столѣ кипѣлъ самоваръ; перекинутый черезъ баллюстраду висѣлъ турецкій шарфъ, чуть колыхаясь, и у порога лежала бѣлая туфелька. Осмотрѣвшись, Иванъ Васильевичъ поднялъ туфлю и засмѣялся.

«Прямо разбѣжались, башмаки растеряли!»—подумалъ онъ, и, вслушиваясь, прислонился къ штукатуренной колонкѣ, но только пчелы гудѣли, садясь на варенье, да изъ сада тянуло сухимъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и влажнымъ—съ круглыхъ клумбъ...

«Точно дѣвушка прошла повсюду, и садъ запахъ цвѣтами,—опять подумалъ Иванъ Васильевичъ.—Совѣмъ дѣвичій монастырь; какія онѣ на самомъ дѣлѣ? Туфля маленькая, съ высокимъ подъемомъ, значитъ, нога стройная и полная. Носокъ заширокъ отъ бѣготни по травѣ... а внутри слѣды краски... отъ краснаго чулка... И, размышляя надъ туфлей, онъ представилъ себѣ ея обладательницу. Въ это время скрикнуло позади. Онъ живо обернулся; изъ двери испуганно выглядывала сморщенная старуха въ наколкѣ... Иванъ Васильевичъ сунулъ туфлю въ карманъ и поклонился...

— Вамъ что угодно, мы не принимаемъ,—спросила старуха, держась за косякъ,—брови у нея поднялись и смиренные глаза глядѣли съ новымъ страхомъ на черные подусники гостя...

Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ показать бумагу и объяснить, по какому дѣлу пріѣхалъ... Старуха перестала бояться и, съ неожиданной живостью, вытащивъ очки, прочла документъ, усадила гостя и, дотрогиваясь до его колѣна, принялась пространно рассказывать о тяжбѣ своей съ крестьянами... Потомъ спохватилась, угостила чаемъ и съ умилениемъ глядѣла, какъ Иванъ Василье-

вичъ ѣстъ лепешки. Запахъ цвѣтовъ усилился, угомонились птицы въ кустахъ, и только на осинѣ неподалеку дрожали листья; но ей и Богъ велѣлъ дрожать; остальное же все отходило на вечерній покой...

— Весной землемѣръ пріѣзжалъ, пустила почевать, такъ онъ дѣла-то не дѣлалъ, а и на кухню и въ садъ и по комнатамъ, всюду носъ свой принималъ совать, а чосъ длинный у него, такой проныра,—сказала тетушка...

— Вотъ, дѣйствительно проныра,—отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ,—вы бы его щелкнули по носу, а кстати, что это не видно вашихъ племянницъ?..

Тетушка смолчала, Иванъ Васильевичъ покосился, на глазахъ у нея стояли слезы, и старушечьи губы опустились углами внизъ.

— Въ угловой, батюшка, ляжете, а закуску на ночь съ бабой пришлю,—сказала она и повела гостя въ комнату для пріѣзжихъ, сама вдула огонь и, вздохнувъ, притворила за собой дверь.

Иванъ Васильевичъ живо подбѣжалъ къ окну, просунулся въ садъ и сталъ слушать, раздумывая, какъ бы увидать дѣвицъ.

Немного погодя, вошла высокая и просторная баба съ подносомъ, на которомъ стоялъ холодный ужинъ...

— Послушай, красавица,—сказалъ ей Иванъ Васильевичъ,—отчего у васъ всѣ прячутся, я вѣдь не волкъ.

— А кто прячется, мы никого не боимся, всѣ на виду,—нараспѣвъ отвѣтила баба, поведя глазами.

— А гдѣ же ваши барышни?..

— Барышни, спать пошли... У насъ ложатся спозаранку; какъ стадо пригонять, молочка парного попьютъ и лягутъ...

— И никто у васъ не бываетъ, ни съ кѣмъ не знакомы?

— Зачѣмъ, наши барышни очень себя соблюдаютъ...

— Охъ, баба лукавая, сама-то ты себя соблюдаешь ли?

Баба сейчас же удивилась и подняла черныя брови...

— А вы откуда знаете?..

— Все знаю, на аршини подь тобой вижу, знаю, на-примѣръ, что барышни ваши наверху живутъ.

— Охъ, батюшки.

— И комната ихъ направо по коридору...

— Вотъ и неправда—налъво.

— Ты отъ сада считаешь?

— Ну, да.

— А я отъ крыльца. Какъ тебя зовутъ?

— Анисья.

— Щекотки боишься?

Тутъ баба совѣмъ растерялась; Иванъ Васильевичъ, пощекотавъ ее для вида, выпросилъ между смѣхомъ все, что надо, и на прощанье шлепнулъ по спинѣ; баба убѣжала. А онъ задулъ свѣчи и, посмотрѣвъ, не бѣгаютъ ли собаки, выпрыгнуть въ садъ.

Всѣ окна были темны, кромѣ послѣдняго наверху, завѣшаннаго штормой. Напротивъ росла осина, дерево ненадежное, но Иванъ Васильевичъ все-таки рискнулъ: подпрыгнувъ, ухватился за вѣтку и полѣзъ наверхъ, выбирая крѣпкіе сучки; въ уровень раскрытаго окна, пригнулся и въ щель, не совѣмъ задвинутой занавѣски, увидѣлъ уголъ ковра, на немъ тувельку, пару той, что лежала въ карманѣ, и край тяжелаго кресла, должно быть, у кровати. Вслѣдъ за этимъ услышалъ онъ ровный голосъ. Это сестра сестрѣ читала вслухъ «Обрывъ».

«Вотъ чортъ, хоть бы вѣтеръ подулъ,—подумалъ Иванъ Васильевичъ,—или вѣткой, что ли, отогнуть занавѣску»...

— Ахъ, ну что же изъ этого,—вдругъ перебилъ чтеніе тоненькій взволнованный голосъ,—ты сама, видишь—писатель вывелъ самыхъ лучшихъ дѣвушекъ и все-таки одна не выдержала...

— Сегодня, право, Анюта, не узнаю тебя,—отвѣтилъ

голосъ читавшей,—ты взволнована... Неужто тебѣ нужна вся эта грубость...

— Все-таки любопытно... Ты говоришь, мы должны жить, какъ чистые ангелы... Какіе мы ангелы... вотъ романъ читаемъ: сама же ты рассказывала — на прошлой недѣлѣ всю ночь офицеръ тебѣ снился...

— И я тоже страдаю, потому что мы земнородныя... Пойми—каждая дѣвушка хранить небесный огонь. А мужчина смертный—его дѣло похитить огонь, а наше хранить. Вотъ почему къ намъ лѣзутъ со всѣхъ сторонъ...

— Почему же его и не отдать, если имъ такъ ужъ нужно,—помолчавъ, негромко возразила Анюта; Иванъ Васильевичъ завылсилъ въ листѣ...

— Какая ты ничтожная, какъ хочется тебѣ всей этой будничной гадости... Неужто ты не въ силахъ сломить желаніе; ужасно, у каждой изъ насъ словно жерновъ привѣшень... Будь сильной, Анюта; вѣдь если въ лѣсу съ тобой повстрѣчаются волки, ты не захочешь, чтобъ съѣли тебя...

На это Анюта ничего не отвѣтила, вздохнула только и попросила:

— Варя, погадай мнѣ.

Иванъ Васильевичъ, сощури глазъ, вытянулъ шею и увидѣлъ: на коверъ ступила босая нога и пролетѣлъ за нею бѣлый подолъ юбки...

Варя принесла карты и, раскладывая ихъ, заговорила:

— Ну, что гадать—только разстраиваться... Конечно, и для насъ придетъ день, какъ и для всякой дѣвушки, такъ ужъ лучше не думать о немъ, не ждать, оттягивать... Изъ умныхъ, станемъ мы обыкновенными, изъ прозорливыхъ слѣпными... Узнаемъ и роды и смерть... Но что это, смотри, какъ легли карты! Тебѣ грозитъ опасность. На сердцѣ красный валетъ. Ты что-то скрыла, Анюта, будто

вблизи насъ злая воля. Врагъ... Тузъ. Пстой, я разложу еще...

Стало вдругъ очень тихо. И за окномъ и въ комнатѣ. Шелестѣли только листья... Вдругъ Варя воскликнула съ испугомъ:

— Смотри, опять тѣ же карты! Рукой моей кто-то водить...

— Покажи, покажи...

— Нельзя... Я чувствую, кто-то у насъ за окномъ...

Вслѣдъ за этимъ слышно было, какъ на коверъ прыгнули дѣвичьи ноги; занавѣсъ, отогнутый пальцами, распахнулся, выпустивъ свѣтъ въ густую листву, и черезъ подоконникъ перегнулась Варя; двѣ косы ея упали напередъ, шея вытянулась. Она вскрикнула и взялась за раму: изъ листвы глядѣло на нее усатое лицо, съ блестящими глазами.

IV.

Если бы Иванъ Васильевичъ былъ на землѣ или высоко надъ ней, онъ спрыгнулъ бы и удралъ, конечно. Но сейчасъ онъ вцѣпился только покрѣпче въ вѣтви и молчалъ...

— Кто вы?—спросила Варя...

— Ай!—крикнула изнутри Анюта...

— Я случайно сюда попалъ,—отвѣтилъ, наконецъ, Кремеръ,—хотѣлъ передать туфельку—вы потеряли ее...

— Это—моя, дайте сюда,—воскликнула Анюта и появилась въ окнѣ рядомъ съ сестрой. Обѣ онѣ были въ ночныхъ кофточкахъ и бѣлыхъ юбкахъ... У Анюты золотые волосы были окружены вокругъ головы, щеку ея и ухо заливалъ свѣтъ лампы, худощавое лицо Вари осталось въ тѣни...

— Дайте туфлю и убирайтесь,—сказала Варя,—иначе я позову на помощь...

— Что ты, всё услышать, стыдъ какой!—перебила Анюта.—А вы не свалитесь? Вѣдь это вы пріѣхали сегодня на тройкѣ?.. Господи, какой смѣшной, полѣзъ на дерево...

И, хлопнувъ ладошами, она принялась смѣяться... Кремеръ поглядѣлъ внизъ: подъ деревомъ, ворча, уже сидѣли собаки...

— Ну, ужъ я теперь ни за что не слѣзю,—сказалъ онъ,—извините, я подслушала вашъ разговоръ...

— Какая гадость,—воскликнула Варя...

— Нѣтъ, отчего же, я бы на вашемъ мѣстѣ пригласилъ совѣтчика... Вопросъ очень сложный...

— Онъ еще разсуждаетъ,—перебила Анюта,—а вамъ удобно сидѣть?

— Превосходно... Мнѣ кажется, что ваша сестра немного ошибается: я никогда не понималъ отшельниковъ; по-моему, они—эгоисты и все; если у васъ есть сокровище—отдайте его поскорѣ намъ грѣшнымъ. Что бы стало, если бы всё дѣвушки заперлись въ терему...

— Вотъ слово въ слово весь вечеръ ей толковала,—сказала Анюта...

— Молчи, молчи,—прикрикнула Варя, но сестра уже сѣла на подоконникъ, охвативъ колѣно... и продолжала.—Какъ папа умеръ, Варя принялась ходить въ церковь, служить обѣдни и рѣшила, что мы не должны быть такими, какъ всё... А я—самая обыкновенная, въ родѣ нашей Аннсы.

— Боже мой, что ты говоришь,—опять перебила Варя, прислонясь съ другой стороны къ окну,—слушайте, сударь, если вы только человѣкъ, убирайтесь; это неприлично, это неслыханно, этого не бываетъ...

— Къ несчастью, убраться могу только черезъ вашу комнату...

— Давайте руки,—сейчас же воскликнула Анюта; Иванъ Васильевичъ почувствовалъ въ своей рукѣ и во кругъ кисти горячія ладони, изловчился и съ вѣтки прыгнулъ на подоконникъ и въ комнату. Анюта смѣялась этому, тряся пальцами, Варя же, гнѣвная, съ пылающими глазами, раскрыла дверь, повторяя:

— Уходите, уходите, не оглядывайтесь...

Иванъ Васильевичъ все-таки оглянулся.—Комната была бѣлая, съ двумя кроватями и кружевнымъ туалетомъ; на коврѣ валялись разсыпанные карты.

— Хотите я вамъ погадаю,—сказалъ онъ, мигнувъ отъ такой наглости.

— Убирайтесь,—топнувъ ногой, повторила Варя.

— Нѣтъ ужъ, если онъ дѣйствительно такъ нахально поступилъ съ нами, пусть останется въ круглые дураки играть,—отвѣтила Анюта, соскальзывая съ окошка.

Варя сейчасъ же повернулась, взяла соль, понюхала и сказала:

— Все равно, я отсюда не уйду...

А Кремеръ спросилъ:

— Если я проиграю, то что?

— То вы останетесь у насъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не надоѣтъ,—воскликнула Анюта, присѣвъ надъ разсыпанными картами.

Когда, неслышно, подошла по коридору тетушка, взволнованная необычайной возней наверху, и отворила дверь, брови у нея поѣхали вверхъ, глаза замигали и задрожали дрожью старушечей подбородокъ. У стѣны, заложивъ руки, стояла Варя, какъ всегда, но кривила тонкія губы усмѣшкой. Анюта же, повалилась на кресло, охала и топала ногами, а посрединѣ комнаты, на коврѣ сидѣлъ Иванъ Васильевичъ въ ночномъ чепцѣ...

— Въ дуракахъ, въ дуракахъ, ни разу не выигралъ,—

проговорила Анюта, вскочила, поцѣловала тетушку и прошептала громко:

— Почему вы раньше не говорили, что на свѣтѣ такіе смѣшные люди живутъ? Знаете, на что мы съ нимъ играли?.. Если я выиграю...

— Да, я дѣйствительно проигралъ,—отвѣтилъ Кремеръ...

Тетка перевела глаза на Варю, которая пожала плечами и отвернулась, какъ бы утверждая: «Я всегда отъ нея ожидала этой низости».

— Дураки дураками, а стыдъ какой, ночью по окошкамъ лазить, идите спать, сударь,—твердо проговорила тетушка и, выведи въ темный коридоръ гостя, стала строго на него смотрѣть.

— Удивительная, знаете, эта игра въ круглые дураки,—началъ Кремеръ шопотомъ.

— Нѣтъ, ужъ сама вижу, что дѣло нешуточное... Спасибо вамъ, батюшка, вѣдь къ нашимъ-то дурамъ только смѣхомъ и можно было пробраться,—перебила тетушка,—всѣ вѣдь дѣвушки своенравныя, а наши пуще того... Ну, а теперь, слава Богу, женитесь, батюшка, на здорьевъ...

— То-есть, вы какъ это; ого...,—началъ Иванъ Васильевичъ; подумалъ минуту и, взявъ тетку подъ локоть, окончили дѣловито,—пожалуй, вы правы... Сейчасъ соображу...

КАТЕНЬКА.

(Изъ записокъ офицера.)

18 мая 1781 года я получилъ, наконецъ, командировку и сталъ поспѣшно готовиться въ отъѣздъ.

Привлекала меня не выгодность ремонтнаго дѣла (я былъ достаточно богатъ), а желаніе поскорѣе вырваться изъ Петербурга на свѣжій вѣтеръ степей, провести остатокъ мая въ деревняхъ (гдѣ по вечерамъ поютъ на озерѣ дѣвушки), поспать въ бричкѣхъ подъ открытымъ небомъ, мечтая о глазахъ, въ которые въ этотъ день успѣлъ заглянуть; послушать на вѣтѣзжей рассказы побывальщиковъ... словомъ, я былъ молодъ и жаждалъ приключеній.

И вотъ, на третій день утромъ, бричка моя, прогремѣвъ по деревянной мостовой Московской заставы, мягко понеслась мимо сосенъ и моховыхъ болотъ торной дороги; побѣжали верстовые столбы наветрѣчу, ласково покривались ямщикъ и цѣфты можжевелника пахли такъ, что на глаза навертывались слезы.

Я же, сбросивъ съ плечъ казенную шинель, сунулъ ее вмѣстѣ съ мундиромъ въ чемоданъ, надѣлъ просторный халатъ и, закуривъ трубку, сталъ слѣдить полетъ коршуновъ надъ лѣсомъ.

Не описываю перваго времени долгаго пути—дни были однообразны и каждый увеличивалъ радость, и сердце мое сильнѣе щемила грусть.

Что можетъ быть слаше любовной печали? Есть ли въ свѣтѣ болѣе желанная боль, чѣмъ мечты о той, которую еще не видѣлъ, но чей образъ, ежечасно измѣняясь, прекрасный и неуловимый, то склоняется во снѣ къ губамъ, то сквозить за листьями дубравы, заманивая въ глушь, то всплеснется въ озерѣ и отовсюду слышится легкій его смѣхъ.

Однажды, послѣ полудня, я подѣхалъ къ земляной крѣпости, ворота которой были отворены, и на чистомъ дворикѣ два инвалида играли въ карты, сидя на пушкѣхъ при чемъ взятки записывали на зеленомъ лафетѣ мѣломъ.

При моемъ появленіи оба они подняли головы, защитивъ глаза отъ солнца, а я спросилъ строго:

— Гдѣ комендантъ?

— А вонъ тамъ комендантъ,—отвѣчалъ тотъ, кто былъ помоложе, ткнувъ пальцемъ по направленію деревяннаго, съ воротами и заборомъ, домика, прислоненнаго къ крѣпостной стѣнѣ...

Въ прохладныхъ сѣняхъ, куда я вошелъ, на меня залаялъ песъ, но былъ настолько старъ, что едва прохрипѣвъ, принялся опять ловить блоху, кусавшую его.

Не обративъ на собаку вниманія, я отворилъ дверь въ комнату, обитую желтымъ тесомъ, съ низкимъ, но длиннымъ окномъ; сквозь него солнечный лучъ игралъ на изразцовой лежанкѣ, на которой сидѣлъ старый инвалидъ, занимаясь вязаніемъ чулка.

Кряхтя, инвалидъ поднялся мнѣ наветрѣчу и спросилъ:

— Кого вамъ, батюшка, надобно...

— Коменданта!—воскликнулъ я.

— Комендантъ спитъ,—отвѣтилъ старичокъ,—пообѣдай и спать легь.

— Так разбуди его, скажи, что приѣхалъ адъютантъ Зарубный.

Старый инвалидъ, качая головой, подошелъ къ двери и сталъ осторожно стучать, на что, послѣ нѣкотораго молчанія, послышалось шарканье туфель и сердитый голосъ:

— Вотъ я тебя поколочу—меня будить...

— Ваше благородіе,—сказалъ старичокъ, слегка отступая,—къ вамъ приѣхали...

Дверь тогда отворилась и вошелъ комендантъ, съ лицомъ, плохо бритымъ, краснымъ и четырехугольнымъ; на головѣ у него надѣтъ былъ коричневый колпакъ, а халатъ изъ тармаламы замасленъ.

— Ну, что надо?—сердито сказалъ комендантъ, беря у меня подорожную,—не могли подождать!

И, читая, онъ надѣлъ очки.

Но, увидѣвъ мой высокій въ сравненіи съ нимъ чинъ, такъ растерялся, что уронилъ съ носа очки и, снявъ колпакъ, молвилъ:

— Сударь мой, не угодно ли присѣсть,—и тотчасъ же добавилъ:—батюшка, изволили вы кушать?

Въ это время ящикъ внесъ мой чемоданъ и я поспѣшилъ надѣть мундиръ, изъ-за отсутствія котораго вышло все недоразумѣніе, и пріосанился...

Тогда бѣдный комендантъ воскликнулъ:

— Если такъ, то и я надѣну мундиръ,—и, придерживая халатъ, вышелъ.

Я же, присѣвъ на лавку у окна, принялся разсматривать гравюрные портреты генераловъ на стѣнѣ, комендантовъ орденъ, лежащій вмѣстѣ съ парадной треуголкой и ларикомъ подъ стеклянной крышкой, и не замѣтилъ поэтому, какъ отворилась третья въ комнатѣ дверь и женскій голосъ произнесъ:

— Ахъ, посторонній мужчина.

Оглянувшись, все же я успѣлъ разсмотрѣть, пока захлопывались половинки, розовый подолъ платья, изъ-подъ котораго выглядывала ножка въ бѣломъ чулкѣ, и нѣжную руку, поднесенную къ груди; лицо же было скрыто отъ меня темными локонами...

Сердце мое слегка билось; вошедшій комендантъ попросилъ откушать.

Мундиръ на комендантѣ былъ смятъ, узокъ, чрезвычайно пахнулъ листовымъ табакомъ и высокій воротникъ вѣшивался въ багровую его шею.

Во все время обѣда комендантъ посматривалъ на дверь и сопѣлъ носомъ, какъ мнѣ показалось, тайно беспокоясь...

Когда же я спросилъ, кто та дама въ розовомъ, испугавшаяся меня, онъ уронилъ стаканъ и, откинувшись на спинку стула, испуганно выпучилъ глаза, а туго затянутая салфетка, торча за его затылкомъ двумя ушами, увеличила сходство коменданта съ осломъ...

— У насъ, сударь, нѣтъ никакой дамы,—произнесъ онъ, запкаясь.

Я понялъ, что комендантъ лжетъ, но пока не настаивалъ, хотя любопытство мое было разожжено.

Послѣ обѣда я легъ въ полутемной комнатѣ коменданта на кожаный диванъ и, растегнувъ мундиръ, слушалъ утомительное жужжаніе мухъ и скрипъ сверчка; но, когда вѣлки смежились, сквозь дремоту услышалъ я негромкіе голоса изъ столовой:

— Вотъ этого-то и нельзя,—поспѣшнымъ шопотомъ говорилъ комендантъ,—ну, хочешь, я сошью тебѣ еще одно платье...

— Не хочу,—отвѣчалъ капризный голосъ,—самъ носи, и запираться не хочу. Фу, какой ты противный... старый...

— Что же,—отвѣтилъ комендантъ, помолчавъ,—зато я комендантъ.

Я хотѣлъ было приподняться, чтобы поглядѣть, кто такъ горячо спорить, но усталость превозмогла: голова моя сладко ушла въ подушку и тѣло отдѣлилось отъ земли...

...Проснулся я отъ страннаго чувства—близости чело-вѣческаго существа; было совсѣмъ темно; протянувъ руку, я тронулъ шелковую юбку и ощутивъ, понявъ, что пальцы мои скользятъ по ногѣ, горячее, несмотря на покрывающую ее одежду...

— Кто тутъ?—спросилъ я тихо.

Въ отвѣтъ мнѣ засмѣялись и на диванъ присѣла дама, раскинувъ по мнѣ легкое платье; я приподнялся на локтѣ, но горячіе ея пальцы погладили меня подъ подбородкомъ и ущипнули; я потянулся и, прижавшись губами къ рукѣ, весь задрожалъ...

— Тихе,—сказала дама и, легко толкнувъ меня, легла рядомъ, тѣсно придвинувшись.

Какихъ безумствъ не дѣлаетъ молодость! И то, что читателю покажется невѣроятнымъ, совершилось,—наше объятіе было шаловливо-сладко, прерываемое иногда нѣжнымъ смѣхомъ незнакомки.

Но, услышавъ дальніе шаги, поспѣшно соскользнула съ дивана моя возлюбленная и скрылась за дверь; я же крѣпко уснулъ и вторично былъ разбуженъ тяжельмъ топотомъ шаговъ и словами:

— Проснитесь, ваше благородіе, несчастіе...

Въ испугѣ я сразу сѣлъ, сбросивъ ноги и открывъ глаза; передо мною стоялъ комендантъ въ высокихъ ботфортахъ, въ мундирѣ, перевязанномъ портузей и колкамъ; въ рукѣ же держалъ онъ желѣзный фонарь.

— Что случилось,—воскликнулъ я и, заслонивъ глаза отъ свѣта, почувствовалъ, какъ пахнуть духами мои пальцы... Потому, улыбаясь, я плохо слушалъ докладъ перепуганнаго толстяка:

— Какъ успели вы,—разсказалъ онъ,—донести мнѣ, что близъ крѣпости бродитъ шайка разбойниковъ; тотчасъ же, въ сопровожденіи моихъ солдатъ, я усакалъ; какъ видите, вотъ потерялъ шляпу; намъ почти удалось ихъ окружить; но, возвратясь, я не нашелъ ни вашихъ лошадей, ни экипажа.

— И я не былъ съ вами!—воскликнулъ я,—и безопасно спать!..

Комендантъ тотчасъ поставилъ фонарь и, поглядѣвъ на меня искоса, спросилъ:

— А вы, дѣйствительно, спали?

— Вотъ ревнивецъ, не сидѣлъ же я съ вашей женой.

— Женой!—закричалъ комендантъ,—почему вы знаете, что я женатъ...

— Я видѣлъ и слышалъ, какъ вы разговаривали за дверь; послушайте, сейчасъ же познакомьте меня съ вашей супругой.

— Она спитъ,—застоналъ комендантъ, хватаясь за остатки волосъ, и вдругъ сѣлъ на стуль...

— Отложите хотя бы до утра, ваше благородіе. Ахъ, это не женщина, а чортъ. Вотъ скоро годъ, какъ я женился, а сплю все время на этомъ диванѣ, одинъ, какъ персть...

И, глядя на свой указательный палецъ, комендантъ зарыдалъ, я же участливо потрепалъ его по кобѣнкѣ.

На слѣдующее утро, волнуясь, я тщательно заплелъ косицу, перевязавъ ее лентой, выбрился и, охорашивая мундиръ, надушилъ усы.

Въ столовой у самовара сидѣла моя вчерашняя возлюбленная, въ томъ же розовомъ платьѣ, скромно опустивъ глаза. Высоко подхваченные ея волосы были напудрены, углы подведеннаго рта приподняты и на лѣвой щекѣ у ней было маленькое родимое пятно.

Увидѣвъ меня она привстала и подала руку, которую я поцѣловалъ...

— Катенька,—воскликнул комендантъ, не сводя съ жены ревнивыхъ глазъ,—налей же его благородно чаю...

— Его благородіе не обесудить,—слегка покраснѣвъ, молвила Катенька, и подняла на меня свои свѣтло-зеленые, длинные, разрѣзанные вкось, глаза.

Я тотчасъ сталъ, безъ умолку, болтать, забавно описывая свое путешествіе и долго не могъ понять: для чего Катенька, несмотря на прохладное утро, обмахивается вѣеромъ.

Она опускала вѣеръ на колѣни и поднимала вновь, то прикладывая къ губамъ, то къ уху и плечу и слегка хмурила брови...

Тогда я сообразилъ, что она говоритъ мнѣ языкомъ вѣеровъ, припомнилъ уроки петербургскихъ модницъ и прочелъ: «разбойники выдуманы, ваши лошади въ надежномъ мѣстѣ... Вамъ будетъ скучно?»

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—воскликнулъ я, съ жаромъ.

— Чего нѣтъ?—подозрительно спросилъ комендантъ.

— Разбойники, они не осмѣлятся вновь прійти.

— Эге,—мрачно сказала комендантъ,—тутъ есть чѣмъ пожиниться...

Катенька быстро опустила вѣеръ и приложила къ сердцу.

— «Вы меня любите?»

— Безумно, да, да,—воскликнулъ я...

— Что вы, батюшка, все «нѣтъ», да «да»,—забезпокоился комендантъ,—животъ что ли болитъ?..

— «Намъ нужно увидѣться сегодня ночью. Придумайте, какъ устроить»,—прочелъ я на вѣерѣ.

— Комендантъ,—воскликнулъ я, вставая,—идемте же осмотримъ укрѣпленія...

Я проявилъ большой интересъ къ служебнымъ обязанностямъ и торопилъ коменданта, чтобы усыпить его мнительность.

Комендантъ шелъ впереди меня по фортпостамъ и, размахивая руками, объяснялъ:

— Вотъ здѣсь мы починимъ, а здѣсь заткнемъ, а здѣсь...

На полсловѣ, онъ обрывалъ и теръ себѣ лобъ, бор-моча:

— Что она придумала?..

Но я ободрялъ его:

— Вы лучший изъ комендантовъ, почтеннѣйшій.

Мы осмотрѣли арсеналъ, гдѣ сушилось бѣлье, и пѣгій теленокъ лежалъ въ углу, жуя казенную португую... Наскоро пробѣжали отчетныя книги, при чемъ комендантъ такъ быстро водилъ по строчкамъ пальцемъ, что мнѣ казалось—я скачу на тройкѣ и смотрю подъ колеса.

Потомъ пошли обѣдать. Катенька, разливая супъ, покраснѣлась и сложила губы такъ, что я, во избѣжаніе неосторожности, сталъ смотрѣть въ стаканъ, углѣвъ все-таки прочесть на чудесномъ языкѣ ея вѣера:

— «Торопитесь. Мужъ догадывается».

Тогда, сдѣлавъ строгое лицо, сталъ я объяснять, что не позволю разбойникамъ подѣ носомъ у себя изъ крѣпости красть лошадей, поэтому приглашаю послѣ обѣда поѣхать коменданта со мной въ лѣсъ для поимки негодяевъ.

Комендантъ съ радостью согласился и велѣлъ принести вина; я же подумалъ:

— Ахъ, плутъ!

Выкуривъ послѣ обѣда по нѣскольку трубокъ и отдохнувъ, мы сѣли на верховыхъ лошадей и, въ сопровожденіи четырехъ пѣшихъ инвалидовъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, поѣхали въ лѣсъ.

Сердце мое сильно билось и я, тихонько смѣясь, горячилъ коня, притаившаго черезъ валежникъ.

Между красныхъ стволовъ показывалось заходящее солнце, въ оврагѣ же, куда мы спустились, было сыро и темно.

Я положилъ руку на плечо коменданта и прошепталъ:
— Оцѣнимъ этотъ оврагъ; я подожду здѣсь, а вы по-
ѣзжайте въ обходъ и ждите, пока выстрѣлю изъ пистолета.

Оставшись одинъ, я видѣлъ, какъ со дна оврага под-
нимался бѣлый туманъ; скоро хрустъ вѣтвей и шаги вдалекѣ
затихли; тогда, ударивъ коня плетью, я поскакалъ въ крѣ-
пость...

Катенька ждала меня въ темныхъ сѣняхъ и, когда я,
запахавшись и цѣлуя ее въ щеки, говорилъ: «милая,
родная, душа моя» откинула голову и стала такъ хохотать,
что я, испугавшись, увлекъ ее къ двери.

— Здѣсь нельзя оставаться.— сказала она, сквозь все-
слезы,—услышите старикашка...

— Катенька, не мучай,—молилъ я,—минуты дороги...

Катенька схватила мою руку и, соскочивъ съ крыльца
на дворикъ, подбѣжала къ крытому тарантасу, стоящему
подъ соломеннымъ навѣсомъ. Смѣясь приподняла она
плате и прыгнула въ тарантасъ, преслѣдуемая мной.

Внутри тарантаса пахло кожей и пылью, и мы могли
цѣловаться, не видимые никѣмъ.

Катенька дергала меня за усы, щекотала, возилась,
какъ котенокъ и, сидя на колѣняхъ, говорила всякій
вздоръ.

Но вдругъ за воротами послышался топотъ и громкій
голосъ коменданта.

— Гдѣ онъ? Я не посмотрю на чины... эй, дураки,
чего смотрите, ищите ихъ...

Катенька закрыла мнѣ ротъ рукой, смотря въ окошко
тарантаса, я же взялся за эфесъ шпаги, готовый на все.

По дому, въ сѣняхъ и на дворѣ ходили инвалиды, освѣ-
щая фонарями всѣ углы; комендантъ же топалъ ногами
и махалъ обнаженной шпагой.

Пробѣгая мимо тарантаса онъ остановился и, подумавъ,
открылъ дверь.

— А,—воскликнулъ онъ,—нашелъ, вяжи ихъ.

И направилъ на меня шпагу; я же, быстро вынувъ
свою, скрестилъ клинки и, вышибивъ оружіе изъ рукъ
коменданта, кольнулъ его въ плечо.

Комендантъ охнулъ и сѣлъ на землю, а я, поднявъ
пистолетъ, приказалъ инвалидамъ:

— Ни съ мѣста, я вашъ начальникъ!

Инвалиды отдали честь, стоя съ фонарями; комен-
дантъ же сказалъ:

— Воръ, бери мою жену, вези куда хочешь!

И вдругъ закричалъ въ ярости:

— Запрягайте лошадей въ тарантасъ, везите ихъ къ
чорту.

И, разорвавъ на груди кафтанъ, зарыдалъ...

Такъ я обрѣлъ себѣ вѣрную жену, а впоследствии
сдѣлался счастливымъ отцомъ четырехъ малютокъ.

1910 г.

СОРЕВНОВАТЕЛЬ.

Дядюшка выкатилъ свинцовые съ багровыми жилами глаза, повелъ усами и басомъ отчеканилъ:

— Я, братъ, дуракъ, а тебя, братъ, въ люди выведу. И многозначительно помахать трубкой, которая, какъ и все въ дядюшкиномъ дому, была крѣпка и двусмысленна: ею бивалъ онъ бургомистра, осенью однажды расправился въ оврагѣ съ тремя бѣлыми, и заѣзжіи живописецъ изобразилъ его держащимъ эту трубку какъ копые, придавъ глазамъ отвагу и высокое чувство.

Послѣ высказаннаго, дядюшка прошелся по залѣ, гдѣ сидѣлъ съ молодымъ племянникомъ Нарцисомъ Львовымъ и, повертываясь спиной, представлялъ какъ бы двухпальную перину съ надѣтымъ поверхъ бархатнымъ камзоломъ, до того замасленнымъ на локтяхъ, спитъ и понижѣ, что неопытный глазъ удивлялся, изъ чего онъ спитъ; снизу на него были натянуты необычайной ширины красные штаны; голова же, какъ и все, была большаго размѣровъ.

Туфли шаркали по паркету и сизый дымъ слѣдовалъ за усами.

— Я тебѣ благодарствую, за то ты меня уважаешь,—

воскликнулъ онъ и, дойдя до стѣны, обернулся, показавъ подъ камзоломъ груди, покрытыя шерстью.

Нарцисъ Львовъ нѣжно улыбнулся и, склонивъ къ плечу голову, меланхолически поглядѣлъ на все то, что не было прикрито.

— Ахъ, чортъ, а не опредѣлить ли тебя въ гусары. А, гусары, чортъ...

Тутъ онъ захватилъ рукою усы, и произошло необычайное, къ чему племянникъ привыкъ вполне, а именно: всколебавъ табачное облако, раскатился дядюшка, какъ изъ пушки, и залился загѣмъ тончайшимъ смѣхомъ.

— Дядюшка, васъ разорветъ,—молвилъ племянникъ...

— Разорветъ, говоришь, а знаешь ли каковъ я былъ гусаромъ...—дядюшка разставилъ ноги посреди залы и впасть въ задумчивость...—Стояли мы въ сельцѣ... вотъ какъ его... покойнаго генераль-фельдмаршала вотчинѣ, и полковникъ нашъ графъ Дибичъ...

— Однако, дядюшка,—перебилъ Нарцисъ Львовъ,—кажется, ѣдутъ гости...

— Гдѣ?—крикнулъ дядюшка и перегнулся, сколько могъ, въ окнѣ. Нося фамилію крѣпкую—Кобелевъ, любилъ онъ принять хорошихъ гостей.

— Гостю радъ,—кричалъ дядюшка,—эй, холопы, лошадей отпречь и въ табунъ, а карету въ прудъ, чтобы не разохлась.

Нарцисъ Львовъ передъ зеркаломъ трюмо завилъ на палетѣ каптановый локовъ парика, обдернулъ къ чулкамъ свѣтлые панталоны и надъ головой встряхнулъ пальцами, чтобы побѣлѣла ихъ кожа и кружева камзола легли приятными складками.

Длинный парень, по имени Оглобля, глядя, какъ птица, сверху внизъ, распахнулъ половинки дубовой двери, и въ комнату вошелъ гость безъ шубы, въ очкахъ, суховатый

и плохо въ дорогѣ бритый, пожилыхъ лѣтъ, но не одинъ, за нимъ, наклонивъ въ соломенной сѣ прѣтами «корбей» лицо, на которое нельзя было смотрѣть безъ чувствительности, вошла, шурша роброномъ цвѣта неспѣлой сливы, съ розовыми букетиками, дѣвица, и два золотыхъ локона ея ниспадали на покатыя, неприкрытыя шелковой шалью плечи...

Готовый принять въ естественное свое лоно незнакомца, дядюшка Кобелевъ остановился, раскинувъ руки, и при видѣ несравненной красавицы, внезапно воскликнулъ: «Мишка, Оедька!» и выбѣжалъ вонъ...

А Нарцисъ Львовъ, приложивъ лѣвую руку къ сердцу, ступилъ назадъ три шага и учтиво поклонился, откинувъ правую въ сторону слегка и вверхъ.

— Приятно видѣть, — послѣдно заговорилъ гость, — племянникъ моего стараго служки подполковника Кобелева... узнаю. Душенька, это Львовъ Никодимъ...

— Нарцисъ! — томно закативъ глаза, пролепеталъ молодой человѣкъ и хотѣлъ добавить учтивость, но, выкативъ шійся сбоку дядюшка, успѣвъ поверхъ всего накиннуть персидскій караковаго цвѣта халатъ, закричалъ:

— Ахъ я старый кобель... узнаю вѣдь, узнаю; то-то вижу.. ммъ... ммъ... замычалъ онъ, принявъ на себя худшаго гостя.

— Настенька—воспитанница!

— Узнаю, узнаю,—обнималъ дядюшка и Настю.

Гость, освободясь, вынулъ изъ задняго кармана фуляръ, протеръ имъ очки и вытеръ губы и щеку, которая была мокра.

— Я проѣздомъ къ тебѣ изъ Петербурга въ вотчину.

— Хвалю, братъ, ура! Эй, холопы, обѣдь да винъ, всё, что есть въ погребѣ... Изъ Петербурга, что такъ?

— Да старъ становлюсь, хочу совершить по вотчинамъ послѣдній променадъ...

Дядюшка, весело на всёхъ посматривая, грузно переваливался на своемъ стулѣ.

— Проживешь у меня двѣ недѣли.

— Э, нѣтъ, завтра тронемся далѣе.

— Завтра не тронемся, а дней черезъ десять отпущу. Нарцисъ, ты что это на дѣвицу уставился... Будущій гусарь.

Дядюшка принялся смѣяться столь же сильно и почти сломалъ стулъ; Нарцисъ, покраснѣвшійся, склонилъ голову внизъ и на бокъ, а старичокъ сказалъ:

— Вдовушка она, мужъ, Преображенскаго полка лейб-гвардіи поручикъ полгода какъ отошелъ... миръ его праху. Да-съ...—И вздохнулъ, поморгавъ, а Настя поднесла къ глазамъ сиреневый платочекъ, надушенный «Вздохомъ кобель», что было весьма прилично для молодой женщины.

Дядюшка Кобелевъ закрутилъ усы и задушевно крикнулъ, но козачки—Мишка, Оедька и Оглобля принесли кушанья на синихъ блюдахъ и рѣзнаго дерева черный, обитый желѣзомъ, погребецъ...

Настенька, не поднимая глазъ, деликатно кушала, едва касаясь подаваемыхъ блюдъ и всего полъ бокала отпила крѣпкаго венгерскаго; шорохъ ногъ ея въ шелковыхъ юбкахъ смущалъ Нарциса до того, что блѣднѣя, ронялъ онъ по минутно стаканъ, ложку, забывъ о дорогихъ манжетахъ, смоченныхъ виномъ; дядюшка напротивъ опрокидывалъ въ свое горло кружку съ надписью: «пей три и еще трижды три» и не давалъ покойно откушать гостямъ.

— Вотъ видишь,—обратился онъ къ старичку, задумчиво жевавшему не то индѣйку съ грушами, не то такъ преогромное что-то и мясистое,—вотъ видишь, дама, вслѣдствіе деликатной природы, не употребляетъ пиши и вина, уподобляясь, такъ сказать, ангелу, облеченному въ совершенную оболочку...

Дядюшка запутался и, видя смущенье напротив сидящей Настеньки, крикнулъ:

— Старый гусаръ пить здоровье несравненной.

— Ахъ, вы неправду говорите, при чемъ несравненная,—молвила Настенька и уронила изъ рукъ платочекъ.

Нарцисъ, отбросилъ стулъ, кинулся услужить, и дядюшка полѣзъ подъ столъ качнувъ его, отчего зазвенѣлъ весь хрусталь, вылѣзъ же изъ-подъ стола красный, держа въ рукѣ трофей.

— Какой вы ловкій кавалеръ,—пѣжно улыбнулась ему Настенька и коснулась Нарциса ногой, а онъ кинулъ на дядюшку взоръ, отъ котораго тотъ скомкалъ салфетку, воскликнувъ:

— А давай-ка, Нарцисъ, покажемъ дамѣ, какъ на сабляхъ дерутся.

— Къ чему показывать, ахъ какіе пустяки,—сказала Настенька. Но бойцы уже стояли на срединѣ комнаты. Нарцисъ, ловко изогнувъ талию, дядюшка Кобелевъ засуча рукава, и принялись колотить другъ друга такъ, что почти безъ чувствъ упавшая въ кресло Настенька, поминутно вскрикивала, а старичокъ одобрительно клевалъ носомъ...

— Что понало!—кричалъ дядюшка, получивъ по головѣ и ткнулъ саблей въ жилетъ противника, сказавши: «уфъ!» Но не успокоился: уведя гостей въ садъ, показалъ стрѣльбу по коту, спавшему на воротахъ; потомъ привели всѣхъ коней, что есть на конюшнѣ, на самого крѣпкаго, пѣгой масти, дядюшка вскочилъ, обозвалъ Нарциса бабой за то, что лорнируя, бездѣйствовалъ; хотѣлъ даже перескочить черезъ заборъ, при чемъ некрашенный заборъ тутъ же сломался и, напугавъ однѣми ухватками, браво выстрѣлилъ изъ чугунной пушки, прикованной у бѣлыхъ столбовъ на площадкѣ передъ домомъ... И наконецъ,

вспотѣвъ, остановился передъ Настенькой, недоумѣвая, чѣмъ бы еще похвалиться.

Тѣмъ временемъ солнце, замѣчая чудеса въ сонной до сего времени, усадбѣ, протянуло зыбь вдоль пруда, проиграло на кормѣ задвинутой въ камыши лодки и, сонное, склонилось къ холмамъ, и навстрѣчу ему поднялась, розовѣя, пыль, пахнущаго молокомъ, стада.

Время тихому ужину и отдыху на пышной постели, гдѣ подъ атласнымъ пологомъ легко кружатся сны, притворно пугаясь натянутой стрѣлы купидона, стоящаго въ ногахъ. Забытый свѣтильникъ стелетъ мягкіе лучи на пѣжнымъ румянцемъ закрѣтающія, щеки, и золотые локоны безопасно открываютъ тонкую грудь и черную мушку, положенную небрежно и кокетливо...

Но не спала Настенька, лукаво взглядывая на мраморнаго купидона; можетъ быть назвала его глупымъ, можетъ быть обернула щеку навстрѣчу его стрѣлѣ... И прислушивалась...

Рядомъ въ комнатѣ ходилъ, скрипя половицами, дядюшка Кобелевъ и шопотомъ, который слышали на деревнѣ, отчитывалъ:

— Ты—молокососъ и ценокъ, братъ, рано тебѣ на бабъ заглядываться, выслужи съ мое, тогда тово... Гмъ... думаешь, не знай какой сантиментъ глядѣть на твоей желтый ротъ, и худъ ты, какъ чортъ знаетъ что, просто шена. Молчи, я говорю. Завтра чуть свѣтъ отвезу тебя въ городъ и раньше трехъ лѣтъ не смѣй показываться на глаза... Ступай и служи... И не смѣй у меня мечтать о гусарахъ... Вотъ какъ... собирайся... И дядюшка, ударивъ дверь, выпшелъ, но должно быть заглянулъ въ щелку другой двери, такъ какъ вдругъ комната Настеньки вся наполнилась густымъ его сопнѣемъ.

Обождая, пока затихли вдалекѣ коридора грузные шаги дядюшки, прыгнула Настенька на полъ и, при-

держивая на груди тонкую рубашку, босая, подбѣжала къ двери и сняла крючокъ...

— Какъ вы смѣете, ахъ, что обо мнѣ подумаете!— лепетала, прикрывая локонами нѣжную грудь, лукавая Настенька, сидя на кровати...

Нарпись, приложь къ сердцу ладони, на колѣняхъ стояль подлѣ босыхъ ногъ ея и молись:

— Не въ силахъ бороться съ чувствительностью, пораженный стрѣлой купидона, униженно падаю къ ногамъ моего кумира—не отвергайте убитаго нѣжнымъ чувствомъ...

— Ахъ, какое вы разрываете сердце,—отталкивала его дама...

Въ ночи влюбленныхъ свой таинственный фонарь открываетъ голубая луна. Сквозь влажные листья, заливая бѣлый подоконникъ, смотрится она въ томныя лица двухъ любовниковъ, облокотившихся на баллюстраду окна, зажигаетъ въ сердцахъ смутныя и новыя ласки, холода нечаянно прикоснувшіяся уста.

Нарпись охвативъ талию нѣжной любовницы, воскликнулъ:

— Смотрите на крышу флигеля, что напротивъ.

По крышѣ флигеля, что напротивъ окна, освѣщенное луной съ одного бока, ползло нѣчто огромное и темное, осторожно передвигаясь; плоская крыша гнулась и скрипѣла...

Когда это доползло настолько, что стала видна въ окно Настенькина кровать, оно поднялось, покачиваясь и вышло изъ кармана подзорную трубу.

Глаза встрѣтили глаза, Настенька, ахнувъ скользнула на коверъ, а то заревѣло, какъ бы укушенное строкой въ нѣжное мѣсто:

— Зарѣзалъ безъ пожа!

И съ шумомъ обрушился дядюшка съ крыши въ кусты.

1909 г.

ЯШМОВАЯ ТЕТРАДЬ.

По стриженной лужайкѣ, удаляясь отъ куртины повядшей сирени и, огибая столбтиною, подпертую потемнѣвшими рогульками, яблоню, гуляетъ, раскрывъ въ яшмовомъ переплетѣ тетрадь, дворянинъ въ голубомъ фракѣ.

Палевые брюки его подтянуты къ туфлямъ и изъподъ шелковаго жилета, цвѣта сливокъ, выглядываетъ, нѣжностью своей похожий на пѣнки, поджилетникъ изъ турецкой пали.

Дворянинъ подноситъ лорнетъ къ усталымъ своимъ, прекраснымъ глазамъ и они, скользнувъ по листамъ тетради, медленно поверхъ лорнета, устремляются за широкой на двѣ трети поросшей камышомъ прудъ, съ плотиной, обсаженной нагнувшимися къ водѣ ветлами, въ обсохшую заводъ, гдѣ ходятъ, деревенскія дѣвушки въ бѣлыхъ рукавахъ, надувающихся вѣтромъ, и въ платкахъ, желтыхъ, какъ медуница и альхъ какъ макъ. Граблями шевелятъ дѣвушки сѣно, а парень мечетъ его на возъ, гдѣ, подхватывая охапки, прыгаетъ другой, словно чортъ и покрикиваетъ, заломивъ гречушникъ, а дѣвушки поютъ.

— Найти ли предметъ, достойный вниманія,—говорить дворянинъ,—когда вокругъ все подвергнуто тлѣнію;

тлѣніе и смерть овладѣвають сердцемъ при видѣ минутныхъ забавъ жизни: какъ эта сирень опустила бѣлыя кисти цвѣтовъ, чтобы увянуть, такъ и я...

И, опять поднявъ лорнетъ, прочелъ дворянинъ стралицу изъ тетради:

Голубку голубъ полюбилъ
И въ роцѣ темной съ нею жилъ;
Гнѣздо вила его подруга,
А онъ, не вѣдая недуга,
Въ тѣни зеленой ворковать,
Пока осенній день насталъ.

Дворянинъ отнесъ лѣвой рукой тетрадь и вздохнулъ:
— Удѣлъ сердца—печаль, удѣлъ жизни—минутное, пока не разорвется сердце; ахъ, лучше не знать, когда минутное пройдетъ и жить какъ птицы или какъ тѣ за прудомъ, стребающіе сѣно...

Снова взглянулъ дворянинъ туда, гдѣ по поему парень въ гречушникѣ догонялъ дѣвushку; вздохнулъ и, положивъ въ карманъ фрака тетрадь, взялъ садовыя грабли и провелъ нѣсколько разъ ими по травѣ.

— Хотѣлъ бы также научиться пѣть, какъ они!—сказалъ дворянинъ и запѣлъ. И зарумянился и, опустивъ грабли, оглянулся въ надеждѣ, что позади него никто не стоитъ. Но именно позади, почтительно склонивъ грустное лицо, за грусть и приближенный въ камердинеры, стоялъ въ зеленой ливреѣ Филимонъ съ докладомъ:

— Кушать подано.

Гнѣвно сдвинулъ дворянинъ тонкія брови и сказалъ голосомъ скорѣе упавшимъ, чѣмъ рѣзкимъ.

— Ты помѣшалъ мнѣ забыться, иди вонъ, мой другъ!—И медленно провелъ еще граблями по травѣ, но, разбитый въ своей мечтательности, оставилъ не удовлетворившее занятіе и вошелъ по широкой лѣстницѣ, въ столовую, гдѣ,

развернувъ салфетку, попробовалъ кушанья, но не почувствовалъ въ себѣ аппетита, налилъ въ хрустальный бокалъ изюмнаго квасу и, откинувшись въ кресло, коснулся пальцами лѣвой руки правой. Тогда между пальцевъ пробѣжало какъ бы легкое дуновение и погрузило еще болѣе носителя этихъ, изъ слоновой кости выточенныхъ перстовъ, въ задумчивость, которая и убѣлила откинутый его лобъ.

— Нѣтъ,—сказалъ дворянинъ,—не для земныхъ утѣхъ эти руки; пусть достигнетъ меня на семь поприщѣ разлучительница! И закрылъ глаза и вздрогнулъ, и открылъ ихъ уже круглыми отъ испуга, потому что дверь отворилась и вошла...

... Осторожно ступая молодая баба въ бѣлыхъ рукавахъ и съ пунцовымъ лицомъ.

Таково бываетъ устройство иныхъ лицъ, когда надъ короткой губой закинулся, словно удерживая смѣхъ, преселый носъ, черная бровь бѣжить прямо къ переносицѣ, а другая улетѣла вверхъ и подпрыгиваетъ... Баба остановилась въ дверяхъ, рукой вытерла ротъ и носъ вмѣстѣ...

— Кто ты?—спросилъ дворянинъ, приподнявшись.

— До вашей милости,—сразу повалилась баба въ ноги,—какъ зимой мужа моего, Сидора Короткаго, лѣсной зашибло, осталась я сиротой до вашей милости.

— Ну?—сказалъ дворянинъ, успокаиваясь.

— Филимонъ утрасъ приходилъ, ты, говорить, Авдотья, баба...

— Иди, иди,—замахалъ дворянинъ рукою,—я разберу...

И, когда баба ушла, позвонилъ Филимона.

— Ты что, мой другъ, на тебя жалуются, называя вольтерьянцемъ. Ахъ, мой другъ, радости минутны и послѣдняя капля въ кубкѣ всегда отравлена...

Филимонъ, скосивъ глаза, пожевалъ бритымъ ртомъ.

— Что же ты, мой друг?..

— Сами изволили приказать вчерась,—сказалъ Элимонъ уныло,—для васъ и привели...

Дворянинъ подскочилъ въ креслѣ такъ, что почти выпалъ...

— Ахъ ты, грубый, иди вонъ...

— Въ самомъ дѣлѣ не говорилъ ли я чего-нибудь этому глупому?—подумалъ дворянинъ и застыдился своей безнравственности.

Прошло нѣкоторое молчаливое время и дворянинъ крикнулъ:

— Элимонъ, позови бабу, а самъ пойди въ лакейскую...

Баба вошла и снова стала у дверей, столь же картинно въ красномъ своемъ очипкѣ и сарафанѣ, затканномъ по зеленому полю пѣтухами...

Дворянинъ закрылъ глаза; было молчаніе, и большая муха тыкалась носомъ въ стекло упрямо и озлившись на скуку ли, на голодный свой желудокъ.

— Да!—воскликнулъ дворянинъ внезапно.

— Ахъ батюшки,—испугалась баба.

— Да,—повторилъ дворянинъ,—подумай о томъ, что ожидаетъ тебя по ту сторону жизни...

Баба вздохнула.

— Вѣрю ли я въ загробную жизнь,—воодушевившись говорилъ дворянинъ,—ахъ, никто не знаетъ, что съ нами станетъ послѣ печальной жизни.

Покинувъ низкое кресло, заходилъ дворянинъ по паркету и говорилъ горячо и много, какъ никогда, а баба слушала...

— Давай умереть, умереть вмѣстѣ, случайная моя подруга,—воскликнулъ онъ наконецъ, и положилъ на плечи ея похолодѣвшія свои руки.

Баба всплеснулась и заголосила:

— Жалостный ты мой, соколикъ, ягодка малиновая, сиротинка безталанная.

Бровь ея подпрыгивала, изъ сѣрыхъ глазъ полились слезы, носъ только не участвовалъ въ общей скорби, вздернувшись неподходяще случаю.

— Умереть, умереть!—лепеталъ дворянинъ и неудержимо потянуло его на широкую, участливую грудь.

Когда затѣмъ, съ зажженнымъ канделябромъ, вошелъ Элимонъ, у окна въ креслѣ сидѣла баба, а у нея на колѣняхъ, томный и слабый, дворянинъ прошепталъ:

— Элимонъ, зачѣмъ свѣтъ, у насъ есть луна.

Элимонъ, пятясь, прихлопнулъ за собою дверь и, поставивъ канделябръ на сундукъ, ударилъ себя по бокамъ и засмѣялся беззвучно.

1909 г.

ЗЛОСЧАСТНЫЙ.

Дописавъ четвертинку письма, положилъ баронъ Нусмюллеръ перо и щипцами снялъ наплывшую свѣтильню, отчего свѣча, разгораясь, позволила увидѣть облупленную стѣну и сводчатый потолокъ, гдѣ старыя пауки, наскучивъ бессонницей, выползаютъ изъ щелей и глядятъ на обитателя, и листы толстой бумаги, исписанные рукою, водимой высокими чувствомъ, и глаза офицера, полныя слезъ, и въ сердцѣ упрекъ—зачѣмъ жизнь не фіалъ, наполненный драгоценнымъ масломъ.

.... «Перечтите сіи робкія страницы,—продолжалъ съ тихимъ поскрипываніемъ писать баронъ Нусмюллеръ,—не огорчаясь надъ смѣшнымъ чувствомъ бѣдняка, не сѣтуя на Бога, зачѣмъ даровалъ вамъ несравненную красоту, столь губительную и, садясь въ голубую карету, чтобы совершить утреннюю прогулку, вспомните, что видѣлъ васъ кто-то два раза, двѣ вѣчности пережившія въ этихъ встрѣчахъ и первая изъ нихъ въ часъ, когда падаютъ желтыя листья дубравы въ каналъ, среди гранитныхъ береговъ, въ каменные вазы, гдѣ цвѣты уже поблекли и потемнѣла позолота высокихъ копій рѣшетки, и бѣдный офицеръ, ступая по влажному песку, вздрагиваетъ отъ

стука колесъ по набережной, ожидая—вотъ пролетитъ голубая карета, покачиваясь на золотыхъ рессорахъ, влекомая рыжими конями, грызущими цѣпи, и всколеблется ткань окна дыханіемъ вашимъ, коей нѣтъ достойнаго имени на землѣ.

Не расскажу чувства при видѣ несущейся, какъ голубое видѣніе, среди желтѣющей зелени, кареты; все въ жизни нашей уносится мгновенно. Увядшій листъ, примятый поспѣвшимъ колесомъ, поднялъ я и положилъ на грудь. Простите... И вотъ иная встрѣча: въ дождливыхъ сумеркахъ у широкаго подъѣзда, фонарь со скрипомъ раскачивается вѣтромъ, и около, пряча подбородокъ въ воротникъ шинели, стоитъ молодой офицеръ, глаза его горятъ, слѣдя, какъ за окнами въ вальсѣ кружатся дамы. Уже кучерамъ, запрудившимъ улицу, выдано по калачу и стакану пѣннаго; уже вальсъ затихъ и начата мазурка, и дождь насквозь пробилъ шинель, и вотъ наконецъ, крикъ—пади! и фыркнули передъ лицомъ морды лошадей и, гремя, подкатила карета. Закутанный въ мѣха грумъ раскрываетъ дверцы и, пахнувъ теплотою духовъ, выходите вы, ваше лицо закрыто розовымъ кашпоромъ и тяжелый шлейфъ, ревниво оберегающій ноги, не въ силахъ сопротивляться вѣтру, приоткрываетъ башмачокъ... и несчастный пошелъ, пошатываясь, къ своимъ паукамъ въ плохо-штукатуренную комнату, на третьемъ этажѣ у мадамъ Фрицъ, что на Гороховой.

Не знаю имени вашего, я не видѣлъ ваше лицо: къ чему? Оно несравненно, какъ роза, опьяненный ароматомъ которой, поетъ въ ночной прелести соловей предсмертную пѣсню. Предсмертную, увы!.. Ибо что остается мнѣ въ такое меланхолическое время... Пистолетъ со взведеннымъ кремнемъ передо мною, сейчасъ я ставлю послѣдній знакъ на этомъ письмѣ, которое, послѣ того,

какъ отлетитъ душа изъ несовершенной моей оболочки
отнесетъ вамъ, прелестника, мой денщикъ!»

* * *

Поставивъ точку, баронъ Нусмюллеръ отложилъ перо, и, все еще стоя въ узкомъ мундирѣ, въ лосинахъ и ботфортахъ, у конторки, задумался, склонивъ худошавое и длинное лицо свое на ладонь.

Вѣтеръ хлопалъ оторваннымъ ставнемъ, обильно мочилъ окно, заклеенное съ угла синей бумагой, и свистѣлъ въ трубѣ такъ, что нельзя было не грустить.

— Безумный,—прошптала бароня Нусмюллеръ и, поглядѣвъ на пистолеть, погрузился въ черныя мысли. Позади него у закопченнаго камина на мольбертѣ стоялъ акварельный рисунокъ голубой кареты; рядомъ на кресло брошенъ плащъ и трубка.

Баронъ Нусмюллеръ, запечатавъ письмо, отошелъ отъ конторки, горько улыбнулся, затѣмъ оттолкнувъ трубку такъ, что она упала и разбилась, завернулся въ плащъ и сѣлъ въ кожаное кресло...

— Разбилась,—молвилъ онъ, глядя на трубку,—а жаль, я любилъ ее, надо же любить кого-нибудь...

И затѣмъ глубокій вздохъ вырвался изъ груди его и взоръ остановился на картинѣ.

— Неслышными шагами крадется любовь,—говоритъ баронъ Нусмюллеръ,—и сердце не ожидаетъ, спокойно бьется, и вотъ уже занесено лезвие и глубоко вонзается... И сердце не знаетъ, что съ нимъ, отчего потокомъ лететь кровь?.. бѣдный, злосчастный...

Наступило продолжительное молчаніе, во время котораго вѣтеръ, найдя щели, колебалъ свѣчу, голова барона клонилась на грудь. Вдругъ безусый, съ толстыми губами денщикъ, подошелъ, лукаво прищурясь, къ креслу,

взявъ изъ руки барона письмо съ еще не написаннымъ на немъ адресомъ и повернувшись, какъ деревянный, замаршировалъ за дверь, которая захлопнулась сама собой, и баронъ похолодѣлъ отъ страха.

— Начинается,—подумалъ онъ и, помимо желанія, поглядѣлъ на карету, написанную акварелью имъ самимъ.

* * *

— Грѣшно думать, чтобы Господь, пренебрегая величьемъ, снисходилъ для устройства житейскихъ нашихъ дѣлъ, но есть явленія, приписываемыя по легкомыслию случаю, проникнувъ въ существо которыхъ, видимъ въ нихъ руку Создателя.

Послѣ такихъ словъ молодого офицера, колеса отъ дивасной кареты повернулись и закружились, мелькая спицами, грумъ въ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ покосился на барона Нусмюллера, толстый кучеръ взмахнулъ кнутомъ, и ясно послышался звонъ грызomyхъ конями цѣпей.

«Отъ кого они убѣгаютъ?—думаетъ баронъ,—почему такъ торопятся уѣхать?»

А сбоку, скользя по рамѣ и, протянувъ выше верстового столба руку съ растопыренными пальцами, появился на поверхности картины денщикъ, догоняя карету. Кучеръ хлесталъ кнутомъ, карета подпрыгивала и баронъ Нусмюллеръ застоналъ:

— Боже мой, Боже мой, оставь... Не надо... Я еще не хочу умирать...

Денщикъ, наконецъ, повисъ на ручкѣ кареты, волоча высоко подпрыгивающія ноги, просунулъ въ окно руку съ письмомъ, шторка заколебалась и баронъ увидалъ... Злое, ахъ, совсѣмъ не ангельское лицо... Она взяла письмо, разорвала пополамъ и бросила...

* * *

Баронъ Нусмюллеръ, вскочивъ съ кресла, подбѣжалъ къ конторкѣ, оправилъ свѣчу и, закинувъ локти, съ раскрытымъ ротомъ обернулся, глядя на мольбертъ. Карета, какъ прежде, катилась по желтымъ листьямъ. Но только на голубомъ ея кузовѣ словно брызги отъ колесъ, были замѣтны пятна: «картину уже заклевали мухи»—сказалъ баронъ; разстроенный отвернулся и замѣтилъ между пальцами смятое письмо.

— Мечты и дѣйствительность,—сказалъ онъ, давъ себѣ успокоиться.—Господь, милосердая, открылъ моимъ глазамъ грядущее и отвелъ ударъ, прежде чѣмъ былъ онъ нанесенъ. Сатана, принявъ ангельскій образъ, ѣздитъ въ голубой каретѣ.

Затѣмъ, взявъ за уголокъ, поднесъ онъ веленевый конвертъ къ пламени свѣчи, бумага задымилась, скорбила, пожелтѣвъ и ярко вспыхнула, добѣжавшій огонекъ обжегъ пальцы. Баронъ пососалъ пальцы и, обмокнувъ перо, быстро написалъ:

«Дорогой родитель, вотъ уже третій день, какъ я ничего не ѣлъ, посему осмѣлюсь просить Васъ прислать мнѣ 35 рублей ассигнаціями, за что буду по гробъ благодарный и почтительный сынъ вашъ Игнатъ...

1909 г.